

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА**

Філософський факультет

ПОЛІЛОГ

**Збірник статей молодих науковців з історії,
філософії та культурології
Випуск 4**

Одеса
Букаєв Вадим Вікторович
2017

УДК 122/129

ББК 87.774

П50

Рекомендовано до друку Вченою радою філософського факультету
(протокол № 7 від 18.05.2017)

Редакційна колегія:

Чайковский О. В., к.ф.н., доцент (голова редколегії)

Присяжнюк О. Я., к.ф.н., доцент (заступник голови редколегії)

Неклесова В. Ю., к.ф.н., доцент (заступник голови редколегії)

Барвінська П. І., д.і.н., професор

Бачинська О. А., д.і.н., професор

Богата Л. М., д.ф.н., професор

Голубовіч І. В., д.ф.н., професор

Довгополова О. А., д.ф.н., професор

Кушнір В. Г., д.і.н., професор

Хмарський В. М., д.і.н., професор

Ковальський С. В., к.і.н., доцент

Петриківська О. С., к.ф.н., доцент

Петрова Н. О., к.і.н., доцент

Поспелов А. С., к.і.н., доцент

Секретар редколегії – Долгочуб В. А., аспірант історичного факультету ОНУ імені
І. І. Мечникова

Матеріали збірника будуть опубліковані на сайті

<http://www.philosoph.onu.edu.ua/>

Полілог. Збірник статей молодих науковців з історії,
П50 філософії, культурології / редкол.: О. В. Чайковський та ін. —
Одеса : видавець Букаєв Вадим Вікторович, 2017. — 170 с.

ISBN

Збірник містить дослідження, що охоплюють широкий спектр проблем з історії, філософії та культурології. Опубліковані дослідження відображають авторське бачення проблем філософії, культурології, історії, етнології та археології. Редакція залишає за собою право редагувати статті. Матеріали збірника призначені науковцям, викладачам вищої школи, студентам, аспірантам та всім, хто цікавиться історією, філософією, соціальними та гуманітарними науками в цілому.

Редколегія виражає щире подяку аспіранту історичного факультету
В.А. Долгочубу за плідотворну співпрацю.

УДК 122/129

ББК 87.774

ISBN

© Автори статей, 2017

ЗМІСТ

ІСТОРІЯ

Зябікіна К.Ю. Формування антирадянських частин на території Криму.....	5
Ковальов Д.В. Лапуаський Рух: злет і падіння Фінського націонал-фашизму.....	11
Кравченко С.С. Вооруженные силы Уганды и Танзании во время двухстороннего конфликта в 1978-1979 гг.....	21
Майборода П.А., Жиленко А.О., Панин М.О., Родичева Е.С. Средневековый латинский ехемплум о святом псе Гинфорт: перевод и комментарий.....	29
Поспелов А.С. Причины та принципи мілітарного реформування Румунії в кінці ХХ – на початку ХХІ ст.....	41
Топчий В.И. Военно-политическая деятельность Чезаре Борджиа.....	48
Bendas D.Y. XX th century youth subcultures.....	55
Filiuk L.M., Golodetsky D.L. The wave of Ukrainian migration to Australia in 1948-1949.....	60
Samofatov M.I. Interrogation at the School of the Americas in 1983 – 1987	65

ФІЛОСОФІЯ, КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Богатая Л.Н. О метатеоретических построениях Р. Крейга.....	72
Вильховченко Н.П. Гендер как социокультурный феномен.....	83
Нофал Ф.О. Философия музыки ал-Кинди: космологический аспект.....	89
Олійниченко О.В. Взаємодія лінгвокультур як основа міжкультурної комунікації.....	100
Присяжнюк О.Я. Роль стереотипов в межкультурной коммуникации.....	108
Рубский В.Н. Теоретический и экзистенциальный аспекты самореализации.....	116
Рубский В.Н. Структура интроспективного опыта сознания в теории Д.Деннета.....	123
Fyodorova K.G. Pulp Fiction: watch, play and shoot.....	135
Popravko O.O. The morality of war.....	140
Rayhert K.W. Paul Verhoeven's RoboJesus.....	148
Titimets I.O. The avant-garde art in the XX th century.....	155
Tomashunos O.S. Symbols, myths and metaphors in the advertisement.....	162
Відомості про авторів.....	168

Наукове видання

ПОЛІЛОГ

Збірник статей молодих науковців з історії,
філософії та культурології

Випуск 4

Технічне редагування – Неклесова В.Ю.
Обкладинка – Неклесова В.Ю. (взято з
<http://www.ancientworldmaps.blogspot.com/>
"Mappa mundi Borgia")

Підп. до друку 26.06.2017. Формат 60х90/16. Папір офсетний.
Гарн. «Times» Друк цифровий. Ум. друк. арк. 10,56.
Наклад 100 пр.
Видавець Букаєв Вадим Вікторович
вул. Пантелеймонівська 34, м. Одеса, 65012.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2783 від 02.03.2007 р.
Тел. 0949464393, 0487431393 email – 7431393@gmail.com

ІСТОРІЯ

УДК 94(477.75)"1941/1945"

ФОРМУВАННЯ АНТИРАДЯНСЬКИХ ЧАСТИН НА ТЕРИТОРІЇ КРИМУ

К.Ю. Зябікіна

*студентка IV курсу історичного факультету
Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова
Тел. +38093–767–04–96; email: katerinka-kabanova@rambler.ru*

Основним завданням цієї статті стало дослідження причин, а також особливостей формування антирадянських частин на території Криму, укомплектованих, у більшості випадків татарами. Розглянуто шляхи реалізації німецьким командуванням антирадянської діяльності на території Криму, а також національні особливості цього процесу.

Ключові слова: татари, німецькі війська, антирадянський, Крим, вермахт.

Основной задачей этой статьи стало исследование причин, а также особенностей формирования антисоветских частей на территории Крыма, укомплектованных татарами в большинстве случаев. Рассмотрены пути реализации немецким командованием антисоветской деятельности на территории Крыма, а также национальные особенности этого процесса.

Ключевые слова: татары, немецкие войска, антисоветский, Крым, вермахт.

The main task of this article was to study the causes as well as the peculiarities of anti-Soviet units in the Crimea which consisted in most cases of the Tatars. The ways of realization by the German command of anti-Soviet activity on the territory of Crimea, as well as some national features of this process are considered.

Key words: Tatars, German troops, anti-Soviet, Crimea, Wehrmacht.

Важливою складовою німецької окупаційної і національної політики було залучення населення окупованих радянських територій до співпраці. Причини, що призвели до створення колабораціоністських формувань, були двох типів. Умовно їх можна назвати «німецькими» і «національними».

Залучаючи добровольців з числа населення окупованої території Криму, німецьке військово-політичне керівництво, по-перше, розраховувало поповнити людські ресурси, у яких до зими 1941 р. намітилася явна криза. По-друге, вона планувала створити ефективні сили для боротьби з зростаючим партизанським рухом. Причому, слід зазначити, що поряд з військовим питанням тут був і певний пропагандистський ефект - змусити партизан боротися з своїми співвітчизниками. По-третє, на певному етапі залучення добровольців стало символом початку «нової» німецької політики. Таким чином, німецька сторона була явним ініціатором цього процесу. Однак роль інших причин, також, не можна недооцінювати. У ряді випадків представникам національних рухів належала не менше активна роль. Як правило, визначальними в даному випадку були такі мотиви: колабораціоністські формування, як інструмент тиску на німців, як засіб боротьби проти своїх ідеологічних супротивників і, на заключному етапі війни, як предмет торгу з західними союзниками [11: 14].

Німецький окупаційний режим на території СРСР і в Криму, зокрема, мав багато особливостей. Однією з них було те, що значну роль в його військовому забезпеченні грали колабораціоністські або добровольчі формування, створені різними гілками німецьких збройних сил і формами окупаційної адміністрації. Процес створення і використання колабораціоністських частин на території Криму мав свої відмінні риси, що залежали від особливостей окупаційного режиму в Криму і його положення як багатонаціонального регіону. Першочергово почали створюватися спеціальні табори для військовополонених в яких йшло розділення за національністю. Росіян вибудовували в одну колону, українців – в іншу, татар і кавказців – в третю і т. д. [4]. Цей процес давав змогу виділити більш боєздатні групи і розпочинати серед них агітаційну роботу.

Пропагандистські служби вермахту отримали з Берліна спеціальну вказівку, в якому говорилося: «Безглуздо звертатися з пропагандою до багатьох племен відразу. Змішаний добровольчий корпус тоді не буде боєздатним. Потрібно сформувати окремі підрозділи грузин, вірмен, татар, кавказців і т. д.» [7: 604]. Про причини, які штовхнули значну частину кримськотатарського населення до співпраці з німцями, написано досить багато, однак найбільш красномовно про це говорять німецькі документи: «До 1926-1927 рр. ради, ще якимось зважали на татарські традиції, – повідомлялось в одному з доносів, але після того, як сюди почали поселятися євреї, татари почали протестувати, а це викликало придушення татарських елементів, і особливо те, що вони вперто трималася своєї віри, мови, своєї культури, свого укладу життя. Їх релігійна діяльність безсоромно придушувалася. Все це є, – робив висновок автор донесення, – головною підставою того, що татари, у широкому загалу селянське

населення, були чужі більшовизму, а можновладці радянські панове вважали їх людьми нижчого сорту» [5: 93].

З приходом німецьких військ в Крим татари показували свою дружелюбність до німців. Зокрема, Е. фон Манштейн у своїх спогадах зазначав таке: «Татари відразу ж встали на нашу сторону. Вони бачили в нас своїх визволителів від більшовицького ярма, тим більше що ми поважали їх релігійні звичаї. До мене прибула татарська депутація, яка принесла фрукти і красиві тканини ручної роботи для визволителя татар «Адольфа Еффенді» [6: 238]. Тому, по відношенню до кримськотатарського народу німецьке командування вимагало на місцях проявляти максимум поваги. Так командувач 11-ю армією Е. фон Манштейн 20 і 29 листопада 1941 р. видав два накази, в яких вимагав шанобливого ставлення до релігійних звичаїв татар-мусульман в Криму і закликав не допускати будь-яких невинуватих дій проти мирного населення [8: 7].

Покликані в армію татари вважалися службовцями вермахту. При вступі до вермахту татар одразу розподіляли по частинах, звільняли від роботи, сконцентровували в зручних місцях, звідки їх забирали представники частин Вермахту. Айнзатцгруп «Д» в свою чергу проводили підготовку для розподілу, направлення в казарми, керівництво та навчання татарських рот самооборони. Після їх огляду в військових частинах ті татари, які не підходили для служби в стройових частинах, прямували знову через айнзатцгрупи в свої села [2]. Командування айнзатцгрупи «Д» приймало на себе керівництво, харчування та видачу грошового утримання татарських рот самооборони через відповідні німецькі підрозділи вермахту. Обмундирування, по можливості, було німецьким, але без відзнак. озброєння татарські роти отримували тільки піхотне [3].

Застосування татарських рот в бойових діях показує, що вони в основному діяли ефективно. Один з перших загонів самооборони в кінці жовтня – початку листопада 1941 р. був створений в селі Коуш. Його командиром був призначений місцевий житель А. Раїмов, який дослужився в німецькій поліції до чину майора. Активну участь у створенні загону брав староста села О. Хасанов, в недавньому минулому член ВКП (б). Головним завданням цього загону було «постійними нападами та диверсіями тримати в напрузі партизан, винищувати їх живу силу, грабувати продовольчі бази» [10: 66]. На той момент в загоні проходило службу 80 осіб. Крім цього, Коуш був центром вербування добровольців-татар в даному районі. Завдяки трьом лініям сильних укріплень, Коуш довгий час був невразливий для радянських партизан, які робили неодноразові спроби захопити це село [12: 166]. Досвід жителів Коуша виявився настільки вдалим, що командувач 11-ю армією генерал-полковник Е. фон Манштейн вирішив поширити його на весь Крим. Результатом його рішення став наказ штабу 11-ї армії, датований листопадом 1941 р. і отримав назву «Про самооборону населення проти

партизан» [2: 281 – 283]. Ті підрозділи з татар, які не пройшли достатню підготовку, застосовувалися для охоронних заходів. Необхідно зауважити, що там, «де розміщені татарські підрозділи, партизани не нападають на населені пункти або нападають рідко» [15].

Татари також добре несли внутрішню службу, намагалися добре виглядати, дотримувалися чистоти і в цьому сенсі краще виглядали у порівнянні з тими російськими підрозділами, які були на службі в рядах Третього Рейху. озброєння татари отримували із запасів армії. Проводилось їх обмундирування, вони отримали шинелі і сталеві каски. В цілому з уніформною проблем не було. Однак, через кілька днів після створення рот і видачі обмундирування проблеми виникли з взуттям. Не звиклі ходити в чоботях кримські татари почали натирати собі ноги. Тоді як компроміс для них були розроблені гамаші, зроблені з трофейних радянських шинелей. Ніг вони не натирали, так як були схожі на звичні для татар м'які шкарпетки [12: 178]. Так як, партизани намагалися так само вдягатися, як татари, німці дуже прискіпливо відносились до цього питання і уважно перевіряли кожного солдата. Е. фон Манштейн у своїх спогадах говорив про необхідність прискорення повного озброєння всіх татар-добровольців [6: 423]. Командувач 11-ї Армією Е. фон Манштейн у своїй «Довідці про факти переходу партизанів на сторону ворога» зазначає що: «У Криму німцям вдалося на початку окупації більшу частину татарського населення (сільського) схилити на свою сторону і навіть відновити його проти російських, створити з татар збройні групи по боротьбі з партизанами, насадити велику мережу шпигунів і зрадників в партизанських загонах, що безумовно позначилося на розмах і бойові якості партизанського руху в Криму ... Всього по липень 1942 року дезертирували і перейшло до ворога 1200 людей, з них 891 – татари» [13]. Татарські групи під командуванням Я.Смайла, Райлова та ін. виконували криваві доручення гітлерівців. На їхньому рахунку розстріли жителів селищ Чаїр, червоноармійців у села Ворон. Місцеве населення і татари старшого віку негативно ставилися до такої «служби». Однією з причин успіху німецької рекрутської компанії в Криму стали прорахунки командування партизанського руху на півострові. Загалом, таким чином, близько 20 тис. чоловік кримськотатарського населення перейшло на сторону Німеччини. При цьому німці не збиралися зупинятися на досягнутому і планували домогтися того, щоб в колабораціоністських формуваннях були «задіяні» всі боєздатні татари.

Не дивлячись на всі успіхи, яких вдалось досягнути кримськотатарським добровольчим формуванням, вони тоді навіть й не здогадувалися, що нацисти мали намір депортувати кримський народ в Тюрингську область Німеччини, а Крим заселити німцями, перейменувавши його в Готланд [1]. Більше того, зрозуміло, що вони не здогадувалися про те, що це зроблять їх співвітчизники.

Підводячи підсумки хотілось би звернути увагу на те що, при вивченні періоду окупації Криму увага дослідників традиційно акцентувалася лише на одній національній групі – кримських татарах. Дослідження проводилися некоректно, при розгляді історіографії було виявлено численні випадки, коли за кримських авторів видавали азербайджанців, грузинів, туркменів, казанських татар і навіть росіян. Подібний підхід – не випадковий. Виконуючи ідеологічне замовлення влади, І. Еренбург писав: «Це війна з Росією. Немає жодного росіянина проти нас. Немає жодного росіянина, який стояв би за німців» [14: 131]. Ця фраза була опублікована в листопаді 1941 р. і стала дороговказом для всіх наступних публікацій. «Зрадника могли бути лише іногородці» [9: 390].

Нав'язані суспільній свідомості хибні уявлення про те, що «добровольцями» були винятково кримські татари, трансформувались у стереотипи. У наш час переконливо доведено, що колабораціонізм на території Криму мав не тільки етнічну, а політичну й соціально-економічну природу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Агаев А. Трижды депортированные. Почему в России не понимают крымских татар [Электронный ресурс] / А. Агаев. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/analytics/tridzhy-deportirovannye-pochemu-v-rossii-ne-ponimayut-krymskih-tatar>
2. Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 // М., 2000. – Вып. 1. – С. 281 – 295.
3. Из дневника боевых действий 11-й армии в Крыму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn-e1ajp.com.ua/download/books/tatar.pdf>
4. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалев. – М., 2011. – 619 с.: ил.
5. Литвин Г.А. Крымско-татарские формирования. Документы свидетельствуют / Г.А. Литвин // Военный исторический журнал. – 1991. – № 3. – С. 89 – 95.
6. Манштейн Э. Утерянные победы / Э. Манштейн, сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: АСТ, 1999. – 896 с.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне / сб. документов. — М.: «Русь», 2003. – Т. 3. – Кн. 1. – 706 с.
8. Партизанское движение в Крыму (1941 – 1942) [Электронный ресурс]. – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 244 с. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/0/pdf/krym_partizany.pdf (16.03.2017)
9. Поляков В. Чи мав колабораціонізм у Криму якісь унікальні риси? / В.

- Поляков // Історія Криму в запитаннях та відповідях. – Київ: Наукова думка, 2015. – С. 388 – 391.
10. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? / И.В. Пыхалов. — М.: Яуза-пресс, 2008. — 480 с.
 11. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941 – 1945. / О.В. Романько. – М.: Вече, 2008. – 448 с.
 12. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму / О.В. Романько. – М.: Вече, 2011. – 432 с.: ил.
 13. Чуев С.Г. Татарский коллаборационизм в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] / С.Г. Чуев // Обозреватель. – № 5-6. – Режим доступа: <http://www.tatar-history.narod.ru/kolabr.htm>. (23.04.2017)
 14. Эренбург И.Г. Война. 1941 – 1945 [Электронный ресурс] / И.Г. Эренбург. – М.: КРПА Олимп, 2004. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html. (09.04.2017)
 15. Яблоновская Н.В. Оккупационная газета «Азат Крым» (1942 – 1944): национальная пресса в контексте информационных войн / Н.В. Яблоновская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36434/33-Yablonovskaya.pdf?sequence=1>

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.М.Шкляєвим
Стаття надійшла до редакції 4.06.2017*

ЛАПУАСЬКИЙ РУХ:
ЗЛЕТ І ПАДІННЯ ФІНСЬКОГО НАЦІОНАЛ-ФАШИЗМУ

Д.В. Ковальов

аспірант IV року навчання кафедри історії та політичної теорії

ДВНЗ «Національний Гірничий Університет»

Тел. +38050–914–17–76; e-mail: kdv_svboda@ukr.net

The research is dedicated to the origin and development of the Lapua Movement in the Republic of Finland during 1929 – 1932. In the focus of this research the author places a deployment of ideological and political struggle of the Finnish nationalists against the communist threat. The author analyzed key events that were associated with the attempt of the Lapua Movement activists who had wanted to take power in Finland as a peaceful way and an armed rebellion. The article also revealed attitude of the Finnish political elite and government towards the radical Finnish nationalists at that period.

Keywords: Finland, Lapua Movement, Finnish nationalism, communism, socialism

У роботі висвітлено основні питання, пов'язані із зародженням та розвитком Лапуаського Руху у Фінляндській Республіці протягом 1929-1932 рр. Основну увагу приділено розгортанню ідейно-політичної боротьби фінських націоналістів проти комуністичної загрози. Здійснено аналіз головних подій, пов'язаних зі спробою активістів Лапуаського Руху взяти владу у Фінляндії як мирним шляхом, так і спробою збройного заколоту. Визначено ставлення фінляндської політичної еліти та урядової верхівки до радикальних дій фінських націоналістів у зазначений період.

Ключові слова: Фінляндія, Лапуаський Рух, фінський націоналізм, комунізм, соціалізм

В работе освещены основные вопросы, связанные с зарождением и развитием Лапуаского Движения в Финляндской Республике в течение 1929-1932 гг. Основное внимание уделено разворачиванию идейно-политической борьбы финских националистов против коммунистической угрозы. Осуществлен анализ главных событий, связанных с попыткой активистов Лапуаского Движения взять власть в Финляндии, как мирным путем, так и попыткой вооруженного мятежа. Определено отношение финляндской политической элиты и правительственной верхушки к радикальным действиям финских националистов в указанный период.

Ключевые слова: Финляндия, Лапуаское Движение, финский национализм, коммунизм, социализм

Після руйнівної Першої світової війни, як і в інших країнах Європи, у Фінляндській Республіці виникає доволі радикальний рух, що в 1920-х рр. наслідує ідеї італійського фашизму, а пізніше, у 1930-х рр. і німецького націонал-соціалізму. Варто зауважити, що фінський націоналізм, який тривалий час був виключно антиросійським, після здобуття незалежності Фінляндією одразу прийняв ще й антикомуністичні гасла. У середині 1920-х рр. ветерани фінляндської Визвольної Війни 1918-го р. намагались самотужки боротись із “засиллям” шведської культури, однак найбільшою небезпекою продовжували вважати Москву з її хворобливими прагненнями світової комуністичної революції. Молода північноєвропейська країна Фінляндія скинувши кайдани російського царизму почала готуватись до можливого вторгнення московського більшовизму. Саме тоді антицарські настрої кінця XIX – початку XX ст. еволюціонували в антисоветські. Першою і водночас найбільш чисельною націоналістичною силою у Фінляндії став Лапуаський Рух (фін. Lapuan liike), що виник у листопаді 1929 р. в селищі Лапуа у провінції Західна Пох’янмаа.

Варто підкреслити, що цей праворадикальний рух виник саме у той момент, коли розрізнені фінські націоналістичні організації із хаотичних об’єднались в єдину силу, що могла зупинити реванш місцевих лівих радикалів та, навіть, змусити відчувати страх за можливу втрату владу у президента та уряду Фінляндської Республіки.

Актуальність даної теми полягає у розкритті раніше невідомих сторінок історії фінського націоналістичного та профашистського Лапуаського Руху. У сучасній історичній науці відбувається переосмислення традиційних напрямів дослідження, визначаються нові сфери наукових інтересів, розробляються нові концепції. Тож враховуючи ці скоро плинні тенденції часу, у рамках здійсненого дослідження варто якомога повніше розкрити питання, що вперше порушують значення ідеології та методів здійснення політичної боротьби керівництвом Лапуаського Руху. Необхідно також підкреслити, що в українській історії ця проблематика аналізується вперше. **Мета** дослідження полягає у реконструкції історичного тла у Фінляндській Республіці середини 20-х – початку 30-х рр. XX ст., яке дозволило з’явитись і значно просунутись крайнім правим ідеям з елементами фашизму та націонал-соціалізму в діяльності Лапуаського Руху, з означенням сутності й особливостей феномену “фінського націонал-фашизму”. **Завдання** статті: 1) проаналізувати передумови та причини зародження у демократичній Фінляндії праворадикального Лапуаського Руху; 2) визначити роль лідерів руху та вплив цього руху загалом на суспільно-політичну ситуацію в країні у вказаний період; 3) визначити важливість впливу італійського фашизму на ідеологічну складову Лапуаського Руху.

Через географічну віддаленість історія Фінляндії міжвоєнного періоду в незалежній Україні майже не вивчалась. Як на наш погляд, несправедливо припадала пилот тематика зародження та розвитку націоналістичних сил, у першу чергу Лапуаського Руху, що мали деякі схожості з діяльністю УВО та ОУН в Україні як в ідеологічному, так і в практичному плані. Тож автором було здійснено детальний аналіз праць провідних фінляндських дослідників з цієї проблематики: 1) так О. Юссіла, С. Гентіля та Ю. Неваківі спробували розкрити сутність всієї політичної системи у Фінляндії з царських часів до сьогодення, акцентуючи увагу на діяльності патріотично налаштованих партій для здобуття державної незалежності і недопущенні комуністичної диктатури [10]; 6) історик Ю. Нійністо присвятив своє дослідження виключно діяльності та ідеологічному фундаменту Лапуаського Руху [13]; в) у свою чергу, Ю. Сілтала концентрує свою увагу на мирній спробі здійснення державного заколоту активістами Лапуаського Руху за допомогою кількох тисяч безробітних та обездоленних селян [15]; г) дослідник правих ідеологій М. Агті розкриває сутність впливів фашизму та націонал-соціалізму на радикалізацію фінського націоналізму в лавах Лапуаського Руху [9]; г) а Р. Перяля прагне якомога ширше подати соціальну складову рядового членства організації, що брали участь у придушенні комуністичного підпілля в сільській місцевості Фінляндії [14]. Однак з недавніх пір тематика суспільно-політичної орієнтації фінляндських партій та організацій на нацистську Німеччину і демократичну Францію стали розкриватись в наукових статтях української дослідниці з Рівного – Г. Невинної [5; 6; 7]. Узагальнений аналіз розвитку правої ідеології у Фінляндії в міжвоєнний період представлено також у статтях О. Васюкова [2] та В. Бикова [1]. Основними джерелами в процесі написання цієї історичної розвідки стали офіційні партійні документи та записи промов лідерів Лапуаського Руху, знайдені в монографіях європейських дослідників А. Кеміляйнен [11] та В. Віппермана [3].

Історія Лапуаського Руху у Фінляндії веде свій відлік від діяльності найбільш радикальних загонів Охоронного Корпусу (фін. Suojeluskunta) в часи Визвольної Війни 1918-го р. у Фінляндії, які займались винищенням комуністичної загрози на території сільської місцевості провінцій Саво та Кар'яла. Після тих кривавих подій активістами із середовища наукової інтелігенції Гельсінкі та колишніми фронтовиками було засновано Академічне Карельське Товариство (фін. Akateeminen Karjala-Seura) [11: 258]. Члени цього товариства активно займались не тільки просвітницькою діяльністю, але й підведенням наукової бази під нову ідеологію фінських націоналістів на території, населених народами-одноплемінниками, в першу чергу карелами. Так, згідно із теоріями представників Академічного Карельського Товариства, що стали складовими ідеології Великої Фінляндії (фін. Suur-Suomi), карели по своїй суті були тими ж фінами, тільки

зросійщеними в результаті тривалого проживання під ярмом Москви [11: 259]. Втім, одноплемінники проживали не тільки на території СРСР, а й на території норвезької і шведської Лапландії. Вельми показовим на той час було одне з основних гасел Академічного Карельського Товариства: *«Проти диявола і росіян!»* (фін. Vastaan paholainen ja venäläiset!) [11: 260].

З іншого боку, на початку 1920-х рр. все більшу активність набирала ліво-радикальний рух, що мав серйозну підтримку в середовищі робітничого класу країни. Створена в сусідньому СРСР Комуністична Партія Фінляндії (далі КПФ), з числа колишніх закордонців під проводом Куллерво Маннера та Отто-Віллі Куусінен, в самій Фінляндії була офіційно заборонена [10: 246]. У свою чергу, в середині урядової Соціал-Демократичної Партії Фінляндії (далі СДП) продовжувала функціонувати ліво-радикальна фракція, яка в 1920 р. виділилася в самостійну силу – Соціалістичну Робочу Партію Фінляндії (далі СРП), фактично ставши легальною філією КПФ [10: 247]. Ідейним фінляндським комуністам вдалося також узяти керівництво в молодіжній і жіночій організації СДП, а також зайняти більшість місць в керівництві Організації Профспілок Фінляндії [10: 247]. Крім того, в Едускунті 27 народних депутатів від СРП відкололись від СДП, створивши власну окрему фракцію.

Таке зростання активності комуністів не влаштовувало, а ні правих, а ні цілком собі центристські налаштовані партії більшості в Едускунті та фінляндському уряді. У січні 1923 р. був створений Охоронний Союз Фінляндії (фін. Suomen Suojeluliitto), лідери якого закликали фінляндців до боротьби з комунізмом як в самій країні, так і поза її межами [12: 222]. Серед членів цього союзу були майбутні президенти Фінляндії – Карл-Густаф-Еміль Маннергейм та Пер-Евінд Свінгунд. Вже навесні 1923 р. фінляндський уряд під проводом прем'єр-міністра Кюості Калліо почав справжній наступ на ліві сили: було заборонено діяльність Соціалістичного Союзу Молоді; члени СРП, щоб зберегти свій легітимний статус, мали позбутись лівої ідеології й прибрати з назви партії слово “соціалістична”; за звинуваченнями в державній зраді було затримано більше 200 активістів СРП, у тому числі й всіх депутатів-соціалістів [12: 223]. Однак така операція Кюості Калліо очікуваного ефекту не принесла, бо ж ліві активісти просто змінили назви своїх організацій і продовжили легальну діяльність. І лише заборона Верховним Судом Фінляндської Республіки комуністичної діяльності в країні, ухвалена у 1925 р., призвела до послаблення позицій лівих і відходу їх у підпілля – в населенні пункти поблизу совєцько-фінляндського кордону. У серпні 1928 р. фінляндській поліції вдалося розкрити підпільну мережу КПФ у містах Вііпурі, Рійгімякі та Гельсінкі, заарештувавши фактично всіх її лідерів [12: 224]. Ці арешти на час паралізували діяльність комуністичного підпілля. Але куди більший удар лівому руху в Фінляндії завдав VI-й Всесвітній Конгрес Комінтерну, який

пройшов в Москві влітку-восени 1928 р. На ньому фінляндські соціал-демократи були прирівняні до італійських фашистів [3: 18].

Між тим, починаючи з 1928 р., економіка Фінляндії, яка стрімко набирала вагу з 1919-го р., потроху покотилася донизу [1]. Все почалося з різкого збільшення експорту деревини до ССРСР, що змусило впасти ціни на одне з головних джерел зовнішньоторговельних надходжень Фінляндії. Страйки робітників деревообробної промисловості та портових трударів, що зривали строки поставок деревини у Ленінград та Мурманськ, тільки погіршило ситуацію. Восени 1929 р. світ струснула економічна криза – “Велика Депресія”, яка ще більше знизила ціни на фінляндський ліс і папір. Невеликі селянські господарства і дрібні лісозаготівники, що брали позики в банках для розвитку власної справи, виявилися не в змозі їх виплачувати і стрімко розорялися. Однак на хвилі кризи, що розвивалась в країні, як гриби після дощу, почали рости різні рухи, що відстоювали не економічні, а політичні вимоги. Праворадикали, на відміну від лівих сил, дуже чітко відчували момент! Вони прагнули направити зростаюче в суспільстві невдоволення проти свого давнього ворога – соціалістів і комуністів, в яких бачили посібників головного і споконвічного тирана фінської нації – росіян. Протягом жовтня-грудня 1929 р. виникло відразу кілька політичних рухів: Союз Лаллі (фін. Lallinliito), Спілка Незалежності (фін. Itsenäisyyden liitossa), Союз Ветеранів Визвольної Війни (фін. Vapaussodan Rintamamiesten Liitto), що стояли на яскраво виражених антикомуністичних позиціях [13: 22]. В Едускунті, серед народних депутатів, росло переконання, що до комуністів треба застосовувати більш рішучі заходи. Ліві ж радикали відсиджуватись осторонь теж не збиралися, організовуючи різні акції громадянської непокори всією країною. Жорстка конфронтація досягла свого піку в кінці листопада 1929 р. у містечку Лапуа [13: 25]. Саме тут майбутні активісти Лапуаського Руху, головним чином, силами учнів місцевої загальноосвітньої школи, припинили незаконні збори комуністів застосувавши силу, не дали організувати страйк і знищили всі агітаційні матеріали лівих сил. Кілька найбільш активних місцевих мешканців стали обговорювати можливості подальших, більш радикальних дій...

Організовану націоналістичну силу – Лапуаський Рух, було створено на базі нечисленної праворадикальної спільноти Фінський Замок (фін. Suomen Lukko) та молодіжного крила Академічного Карельського Товариства [14: 51]. Нову організацію очолив ветеран Визвольної Війни 1918-го р. Вікторі Косола, який виступив на перших зборах руху в Лапуа з доповіддю “Про стан, що склався у Фінляндії” [8: 280]. Збори обрали делегацію, яка мала зустрітись в Гельсінкі з президентом Пером-Евіндом Свінгунфвудом, урядом та парламентськими партійними групами. До складу як першої, так і наступних делегацій, в якості представників Лапуаського Руху входили Вікторі Косола та Гілья Рійпінен – директорка школи в Лапуа [8: 281].

Спочатку Вігторі Косола входив до фракції найбільш поміркованих учасників Лапуаського Руху. Однак із часом, ймовірно під впливом своєї соратниці Гільї Рійпінен, перейшов на бік радикальної фракції. Наступною акцією членів Лапуаського Руху, яка мала навести жах на все ліворадикальне підпілля Фінляндії, став погром взимку 1930 р. типографії соціалістичної газети “Tuõn Ääni” [4: 117]. Такі показові акції прямої дії привели до лав Лапуаського Руху велику кількість палких патріотів Фінляндії: за рік до нього приєдналося майже 60 тис. осіб [1]. Напади на комуністів та соціалістів нараховувались сотнями. Зазвичай активісти Лапуаського Руху діяли штурмовою масою, з демонстративною публічністю, але були в організації і спецгрупи для точкових акцій, зокрема атентатів по відношенню до ораторів і депутатів від СДП та СРП. Вони іменувались блакитно-чорними штурмовими загонами або ж “Sinimustat” [4: 117].

Центральний офіс Лапуаського Руху знаходився в провінції Пох’янмаа у місті Вааса, однак організація вже почала користуватись підтримкою по всій країні завдяки антикомуністичним виступам та бійкам з лівими радикалами [15: 279]. Основну масу членства Лапуаського Руху складали селяни, студенти, священники, військові, ветерани Визвольної Війни 1918-го р., які проводили демонстрації, влаштовували “полювання” на комуністів і підозрюваних у співчутті їм громадян, нищили друкарні і видання лівого спрямування. Однак демонстрація сили Лапуаського Руху, так само як і своєрідна його кульмінація, були ще попереду. В кінці червня 1930 р. Лапуаський Рух направив до уряду та депутатів Едускунти делегацію з циркулярним листом від фінляндських селян, які заявили, що комунізм і досі корениться у Фінляндії, в прикордонних з СРСР населених пунктах. Надихаючись фашистським походом на Рим в 1922 р., ідеологи Лапуаського Руху мали намір провести свій, аналогічний «марш на Гельсінкі», залякавши, таким чином, не тільки урядовців, але й опонентів [9: 120]. Саме для цього був розроблений спеціальний маршрут, який нагадував марш перемоги Фінської Армії у травні 1918 р. Після розгону “комуністичного шабашу” в Лапуа та знищення соціалістичної газети це стало найбільш успішною демонстрацією сили та чисельності активу Лапуаського Руху. Так, 7 липня 1930 р. близько 6 тис. членів Лапуаського Руху з блакитно-чорними прапорами та нарукавними стрічками пройшли маршем вулицями фінляндської столиці, звернувши до резиденції президента країни Лаурі-Крістіана Реландера, який вітав їх разом з урядом Фінляндії, та закінчивши багатотисячним мітингом на центральній Сенатській площі перед кафедральним собором [4: 118]. До своєрідного “маршу на Гельсінкі” приєдналось ще 9 тис. селян з усіх селищ та міст південних провінцій: Уусімаа, Піркканмаа, Сатакунта, Канта-Гяме, Пяйят-Гяме та Кюменлааксо. Вище політичне керівництво країни змушене було враховувати вимоги представників Лапуаського Руху, яке отримало широку підтримку в

суспільстві: уряд Пера-Евінда Свінгфвуда, який змінив кабінет Кюості Каллію щойно в квітні 1930-го р., вимушений був піти у відставку вже у вересні того ж року. На зміну йому прийшов уряд лідера Аграрного Союзу Юго Сунілі, який симпатизував Лапуаському Руху і, по великому рахунку, влаштував Вігторі Косола та його соратників [4: 119]. Наслідком “маршу на Гельсінкі” стала повна законодавча заборона комуністичної ідеології та діяльності комуністичних організацій. В той же час, радикальне крило Лапуаського Руху на чолі із Гільєю Рійпінен, хотіло бачити самого Вігторі Косола майбутнім президентом Фінляндії. Згідно з Конституцією Фінляндії від 1922 р. у країні не було прямих президентських виборів, голову держави обирала колегія вибірників, що формувалась з депутатів Едускунти [14: 58]. Настоятель церкви в Лапуа Каарло Карес проголосив Вігторі Косола “богообраним вождем народу Фінляндії”, а у лівій пресі з’явилися чутки про можливе встановлення профашистської диктатури членами Лапуаського Руху [9: 135]. Приводом для таких чуток стало те, що в націоналістичних та патріотичних колах Фінляндії, навіть поза межами Лапуаського Руху, його лідера – Вігторі Косола – все частіше порівнювали з Беніто Муссоліні, який свого часу теж організував багатотисячний марш до столиці Італії з метою залякати уряд і взяти владу в свої руки [3: 15]. Найближчі побратими простежували таку схожість не тільки в цитатах чи палких промовах, а й навіть у жестах та міміці обох лідерів. Слід підкреслити, що Вігторі Косола симпатизував італійським фашистам та їх лідерові Муссоліні, з яким неодноразово зустрічався.

Особливо надихали фінських націоналістів фашистські успіхи щодо впровадження корпоративної системи та нищівна боротьба з комунізмом в Італії. А хтось навіть жартував, що лідер Лапуаського Руху – “фашистський вождь Косоліні” [8: 282]. Необхідно звернути увагу й на те, що Лапуаський Рух з самого початку став на вкрай антикомуністичні позиції з націоналістичним і релігійним забарвленням. Члени цього нового масового руху вважали комунізм не тільки внутрішньополітичною загрозою для існування фінляндської державності, але й також небезпекою для національної і релігійної цілісності всього фінського народу [8: 284]. Саме через свої релігійні, націоналістичні та особливо антикомуністичні цілі, Лапуаський Рух підтримували пастори Євангелістсько-Лютеранської Церкви Фінляндії, а також консервативно налаштованими селянами. Ідеологія Лапуаського Руху приваблювала своєю новизною, а також пропонувала стати не щитом, а мечем у боротьбі фінського народу проти наближення на країну “кошмару комунізму”. Комуністичній ідеології була протиставлена нова ідеологія національної держави та національної трудової солідарності [13: 69]. Завдяки цьому, Вігторі Косола з соратниками створив потужну організацію активно діючої меншини, яка, *«в ім’я національного ідеалу, вступила в рішучу війну з усім старим світом,*

комунізмом, соціалізмом, лібералізмом, демократією, а своїм самовідданим чином робить духовну і державну революцію...» [11: 280].

Тим часом в Фінляндії почала погіршуватись політична ситуація – місцева соціал-демократична правляча еліта, яка складалась переважно з шведськомовних фінів, не хотіла аби до влади прийшли радикальні націоналісти профашистського штибу. А тому почали робити все можливе, щоб звести підтримку Лапуаського Руху серед населення нанівець. У відповідь на такі дії було створено центр націоналістичного спротиву із гаслом: «*За Вітчизну і Закон!*». В той же час, визріла ідея здійснити збройний заколот і встановити дійсно націоналістичну владу. Планувалось ввести тимчасову диктатуру під проводом “фашистського вождя Косолині” та уповноваженої директорії (на зразок латиноамериканської військової хунти) з представників ветеранських організацій. Вігторі Косола наказав своїм соратникам розташуватись у невеличких населених пунктах Південної та Центральної Фінляндії, аби розпочати активну агітацію щодо національного повстання проти засилля “демократів-капіталістів” [6: 2].

В кінці лютого 1932 р. 8 тис. членів Лапуаського Руху зібралися в селі Мянсяля поблизу Гельсінкі з наміром почати звідти новий марш на столицю Фінляндії [1]. Протягом 1-3 березня 1932 р. окрім Мянсяля лапуаське повстання охопило провінції Канта-Гяме та Південна Пох’ямаа, однак зустрівши рішучу позицію президента Пера-Евінда Свінгфвуда, який пригрозив пустити в хід війська, спроба нового маршу зазнала невдачі. Тоді, 4-5 березня 1932 р. відбулась нарада керівників Лапуаського Руху у Мянсяля. Було прийнято рішення про припинення повстання, однак зброю, яку малу блакитно-чорні штурмовики, ніхто здавати не збирався. Поліція та національна гвардія президента Фінляндії оточила селище Мянсяля і почала захоплювати будинки, в яких знаходились озброєні націоналісти-заколотники. В ході дводенних боїв 5-7 березня 1932 р. загинуло до 150 активістів Лапуаського Руху та до 50 представників урядових сил [4: 121].

Після провалу заколоту, відповідно до вимоги президента Пера-Евінда Свінгфвуда, Вігторі Косола разом з іншими керівниками Лапуаського Руху був заарештований і відправлений до в’язниці у місті Турку, а діяльність цієї націоналістичної організації була заборонена [7: 137]. Головним підсумком заколоту в Мянсяля було те, що конституційну демократію у Фінляндії не можна було зруйнувати заколотами. Ні комуністи, ні націоналісти не можуть її похитнути. Вігторі Косола вийшов по амністії у 1933 р. і одразу розпочав збори залишків своїх прихильників у Гельсінкі з метою продовження діяльності руху, але в нових формах. Зрештою, це призвело до утворення партії Народно-Патріотичний Союз (фін. *Isänmaallinen Kansanliike*), що заявила про свій намір продовжувати політику Лапуаського Руху парламентськими методами [5: 149]. На чолі нової організації став Вігторі Косола. У програму Народно-Патріотичного

Союзу увійшли деякі положення соціального характеру (боротьба з безробіттям, скорочення робочого дня, добровільне переселення безробітних до сіл), що привернуло до його лав деяке число робітників і безробітних. Від тепер, Народно-Патріотичний Союз, як партійний нащадок Лапуаського Руху, у зовнішньополітичному та ідеологічному шляху відкрито орієнтувався на досвід націонал-соціалізму в Німеччині, а ідеї італійського фашизму були відкинуті як такі, що не дали позитивного результату. Лідери Народно-Патріотичного Союзу заявляли про прихильність ідеї Великої Фінляндії: *«від Ботнічної затоки до Білого моря, з відторгненням одвічних фінських територій Карелії та Інгерманландії від більшовицької Росії»* [4: 122].

Висновки. Таким чином, варто зауважити, що Лапуаський Рух, почавши своє сходження як масовий національний рух у часи економічної світової кризи не зміг подолати парламентаризм і конституційно встановлено демократію. Проведений комплексний аналіз широкого кола наукової літератури з досліджуваної проблеми дозволяє зробити висновок про те, що актуальну політичну ситуацію на території Фінляндської Республіки у зазначений період визначало не бажання кількох радикально налаштованих особистостей з лівого чи правого флангу здійснити свій власний заколот, а дотримання існуючих правових норм та законів. Розуміючи, що вже минула доба профашистських маршів та заколотів, колишні лідери та активісти Лапуаського Руху не змогли подолати існуючий у Фінляндії законний стан речей, тож вирішили до нього пристосуватись – реорганізувавшись у політичну партію Народно-Патріотичний Союз. А вже те, як цій силі вдалось діяти в умовах фінляндського парламентаризму – питання для іншої статті.

ЛІТЕРАТУРА

1. Быков В.А. Коломойский Белой Финляндии: 140 лет назад родился Рафаэль Хаарла [Электронный ресурс] / В.А. Быков // Русская Фабула. – Режим доступа: <https://rufabula.com/articles/2016/03/08/haarla>
2. Васюков О.В. Поширення фашистських рухів у країнах Північної Європи (Скандинавія, Фінляндія, Ісландія) у 20-30-х рр. XX ст. [Текст] / О.В. Васюков // ОДІССОС-2013. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. – 2014. – Вип. 5. – С. 249 – 251.
3. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении: 1922-1982 гг. [Текст] / В. Випперман. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 232 с.
4. Ковальов Д.В. Фінляндія – форпост півночі [Текст] / Д.В. Ковальов // Повстання Ідентичності / Д.В. Ковальов, П.В. Ковальов. – Дн.: ВКК «Баланс-Клуб», 2016. – Блок 2. – С. 73 – 174.

5. Невинна Г.Я. Внутрішньополітичні процеси у Фінляндії у 1930-х рр. та їх вплив на зовнішню політику країни [Текст] / Г.Я. Невинна // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. – Науки: економіка, політологія, історія. – 2010. – №1 (102). – С. 145 – 153.
6. Невинна Г.Я. Партійно-політична ситуація у Фінляндії та її вплив на зовнішню політику держави міжвоєнного періоду [Текст] / Г.Я. Невинна // Панорама політологічних студій: науковий вісник Рівненського державного гуманітарного університету. – Вип. 4. – Рівне: РДГУ, 2010. – С. 56 – 62.
7. Невинна Г.Я. Вплив внутрішньополітичних процесів на зовнішню політику країни на прикладі Фінляндії в 1930-х рр. [Текст] / Г.Я. Невинна // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 26. – Рівне: РДГУ, 2015. – С. 136 – 138.
8. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий = 100 suomalaista rienoiselämäkerta venäjäksi [Электронный ресурс]: электрон. науч. специализирован. историч. сборник // под ред. Т. Вихавайнена (T. Vihavainen); пер. с финск. И.Соломеща. – Хельсинки: Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), 2004. – 781 с. – Режим доступа: http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf.
9. Ahti M. Kaappaus: suojeluskuntaselkkaus 1921, fascismin aave 1927, Mäntsälän kapina 1932 [Teksti] / M. Ahti. – Helsinki: Otava, 1990. – 379 s.
10. Jussila O., Hentilä S., Nevakivi J. Suomen poliittinen historia 1809-2009 [Teksti] / O. Jussila, S. Hentilä, J. Nevakivi. – Helsinki: WSOY Oppimateriaalit, 2009. – 407 s.
11. Kemiläinen A. Finns in the Shadow of the "Aryans". Race Theories and Racism [Text] / A. Kemiläinen. – Jyväskylä: Society Studia Historica 59, 1998. – 320 pp.
12. Kirby D.A Concise History of Finland [Text] / D. Kirby. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 364 pp.
13. Niinistö J. Lapuan Liike – kuvahistoria kansannoususta 1929-1932 [Teksti] / J. Niinistö. – Helsinki: Nimox, 2003. – 143 s.
14. Perälä R. Lapuan liike ja sanan mahti [Teksti] / R. Perälä. – Oulu: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1998. – 426 s.
15. Siltala J. Lapuan Liike ja kyyditykset 1930 [Teksti] / J. Siltala. – Helsinki: Otava, 1985. – 704 s.

*Рекомендовано до друку науковим керівником д.і.н., проф. В.О. Василенко
Стаття надійшла до редакції 17.02.2017*

УДК: 94(678.1)+ 94(676.1) "1978/1979"

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УГАНДЫ И ТАНЗАНИИ ВО ВРЕМЯ ДВУХСТОРОННЕГО КОНФЛИКТА В 1978—1979 ГГ.

С.С. Кравченко

*студент III курса исторического факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38066–183–73–94; email: sereza220@yandex.ru*

This article focuses on the Ugandan-Tanzanian war that took place in 1978-1979. As well as the Ugandans, the representatives of the Libyan armed forces and Palestinian militants also fought on the side of Idi Amin regime. The forces of Tanzania joined by the Ugandan opposition and volunteers of Mozambique, resist them. The emphasis in this article is made on the description and analysis of the military forces.

Keywords: military history, the history of Tanzania, the history of Uganda, the history of Africa, Idi Amin, the armed forces.

Ця стаття присвячена Угандійсько-танзанійській війні, що відбувалася у 1978—1979 рр. Окрім безпосередньо самих угандійців, на стороні режиму Іді Аміна також воювали представники лівійських збройних сил, а також палестинські бойовики. Їм протистояли збройні сили Танзанії, до яких також приєдналися угандійські опозиціонери та добровольці Мозамбіку. Саме на описі та аналізі цих військових формувань і робиться акцент у цій статті.

Ключові слова: військова історія, історія Танзанії, історія Уганди, історія Африки, Іді Амін, збройні сили

Эта статья посвящена угандийско-танзанийской войне, происходящей в 1978-1979 гг. Кроме непосредственно самих угандийцев, на стороне режима Иди Амина также воевали представители ливийских вооруженных сил, а также палестинские боевики. Им противостояли вооруженные силы Танзании, к которым также присоединились угандийские оппозиционеры и добровольцы Мозамбика. Именно на описании и анализе этих воинских формирований и делается акцент в этой статье.

Ключевые слова: военная история, история Танзании, история Уганды, история Африки, Иди Амин, вооруженные силы.

Актуальность темы состоит в том, что, рассматривая вооруженные конфликты, исследователи часто пренебрегают изучением самих вооруженных сил, которые принимали участие в битвах и сражениях, что не

позволяет составить полную и адекватную картину той или иной войны. Целью данной статьи и является заполнить этот пробел.

Источники в сфере изучения вооруженных сил, особенно современных, имеют свою специфику – обычно данные о численности, дислокации и вооружении тех или иных формирований являются военной тайной. Основным официальным достоверным источником по данной теме есть ежегодное издание Международного института стратегических исследований под названием «The Military Balance». Поскольку хронологические рамки нашего исследования ограничены 1978—1979 гг., то, соответственно, использованы были издания именно этих годов. Кроме того, есть потрясающий фундаментальный труд Джона Кигана «World Armies», который, основываясь на данных «The Military Balance», анализирует их и приводит дополнительные данные, облегчающие наше исследование. На русском языке Институтом Африки РАН было опубликовано исследование под названием «Современная Африка: войны и оружие» [2], в котором хоть и сами исторические факты описаны крайне скупо, а организации вооруженных сил внимание вообще не уделяется, зато максимально подробно расписывается вооружение, распространенное на африканском континенте. Впрочем, и в этом данная монография не идеальна – дается подробный обзор без привязки к конкретным странам, поэтому для того, чтобы определить, какое из приведенных наименований оружия использовалось именно Угандой и Танзанией, необходимо использовать дополнительные источники.

Официальное название вооруженных сил Уганды — Народные силы обороны Уганды, на английском языке этот термин обычно сокращается до аббревиатуры UPDF. ВС Уганды ведут свою историю со времен провозглашения Угандой независимости, а именно с октября 1962 г. В колониальный период военная сила и политическое влияние было сконцентрировано в южной части страны, преимущественно в Королевстве Буганда. В 1962 – 1966 гг. лидерство переместилось на север, откуда родом был Аполло Милтон Оботе, первый премьер-министр независимой Уганды. Военная мощь юной страны переместилась в крайне противоположный Буганде север и северо-восток, родные края Генерала Иди Амина, который, к слову, был мусульманином по вероисповеданию.

В 1970 г. Международный Институт Стратегический Исследований оценивал численность угандийских ВС в 6,7 тысяч человек, 6,25 тысяч из которых служили в армии [6:53]. К 1977 г., перед самым началом угандийско-танзанийского конфликта, армия Уганды увеличилась до 20 тысяч солдат [8:55]. Данные на 1979 г. продолжали утверждать, что численность ВС Уганды составляла 19 тысяч солдат, плюс еще одна тысяча сотрудников ВВС, полицейского подразделения для подавления беспорядков и поисковой службы для международной безопасности.

Однако после изгнания Иди Амина количество угандийских солдат вновь уменьшилось к отметке менее чем 1 тысяча солдат [5:14], как и в колониальный период. ВВП, по состоянию на 1979 г., составлял 3 миллиарда долларов США [4: 726], 65 процентов из которых тратились на армию [1]. Для сравнения, в 2013 г. эта процент составлял всего 2,85 процентов от ВВП [9:537]. Президент страны, фельдмаршал Иди Амин (хотя и пришедший в результате государственного переворота, но все-таки первый черный фельдмаршал на территории Африки) был Верховным главнокомандующим угандийских вооруженных сил [4:726]. В 1977 г., прямо перед началом угандийско-танзанийской войны, вернувшийся на пост вице-президента Мустафа Адиси был назначен министром обороны. Генерал-майор Люмуго являлся начальником штаба и министром со специальными обязанностями для военно-воздушных сил [4: 726].

Сухопутные войска Уганды состояли из двух бригад (1-я и 8-я бригады угандийских стрелков, каждая из которых насчитывала сначала два батальона (в 1970), а затем и четыре (1979) [4: 727], двух механизированных формирований, парашютно-десантного формирования, артиллерийского полка и учебного батальона [6: 53]. Впрочем, все справочники того периода отмечают, что информация о составе угандийской армии довольно противоречивая, и сложить единое представление о состоянии UPDF во время угандийско-танзанийской войны довольно сложно.

Штаб-квартиры бригад находились в Джиндже (1-я бригада угандийских стрелков) и Масаке (2-я). Считается, что одно из механизированных формирований было расквартировано близ столицы Уганды, Кампалы, а другое — недалеко от г. Мбарара. Пограничный отряд был расположен на западе Уганды, в г. Форт-Портал, а основная база ВВС находилась в Гулу [4: 727], втором по величине, после столицы, городе Уганды. Штаб армии, естественно, располагался в столице Уганды — Кампале. В западную прессу также просочились сообщения о том, что в Нагуре, рядом с Кампалой, в местных казармах был расположен некий «блок общественной безопасности», численностью в 300 человек. Ходили слухи, что некоторые члены этого подразделения, которое считалось Президентской гвардией Амина, являлись палестинцами [4: 727].

Вопрос о вооружении армии Уганды является необычайно сложным. И если о боевой технике еще имеются некоторые скудные данные, то о легком стрелковом вооружении приходится только догадываться. Например, есть графические реконструкции, на которых элитным угандийским командос, составляющим личную гвардию президента, вручается немецкая автоматическая винтовка НК G3, которая имела некоторое распространение на африканском континенте, но не такое массовое, чтобы вооружать ею поголовно все войска. Более массовым, очевидно, было все-таки советское оружие, в частности, автоматы АК-47 и их чехословацкие версии Sa. Vz.

58V, пистолеты Zastava M88 и FN Hi-Power, пулеметы Sterling и РПК [2: 125]. Последние, к слову, можно заметить на фото инспекции Дадой (т.е. Иди Амином) ливийский солдат, которые прибыли в аэропорт «Энтеббе». Именно за спиной ливийских «добровольцев» и висят эти советские пулеметы Калашникова. Кроме того, имеются данные о использовании на территории Уганды бельгийский винтовок FN FAL, израильских автоматов IMI Galil, пистолетов-пулеметов Uzi и Beretta M12, а также бельгийских пистолетов Browning Hi-Power, однако нет точных оценок их количества и, самое главное, времени их появления в Уганде, что делает затруднительным определением, использовалось ли это оружие во время угандийско-танзанийской войны, либо нет.

Контакты Уганды с различными странами после того, как она обрела независимость, оставили её с очень смешанным диапазоном оружия и боевой техники. Если затрагивать уже плоскость боевой техники, то, в основном, это было оружие советского/стран Варшавского договора производства. В частности, из советского вооружения стоит отметить танки Т-55, БТР-40 и БТР-152, разведывательные машины БРДМ, 76-мм и 122-мм полевые орудия, 40-мм зенитные орудия, 82-мм и 100-мм минометы. Особо успешно против Танзании использовались противотанковые ракетные комплексы «Малютка» и 37-мм автоматические зенитные пушки образца 1939 года, на западе более известные как 61-К [4: 728].

Другие источники говорят о наличии на вооружении угандийских войск танков Т-54 и Т-55, реактивных систем залпового огня БМ-21 «Град», истребителей МиГ-21 и дальних бомбардировщиков Ту-22, которые обеспечивали поддержку самому боеспособному подразделению армии Амина – ливийским частям [2: 34]. Можно предположить, что часть из перечисленного оружия была получена Угандой также из Ливии. Кроме того, упоминается наличие у Уганды полевых орудий времён Второй мировой войны, в частности, ЗИС-3 калибра 76,2 мм и 122-мм гаубица М-30 [2:184 – 185], однако неизвестно, попали они туда до или во время угандийско-танзанийской войны, либо уже после неё.

Сохранилась в Уганде и старая техника, оставшаяся со времен британского колониализма: это средние танки М4 "Шерман" и разведывательные броневые автомобили Феррет. Несмотря на на шумевший в то время договор с Францией о поставке военного оборудования, эта страна так ничего и не поставила Иди Амину. Возможно, разве что, что иностранные инструкторы выступали в качестве водителей боевых машин, и не более. Подобная ситуация наблюдалась и в ВВС Уганды, где большинство пилотов были палестинцами и немцами из ГДР, а местных солдат обучали советские и ливийские советчики. Всего, во время войны 1978 – 1979 гг., на вооружении Уганды находилось от 30 до 40 советских перехватчиков, в основном МиГ-15, МиГ-17 и МиГ-21 [4:728]. По

некоторым данным, угандийские ВВС также имели в своем распоряжении 12 французских учебно-боевых самолетов Fouga CM.170 Magister [6: 53]. От 10 до 12 угандийских самолетов было уничтожено израильянами в ходе операции «Энтеббе», однако потери были быстро восстановлены, очевидно, не без помощи СССР. Уганда не имела своей военной промышленности, из-за чего столкнулась с серьезными проблемами с топливом и военной техникой. Особенно ситуация заострилась, когда в начале июня 1975 года кенийские чиновники конфисковали в порту Момбаса большой конвой оружия советского производства, который направлялся в Уганду [3: 247].

В целом, как мы увидели выше, угандийская армия в период правления Иди Амина представляла из себя довольно эфемерную организацию, откровенно говоря, неспособную даже на оказание сопротивления захватчикам, не говоря уже об осуществлении адекватного наступления, задачу которого и поставил перед своими офицерами Дада. Единственным боеспособным подразделением была присланная Муаммаром Каддафи ливийская бригада, которая кардинально переломить ход войны не могла.

Перейдем теперь к описанию противников Народных сил обороны Уганды, которые, помимо армии Танзании, включали в себя также вооруженное формирование из беглых угандийцев, оппозиционно настроенных к режиму Иди Амина. Официальное название вооруженных сил Танзании — Народные силы обороны Танзании, или сокращенно TPDF. Танганьика, материковая часть Танзании, поучила независимость от Британии в 1961 г., а остров Занзибар — только в 1963 г. В 1964 г. оба государства объединились в одно, под сокращенным названием Танзания. Молодое государство решило, что британская модель развития не подходит социалистическому африканскому государству, и поэтому вооруженные силы страны были организованы на более революционных принципах. Политизация вооруженных сил в целом прошла успешно, благодаря чему в истории Танзании не так много военных переворотов, как, например, в соседних странах [4: 698].

В 1972 Международный Институт Стратегический Исследований оценивал численность Танзанийской армии в 10 тысяч человек [5: 40]. К 1979 г. это число увеличилось до 18 тысяч регулярных солдат, плюс еще 1 тысяча сотрудников ВВС, местное ополчение численностью до 35 тысяч человек и полиция в количестве не более 1 тысячи человек [4: 698]. Военные расходы на 1979 оценивались в 140 миллионов долларов. Сегодня же эта цифра почти в два раза больше — порядка 220 миллионов [10].

Первый президент объединенной Танзании, Джулиус Камбараре Ньерере был одновременно и главнокомандующим вооруженными силами страны, пост министра обороны занимал бывший второй вице-президент Кавава. Основным требованием для вступления в танзанийскую армию было членство в политической партии президента «Чама Ча Мапиндузи»

или сокращенно ССМ, а руководящие должности в ТРДФ соответственно могли занимать только представители высшего партийного аппарата ССМ и руководители региональных ячеек партии [4: 698].

В 1979 г. армия Танзании состояла из 10 пехотных батальонов, танкового батальона и одного, возможно двух артиллерийских формирований [4: 728]. Большинство оружия на вооружении танзанийской армии имели либо китайское, либо советское (доставленное через страны Варшавского договора) происхождение. Ситуация с пехотным вооружением, как и в случае с Угандой, крайне сложная. Из фотографий того периода с уверенностью можно говорить только об использовании танзанийскими военными самозарядного карабина Симонова [2:133]. Забавным было и то, что помимо уже имеющегося неснимаемого штыка на самом карабине, танзанийцы часто носили на поясе еще один штык-нож, вероятно, оставшиеся еще от каких-то британских винтовок колониального периода. В этом контексте видится возможным и использование танзанийцами винтовок Ли-Энфилд, однако, разумеется, в очень ограниченном масштабе. В основном, вероятно, большинство солдат танзанийской армии, как и угандийской, была вооружена оружием производства Калашникова. Из пистолетов возможны появления различных вариаций Browning'a, Colt и Ruger [2: 139 – 140].

Что же касается боевой техники, то здесь ситуация более четкая. Так, танковый батальон состоял из двух рот китайский средних танков Т-59 и одной роты китайских легких танков Туре 60. Другое вооружение состояло из БТР-152 и БТР-40, 24-х советских 76-мм пушек, 18-и китайских 122-мм пушек, 30-и китайских 100-мм минометов и ряда 37-мм и 14,5-мм зенитных орудий. Воздушные силы представляли собой эскадрилью, которая имела в своем составе 8 китайских МиГ-19 и 12 советских Миг-17, которые были поставлены Китаем. Также Китай предоставил Танзании другие транспортные самолеты [4: 728].

Положение танзанийской армии было не таким печальным, как это было в случае с войсками Иди Амина, однако и это в условиях конца 1970-х гг. выглядело крайне отстало и несовременно. Даже в условиях африканского континента танзанийская армия выглядела довольно блекло, что, впрочем, не мешало ей выиграть противника, которого она многократно превосходила. Вместе с танзанийскими солдатами плечом к плечу в угандийско-танзанийской войне воевали солдаты АНОУ – сокр. от «Армия национального освобождения Уганды». Это вооруженное формирование состояло из угандийцев, оппозиционно настроенных к режиму Иди Амина, и прошедших тренировку на территории Танзании. Если для армии Танзании это была чужая, по сути дела, война, в которую их втянули политики, то для бойцов АНОУ это была настоящая национально-освободительная война против тиранического режима Амина.

Возглавлял всю эту борьбу бывший президент Уганды Оботе, однако было бы неверно связывать освобождение Уганды от режима Амина исключительно с именем Оботе. Еще меньше оснований верить тому, что он не хотел вернуть себе президентское кресло. Но Амин восстановил против себя такое множество людей самых разных социальных групп и убеждений, что число его противников росло день ото дня. Кроме того, личная симпатия президента Ньерере к Оботе и местонахождение последнего в Танзании превратили эту соседнюю страну в оплот антиаминовских сил. Очевидно, что все вооружение и обмундирование войск АНОУ было идентично или близко к экипировке солдат танзанийской армии, хотя, вполне возможно и некоторое отставание от представителей регулярных сил, поскольку Армия национального освобождения Уганды все-таки была иррегулярным неофициальным вооруженным формированием, а потому просто не могла по уровню вооружения и обеспечения сравниться с регулярными вооруженными силами.

Стоит отметить, что за всю войну произошло лишь одно серьезное сражение, когда наступающие на Кампалу танзанийские части остановились перед обширной, сильно заболоченной местностью. 201-я бригада была послана прямо через болото по гати, 208-я бригада стала обходить болото с запада. Ливийская бригада с 15 танками Т-55 в этот момент двигалась на Масаку и 10 марта вошла в боевое соприкосновение с 201-ю бригадой армии Танзании. В результате боя танзанийцы отступили в беспорядке. В ночь с 11 на 12 марта танзанийцы контратаковали с двух направлений (201-я с юга и 208-я с северо-запада) и обратили противника в бегство [2].

Как мы увидели выше, обе противоборствующие армии во время угандийско-танзанийской войны представляли собой очень слабые вооруженные формирования. Следует отметить, что как Уганда, так и Танзания до провозглашения независимости являлись британскими колониями, а потому и новообразованные вооруженные силы строили, по сути, на одном и том же фундаменте. Сам процесс организации молодых армий пошел по разным путям, в частности, в Танзании вооруженные силы с самого начала прошли процесс политизации, благодаря чему в дальнейшем практически не участвовали в военных переворотах. Уганда же была примечательна своим главнокомандующим Иди Амином, который, несмотря на все свои диктаторские и иногда крайне нездоровые замашки, все-таки был харизматичным и вдохновляющим человеком. В Танзании такого лидера не было, что, впрочем, не помешало им победить.

Обе армии имели свои особенности в виде иностранных добровольцев. В случае с Угандой это была целая ливийская бригада, показавшая свои высокие боевые качества, но неспособная что-либо изменить банально из-за своей маленькой численности и отсутствия адекватной поддержки со стороны непосредственно самих угандийских вооруженных сил. На

стороне же танзанийских войск сражались угандийцы-оппозиционеры, которые не показывали особо высоких боевых навыков, однако отлично знали местность, понимали местное население и, более того, являлись ним. Они выполняли роль некоторого повода к вторжению Танзании на территорию Уганды и были своего рода политическим оправданием действий правительства Ньерере.

Главным выводом этой статьи есть следующий тезис: даже при общей отсталости вооруженных сил обеих противоборствующих стран, решающее слово в конфликте часто имеют дополнительные вооруженные формирования, пускай и не столь численные, однако имеющие некоторую особенность – как например иностранное гражданство. И, как не парадоксально, высокие боевые качества этих формирований далеко не всегда обеспечивают преимущество – главное, чтобы они обеспечивали политическое оправдание действия нападающей армии и создавали в глазах мирового сообщества видимость законности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амин Дада Иди [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.peoples.ru/state/king/uganda/idi/> (15.05.2017)
2. Коновалов И.П., Шубин Г.В. Современная Африка: войны и оружие. — М: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2012. — 475 с.
3. Carol S. From Jerusalem to the Lion of Judah and Beyond — Bloomington: iUniverse INC, 2012. — 522 p.
4. Keegan J. World Armies — New York: Facts On File INC, 1979. — 830 p.
5. Smith G. I. Ghosts of Kampala / George Ivan Smith. — New York: St. Martin's Press, 1980. — 198 p.
6. The Military Balance 1970 — 1971 / International Institute for Strategic Studies. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1971. — 132 p.
7. The Military Balance 1972 — 1973 / International Institute for Strategic Studies. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1973. — 103 p.
8. The Military Balance 1979–1980 / International Institute for Strategic Studies. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1980. — 119 p.
9. The Military Balance 2013 / International Institute for Strategic Studies. — L.: Routledge, 2013. — 540 p.
10. The World Factbook: Tanzania [Electronic resources] — Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tz.html>

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. А.С. Поспеловим
Стаття надійшла до редакції 10.05.2017*

**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛАТИНСКИЙ ЕХЕМПЛУМ О СВЯТОМ
ПСЕ ГИНФОРТЕ: ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ¹**

П.А. Майборода

магистр истории

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Тел. +38063–486–99–57; e-mail: alchemic89@mail.ru

А.О. Жиленко, М.О. Панин, Е.С. Родичева

студенты II курса исторического факультета,

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Тел. +38099–560–84–74; e-mail: jilenko98@ukr.net

Тел. +38099–254–41–22; e-mail: pmaxim08@rambler.ru

Тел. +38063–567–80–89; e-mail: rody_liz@mail.ru

Exemplum № 370.

В-шестых, следует рассказать об оскорбительных суевериях (*supersticionibus*)², среди которых одни оскорбительны для бога, другие весьма к тому близки. Богу оскорбительны те суеверия, которые приписывают божественные достоинства демонам или другой какой твари³,

¹ Перевод был осуществлён по изданию: *Anecdotes historiques. Légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon dominican du XIII-e siècle publiés pour la société de l'histoire de France par A. Lecoq de la Marche. Paris, 1878.* Комментарии в примечаниях и послесловии выполнены по английскому переводу Ж.-К. Шмитта: *J.-C. Schmitt. The Holy Greyhound. Guinefort, healer of children since the thirteenth century / trans. from French by M. Thom. Cambridge, 1983.*

Авторы выражают признательность преподавателю кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ им. И.И. Мечникова В.В. Чепиженко за идею сделать перевод экземплума, а также доценту той же кафедры Е.А. Радзиховской за любезное согласие проверить перевод текста на соответствие оригиналу.

² Ещё в древнем Риме слово «*superstitio*» использовалось как противоположность слову «*religio*» и означало религиозную сомнительность – для обозначения извращенной формы религии. Отцы церкви неблагоприятно высказывались о суевериях, связывая их с ересью, сектой и язычеством. В средние века суеверия были обозначены как «тщеславные, излишние обряды». Стефан Бурбон называет суевериями «прорицания, призыв демонов, чары и различные проделки демонов».

³ Такую форму суеверий Фома Аквинский называл «суеверием ложного почитания истинного Бога». По мнению инквизитора, ритуалы в честь демонов и других существ имеют вид святотатственной насмешки над истинным паломничеством к святым местам. Церковь и святые мощи для Стефана Бурбона единственно

как [это] происходит в идолопоклонстве и как делают женщины с помощью жалкого прорицания (*sortilege*)¹, прося исцеления, поклоняясь [кустам] бузины (*sambucas*)² или принося им [приношения], оставив в пренебрежении церковь или святые мощи (*sanctorum reliquias*), принося своих детей туда [на место идолопоклонства] или на муравейники (*formicarios*)³, или к другим [каким] местам, чтобы добиться выздоровления [для своих детей]. Так делали недавно в Лугдунском диоцезе (*diocese Lugdunensi*)⁴, где, когда я проповедовал против прорицаний и слушал исповеди, женщины много [раз] признавались, что они приносили своих детей к святому Гинфорту (*sanctum Guinefortem*)⁵. И поскольку я полагал, что он – некий святой, исследовал и услышал наконец, что это был какой-то охотничий пёс (*leporarius*)⁶, убитый вот каким образом. В Лугдунском

действены как имеющие исцеляющие свойства – это означает, что суеверное почитание для него в высшей степени тщетно.

¹ Перед тем, как слушать исповеди, Стефан Бурбон мог проповедовать против волшбы или прорицания. Затем, услышав на исповеди, о культе неизвестного святого, он начал проводить расследование. В то время не существовало единого мнения, должен ли инквизитор заниматься народными суевериями, если в них нет налёта ереси, и Стефан Бурбон был одним из первых, кто занялся расследованием дела подобного рода. К тому же в папских постановлениях инквизиторам того времени нет чёткого разделения между прорицанием будущего и вызыванием демонов, что порождает дополнительные терминологические трудности в интерпретации термина «*sortilegium*».

² В средние века верили в целительные свойства бузины. Например, бузиной лечили крупный рогатый скот, или отгоняли змею, которая, якобы, могла отсосать молоко у коровы. В Верхней Бретани существовала поговорка «бузина-доктор».

³ Муравейники в народной культуре часто использовали, чтобы вылечить животное или человека, полагая, что они обладают симпатическими магическими средствами. Вот пример одного из подобных обрядов: поверх одного из муравейников клалось яйцо, и, когда муравьи его доедят, человек должен излечиться.

⁴ Диоцез (ранее – *Lugdunensis Prima*, Первая Лугдуния, позже – Лионская провинция) на востоке Франции с центром в городе Лионе, включавший в себя следующие епархии: Отёнскую, Лангрскую, Шалонскую и Маконскую.

⁵ Существуют две версии трактовок имени пса Гинфорта. Согласно народной этимологии, оно происходит от глагола «*guigner*», что в современном французском значит «трясти», «подмигивать» и суффикса «*форт-*», которое часто использовалось в кличках животных в XIII веке. Таким образом, пёс получил имя из-за того, что часто вилял хвостом. Согласно научной этимологии, корень *guini-* означает «процветание», «дружелюбие», довольно часто встречается в именах средневековых святых и имеет германское происхождение.

⁶ Путаница могла возникнуть из-за существования культа святого Гинфорта (в данном случае, конечно, человека) в Павии, начиная с XI века. Клонийские монахи, распространявшие его, на протяжении нескольких столетий перемещались по всей Европе, поэтому, возможно, что Стефан Бурбон слышал об этом культе.

диоцезе, возле монастырского поместья, которое называется Новиль ¹ (Novile), на земле господина де Вилара (domini de Vilario), был некий замок, у хозяина которого был маленький мальчик от его жены. И вот, когда из дома ушли господин, госпожа, а равно и кормилица, оставив ребёнка одного в колыбели, огромный змей вполз в дом, направляясь к колыбели младенца; это увидела борзая, которая оставалась там; она быстро последовала за ним и преследовала его под колыбелью, опрокинула колыбель, поражая змея укусами, а он защищался и, в свою очередь, жалил пса; в конце концов собака его убила и отбросила далеко от колыбели младенца, оставив упомянутую колыбель залитой кровью, [а также] залив кровью змея, землю, свою пасть и голову, и оставаясь возле колыбели, была сильно покалечена змеем (male a serpente tractatus). А когда вошла кормилица и увидела это, решив, что ребёнок убит и сожран собакой, она возопила изо всей мочи; услышав это, подобным же образом примчалась и мать ребёнка, посмотрела и решила то же, и, в свою очередь, подняла крик. Подобным образом и рыцарь, прибыв туда, и решив то же, вытащил меч ² и убил пса. Тогда, подойдя к ребёнку, они нашли его там невредимым и сладко спящим; а начав доискиваться, нашли змею, растерзанную и убитую укусами собаки. Узнав правду о случившемся и огорчившись тому, что так несправедливо убили собаку, столь им полезную, бросили её в ров, который был перед воротами замка, и нагромоздили на неё огромную кучу камней и посадили рядом деревья в память о случившемся.

А когда замок по божьей воле был разрушен, земля обратилась в пустыню, оставленная жителями. Деревенские же люди (homines rustici) ³, услышав о благородном поступке пса, и о том, каким образом он, невинный, был убит за то, за что должен был получить благодарность, стали посещать [это] место и почитать пса как мученика, просить его об исцелении своих болезней и об [удовлетворении] своих нужд, совращаемые дьяволом и

¹ Можно соотнести Новиль с современным Вильнёвом (Villeneuve), коммуной в департаменте Эн (Ain) (примечание даётся по «Anecdotes historiques...»). Также в департаменте Эн находится коммуна Виллар-ле-Домб (в одноимённом кантоне).

² Один из примеров употребления в тексте средневековой латыни (в тексте вместо «spatha» употребляется «spata»). Ср. другие примеры средневековой латыни: «illesum» вместо «illaesum» (замена дифтонга), «matricide» в значении «матери-убийцы». Однако в тексте есть единичные примеры употребления сложных оборотов из классической латыни, напр., независимого причастного: «Castra autem divina voluntate destructo...».

³ Т.е. крестьяне. Это может служить одной из причин неестественной мягкости Стефана Бурбона в этом деле: ведь он имеет дело не с опасными еретиками; наоборот, крестьянам уже в силу своего положения может быть присуща добродетель кротости.

множество раз одураченные (*ludificati*)¹, поскольку через это он [дьявол] вводит людей в заблуждение. А в особенности женщины, у которых были дети, немощные и болезненные², приносили их к этому месту, и в некоем замке, который находится в миле³ от этого места, принимали старуху (*vetulam*)⁴, которая, проводя ритуал и принося демонам приношения и призывая их, учила их [женщин] и вела [к тому] месту⁵. И когда они приходили к этому месту, они приносили в дар соль и кое-что другое, и тряпье ребёнка на окружающих кустах развешивали, и гвозди (*asini*)⁶ в деревья, которые растут на этом месте, втыкали⁷, и голого мальчика через углубление, которое находилось между двумя стволами двух деревьев проносили; [при этом] мать становилась с одной стороны, держала ребёнка и перебрасывала его девять раз старухе, которая находилась с другой стороны, с призывом к демонам, заклинающим фавнов (*faunos*)⁸, которые

¹ Этим словом Стефан Бурбон обозначает дьявольские трюки, из-за которых такие простецы как крестьяне являются, скорее, жертвами, чем соучастниками дьявола.

² В средние века «идея детства» развита не была. Часто малышей даже не называли детьми, а звали по принадлежности к полу. Детские болезни едва ли описываются даже в наиболее информативных средневековых мед. книгах. Первое беглое упоминание у нас есть о болезнях истощения и запущенности детей, оно было найдено в работе конца XIII в.

³ В то время это могло значить только «французское лье» (также известное как *lieue de terre* и *à lieue commune*, «лье земли» и «общее лье»), что является эквивалентом 4,400 км.

⁴ Удивительно, что в тексте *exemplum*'а мы нигде не находим осуждение этой старухи. Причиной этому могут быть, как высказанные выше соображения о том, что она была крестьянкой и стала жертвой дьявольских трюков, так и то, что она была к тому же женщиной, а значит, в глазах средневекового человека Стефана Бурбона, вдвойне невежественной и вдовой.

⁵ Судя по всему, культовое место, в составе леса и речки, расположено на полпути между укрепленным городом, постоянно заселенном людьми, и лесом, воображаемой обителью волков и фавнов.

⁶ Пелена, развешанные на кустах, и гвозди, воткнутые в ствол дерева растущего над местом обряда, - особые жертвоприношения, которые устанавливали связь между больным телом и телом «мученика», через посредничество одежды, гвоздей, древесины и корней деревьев. Вбивание гвоздей в дерево также схоже с процессом распятия Христа. Это может свидетельствовать о тесном переплетении народного язычества и религии официальной церкви, о том периоде, когда язычество ещё не искоренили, но и христианство уже было известно повсеместно.

⁷ Т.е. соединяя, т.о., тело ребёнка с телом св. Гинфорта. Именно поэтому важно использовать в ритуале дерево, которое растёт над могилой пса.

⁸ Фавн со времён древнего Рима был божеством сельского населения. Праздник в честь этого существа приходился на 15 февраля, а значит, соотносился с Луперкалиями, происхождение которых связано с народными играми с собаками (или волками, *lupus*). Возможно, параллель между фавном и волком проводил и

находились в Римитском лесу (*silva Rimite*)¹, чтобы они приняли больным и чахлым мальчика, к которому их вызвали, а того, которого они уносили с собой, возвратили им упитанным и толстым, живым и здоровым². И, сделав это, они принимали от матери-убийцы (*matricide*)³ ребёнка, к стволу деревьев, поверх соломенной подстилки колыбели клали голого ребёнка⁴, и, [взяв] две свечи длиной в дюйм (*pollicis*)⁵ с обеих сторон головы, огнём, который туда приносили, их поджигали и, воткнув их в ствол, на такое время уходили оттуда, пока они не сгорят, чтобы не видеть и не слышать визжащего мальчика; и так раскалившиеся свечи многих детей сжигали и убивали⁶, в соответствии с тем, как мы узнали там же от кое-кого. Некая женщина также донесла мне, что, когда она фавнов призывала и отходила назад, то видела волка⁷, выходящего из леса и идущего к ребёнку, которого,

Стефан Бурбон. Фавны были включены в христианскую демонологическую систему отцами церкви. Существовало несколько точек зрения на происхождение фавнов: они были то ли инкубами (распутными мужеподобными демонами), то ли детьми инкубов и людей. Их представляли в виде карликоподобных существ с крючковатыми носами, растущими из лба рогами и козлиными копытами.

¹ Римитский лес – ныне лес Сен-Гиньефор (*Saint Guinefort*), или св. Гинфорта. В XVII в. это место было известно как часовня Ги-ле-Фора (*Guy le Fort*) к востоку от мельницы Крозо. На современных картах, которые даёт французская «Википедия» можно увидеть, скорее, рощу с памятной табличкой, описывающей историю св. Гинфорта и «подвиги» Стефана Бурбона.

См.: https://fr.wikipedia.org/wiki/Guinefort#/media/File:Bois_de_Saint-Guinefort_1.jpg.

² Вероятно, ребёнок, которого хотят отдать фавнам, – предполагаемый «подменыш». Т.е. это демонический ребёнок, подброшенный родителям, в то время как настоящего похищали тёмные силы и оставляли умирать где-нибудь в глуши. Таким образом, ритуал обмена ребёнка предполагает возвращение фавнами настоящего человеческого малыша, взамен демонического выродка.

³ С XIII ст. и далее детоубийство становился всё большим преступлением, которое рассматривается светскими судами и может влечь за собой смертную казнь. Стефан Бурбон, возможно, не рассматривал культ св. Гинфорта как ритуальное убийство детей, что заставило бы его предпринять более суровые меры, но видел в нём только обычную опасность для жизни детей.

⁴ Это одно из особенных условий исполнения ритуала: необходимо положить ребёнка под дерево голым, как при рождении: он возвращается своим родителям, фавнам, в то время как его двойник возвращается от фавнов к своей матери, будто перерождаясь.

⁵ Римский дюйм – 18,5 см.

⁶ По всей видимости, сжигание ребёнка не было частью ритуала, так как это нарушает целостность всего обряда. Предполагается, что сжигание детей было несчастным случаем, когда, например, свечка не удержалась в дереве и упала на младенца.

⁷ Волк в данном случае понимается как дьявол, принявший облик животного. Совершаемые ритуальные действия, а также приход волка из леса делают

если только [она], проникшись материнским чувством, не подходила, волк, или дьявол в его образе, как она говорила, пожирал. Если же, возвратившиеся к ребёнку, находили его живым, относили его к некоей быстроводной реке, протекавшей поблизости, называемой Шаларон (Chalarone)¹, в которую ребёнка девять раз погружали;² [этот ребёнок] получал весьма крепкое тело, если спасался, и ни тогда, ни сразу после этого не умирал. Мы прибыли на это место и созвали людей земли³ и проповедовали против того, что было рассказано. Мы велели выкопать мёртвую собаку и срубить рощу и, вместе с тем кости упомянутой собаки равным образом повелели сжечь, и повелели хозяину земли⁴ издать эдикт о взысканиях и наказаниях для тех, кто к указанному месту по упомянутой причине так или иначе будет приходить⁵.

возможным вмешательство дьявола. Женщины недвусмысленно обращаются за помощью именно к нему и заключают с ним «особое соглашение», что является признаком идолопоклонства. Судя по всему, волк для Стефана Бурбона связан с фавном, т.к. оба создания дьявольские и пришли из леса.

¹ Шаларон – река, которая впадает в Сону.

² Завершение ритуала – проверка водой. Эту форму испытания можно сравнить с одной из форм ордалии, смысл которой не найти виновника, а подтвердить или опровергнуть вину человека. Кроме того, присутствует сакральное значение числа девять. Девять раз ребёнок передаётся через дерево, чтобы установить связь с растением, девять раз его погружают в воду, чтобы проверить его выдержку.

³ Собрание всех «людей земли» вместе ради уничтожения места поклонения дьявольскому существу не обязательно имеет архаичный смысл. Здесь Стефан Бурбон действовал как епископ или святой раннего средневековья. Ранняя средневековая агиография предоставляет разнообразные примеры уничтожения «священных лесов» святыми-миссионерами и епископами – как, например, в произведении Сульпиция Севера «Житие Святого Мартина».

⁴ Одним из наиболее известных представителей династии Вилларов стал Стефан II Вилларский (до 1145 – 1186), который, однако, не имел наследников мужского пола, оставив лишь дочь Агнес. Последняя вышла замуж за Стефана I Туарского, который унаследовал от зятя титул Вилларского. Перед его сыном Стефаном II мог предстать Стефан Бурбон.

⁵ Стефан Бурбон надеялся, что культ св. Гинфорта был им полностью искоренён. Однако отдельные разрозненные примеры бытования этого культа в источниках с XIII по XIX вв. показывают, что инквизитор ошибался. Последнее упоминание о культе св. Гинфорта относится к 1826 г., когда сельский кюре просит разрешение построить часовню на месте, где процветал культ Гинфорта – собаки-покровителя больных детей.

Послесловие¹

Стефан Бурбон: биография

Его имя также могло произноситься как Этьенн (Étienne), что является французской калькой греческого Στέφανος («Стефан»).

Был рождён в Бельвиле-на-Соне², около 1180 г. Стефан Бурбон начал учёбу в кафедральной школе Сен-Винсента в Маконе, городке, находящемся недалеко от родных мест Стефана Бурбона. В начале XIII в., около 1217 г., когда ему было около 25 лет, он был уже студентом Парижской школы, которая послужила основой для созданного в 1231 г. Парижского университета. Он присоединился к доминиканскому ордену некоторое время спустя после прибытия в Париж. На следующий год был образован Дом якобитов (House of Jacobins)³, куда Стефан Бурбон вступил в 1223 г. и где он завершил своё богословское образование. Единственный монастырь, к которому он был причастен – в Лионе, основанный в 1218 г. Стефан Бурбон находился в этом монастыре до 1223 г. В промежутке между 1223 и 1262 гг. он много путешествовал по той местности, которая называется теперь регионом Рона-Альпы, пройдя Бургундию, Шампань, Юру, Альпы, Валенсию, Овернь, Форе и даже Руссильон. В течении своих путешествий, Стефан Бурбон собирал разнообразны́е свидетельства, которые и дали материал для его *exemplum*'ов⁴.

¹ Наиболее полную библиографию по сюжету о св. Гинфорте см. в уже указанной работе Ж.-К. Шмитта pp. 203 – 211. Из более новых работ, которые были нам доступны, укажем следующие: J.-M. Doulet. Quand les demons enlevaient les enfants. Les changelins: étude d'une figure mythique. Paris, 2002. – P. 88 – 94; Dubois J. Saint Guinefort vénéré des Dombes. Comment un martyr inconnu fut substitué à un chien-martyr // Journal des savantes, 1980, V. 1. – P. 141 – 155; R.F. Green. Elf Queens and Holy Friars. Fairy beliefs and Medieval Church. Philadelphia, 2016. – P. 117 and sq.

² В настоящее время муниципалитет на юго-востоке Франции, в регионе Рона-Альпы, департамент Рона.

³ Иными словами, доминиканский орден. Такое название во Франции он получил, т.к. первая резиденция ордена в Париже была при церкви св. Иакова.

⁴ *Exemplum* (лат. *exemplum* – пример) – жанр средневековой латинской литературы с ярко выраженной дидактической функцией. Появляется в XIII веке как сопровождение проповедей: зачитывался после объявления темы проповеди и цитаты из Евангелия, часто на народном языке, иллюстрируя главную идею проповеди на конкретном материале. Помогал в общедоступной форме объяснить пастве основные догмы и принципы христианской веры. Сюжеты *exemplum*'ов заимствовались из разных источников – Священного Писания, восточных притч в латинских переводах, фольклорной традиции устных рассказов и анекдотов – и часто собирались в отдельные сборники. Одним из них является труд Стефана Бурбона "Исторические анекдоты, легенды и апологии", из которого и взят предложенный нами *exemplum*.

Когда Стефан Бурбон описывает свой личный опыт, он говорит, что это случилось с ним в то время, как он проповедовал. То, что он выезжал за границы распространения доминиканской проповеди и ордена яacobитов говорит о том, что он был наделён статусом инквизитора, да и он сам в своём произведении называет себя так. Впервые ему было поручено стать инквизитором в Валенсии в 1235 г., когда там распространялась вальденская ересь¹. Он также был вовлечён в процессы в Монт-Эме в Шампани², когда он был послан для пыток Робертом ле Бугром³. Он был одним из первых инквизиторов, вступивший в свою должность только через три года после того, как папа Григорий IX⁴ установил обязанности инквизиторов доминиканского ордена. Инквизиторы нищенствующих орденов получали *mandato apostolic* («апостольский мандат»), что как раз говорит о своей деятельности Стефан Бурбон.

Его инквизиторские обязанности объясняют, почему он постоянно путешествовал, а также интерес к сельским областям и их жителям. Его основными информаторами были сельские кюре⁵; это особенно характерно для региона Рона-Альпы, который он знал лучше всего, т.к. родился там. Вообще доминиканские монахи обычно сюда не заходили, и только в 1343 г. кармелиты основали тут свой монастырь. Может, также Стефан Бурбонский пытался распространить тут католичество в противовес проповеди вальденсов, но натолкнулся на странный культ св. Гинфорта.

Структура работы Стефана Бурбона

Работа Стефана Бурбона была разделена на семь частей, каждая из которых была названа по названиям даров Святого Духа. Стефан Бурбон умер, не дописав три последние предполагаемые части – наставление,

¹ Вальденсы – религиозное движение в XII – XIII вв. Ратовали за возвращение к апостольской бедности, ликвидацию частной собственности и свободу чтения Библии.

² Равнина и одноимённая гора в Шампани, где Робертом ле Бугром было сожжено 182 катар.

³ Один из первых известных нам инквизиторов. Сам происходя из секты катаров и перейдя затем к ортодоксии, фанатично преследовал различных еретиков во Франции за что получил прозвище «*malleus haereticorum*» - «молот еретиков». Из-за своей жестокости был отстранён от поста инквизитора и приговорён к пожизненному заключению.

⁴ Григорий IX (в миру – Уголино деи Конти деи Сеньи, 1145 – 1241) – папа Римский с 1227 по 1241 г. В 1231 г. в связи с распространением ересей во Франции и Италии учредил папскую инквизицию, в следующем году передал инквизиционный трибунал в руки доминиканцев.

⁵ Кюре – во франкоязычных странах – приходской священник.

понимание и мудрость. Рассуждения на тему даров Святого Духа были характерны для доминиканских теологов. Как раз из четвертой части – Дара Силы – взят *exemplum* о Святом Гинфорте. Далее, автор предлагает использовать семь смертных грехов в качестве семи заглавий к разделам четвертой части. Каждый из разделов поделен на некоторое количество подразделов, а каждый подраздел – на семь параграфов. Это схоластический метод классификации выглядит в данном случае весьма карикатурно, хотя, возможно, Стефан Бурбон надеялся, что такая схема поможет проповеднику в каждом случае найти нужный *exemplum*.

Шестнадцать подразделов греха гордыни могут быть разделены на две отличающиеся группы. Последними из всех следуют суеверия – после ереси и отдельно от нее, как пример враждебности Богу, его церкви и религии. Текст о Святом Гинфорте находится именно в этой части.

Истоки сюжета о Гинфорте

Сюжет незаслуженного убийства животного вместо благодарности за спасение ребёнка от некоего злобного существа достаточно широко распространён и имеет весьма древние корни. Так, например, этот сюжет встречается в санскритском литературном памятнике – «Панчатантре»¹. В версии «Панчатантры» родители оставили своего ребёнка наедине с мангустом. В их отсутствие к ним домой вползла чёрная змея, чтобы напасть на ребёнка, но мангуст спасает ребёнка, убив змею. Мать, увидев окровавленную пасть мангуста, подумала, что он съел ребёнка, и убила его. Она осознала свою ошибку, когда вошла в комнату и увидела своего ребёнка в целости и сохранности, а рядом остатки тела змеи.

Независимо от индийского нарратива, совсем другая версия была записана Павсанием в Греции, около 160-180 гг. н.э.² Некий начальник,

¹ «Панчатантра» – памятник санскритской прозы, сложившийся в III–IV в. н.э., однако имеющий более ранние фольклорные истоки. Представляет собой сборник аллегорических поучительных рассказов по мудрому управлению государством для некоего индийского раджи. Получил довольно широкое распространение, будучи переведённым в средние века на латынь и другие западноевропейские языки. На русский переводился А.Я. Сыркиным и И. Серебряковым: *Панчатантра* / Пер. с санскрита и прим. А.Я. Сарыкина. – М.: Академия наук СССР, 1958. – 376 с.; *Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости* / Пер. с санскрита, предисл. и комм. И. Серебрякова. – М.: Художественная литература, 1989. – 479 с.

² Павсаний – древнегреческий писатель и географ II в. н.э., автор энциклопедической работы «Описание Эллады». В ней Павсаний описывает десять областей Греции, которые он объездил, чтобы рассказать о наиболее известных из сохранившихся в них памятниках. Павсаний приводит ряд сведений из античных мифологии, географии и этнографии, которые не сохранились в других источниках.

подозревая, что враги замышляют сделать что-то плохое с его ребёнком, спрятал последнего в сосуде под землю. К сосуду пришёл волк, чтобы напасть на ребёнка, но его охраняла змея. Когда отец пришёл за ребёнком, то решил, что змея хочет напасть на ребёнка и метнул в неё копьё, которое поразило и змею, и ребёнка. Узнав от пастухов, что змея была защитником его ребёнка, отец сжёг тело ребёнка вместе со змеей на общем погребальном костре.

Греческая версия явно отличается от индийской: в ней змея выступает в роли защитника, а не агрессора, а история заканчивается гибелью ребёнка. Поэтому можно предположить, что две приведенные истории никак не связаны. *Exemplum* Стефана Бурбона о св. Гинфорте – не самая ранняя версия сюжета с верным псом, известная в латинской христианской культуре. Так, этот же сюжет содержит «Роман о семи мудрецах»¹ – источник, датируемый 1155 г., написанный на старофранцузском языке, а также «Долопатос»², появившийся в 1184 г. Некоторое время спустя после появления *exemplum*’а о св. Гинфорте появилось также первое переложение «Панчатантры» на латынь Иоанна Капуанского³.

Оба трактата повествуют о приключениях юного принца, который был возвращен вдали от дома учителем, который был очевидцем смерти матери принца. Отец принца вновь женился и пригласил сына на свадьбу. Но прежде, чем он двинулся в путь, учитель посоветовал ему притвориться немым. По приходу принца, его приёмная мать пыталась соблазнить его, но, потерпев неудачу, она обвинила молодого принца в попытке её изнасиловать. Король хотел приговорить сына к смерти, но семь мудрецов отговорили его, рассказав несколько историй, чтобы показать пагубные

¹ «Роман о семи мудрецах» – популярный в средние века литературный источник, переведённый с персидского на арабский и иврит, а с них, в свою очередь, переложённый на основные западноевропейские языки. «*Roman des sept sages*» – название переложения этого романа на старофранцузский, который был выполнен трувером Эрбером (Herbers). Первые переложения «Романа о семи мудрецах» на русский появляются с XVII в.

² Полное название «*Dolopathos, sive Historia de rege et septem sapientibus*» («Долопатос, или история о царе и семи мудрецах») – переложение на латынь «Романа о семи мудрецах» выполнил цистерцианец Иоанн из аббатства Верхний Сей (John of Haute Seille). «Долопатос» рассказывает о сицилийском правителе, живущем во времена Августа, его сыне Луцинии и семи мудрецах. Работа наполнена ссылками на греческих философов, а также историями, заимствованными у Геродота, но пересказанными в христианском духе.

³ Иоанн Капуанский – переводчик с древнееврейского на латынь. В 1262 – 1278 гг. выполнил перевод произведения «Калила и Димна», восходящего к «Панчатантре», под заглавием «*Directorium humanae vitae, alias Parabola antiquorum sapientium*» («Руководство человеческой жизни, иначе Притчи древней мудрости»).

последствия поспешных действий. Одна из них – история о верном псе. Король простил своего сына, чья невиновность была раскрыта в конце книги. Определённо существует некая связь между этими двумя повествованиями и восточными трактатами поучительного характера, но каналы, по которым они передавались, нам не известны. Похоже, что греческое переложение «Панчатантры», сделанное в конце XI в. Симеоном Сифом¹, было неким связующим звеном. Но, несмотря на восточное влияние, нельзя сказать, что все нарративы содержат детали, характерные именно для Востока: особенно в случае с «Долопатос», для которого Иоанн из аббатства Верхний Сей собрал оригинальные рассказы местной локализации. Могут быть предложены две версии происхождения сюжета о св. Гинфорте. По первой из версий, легенда заимствует ряд восточных сказаний (через «Панчатантру», её переводы и переложения), а также опирается на западноевропейские предания, отражённые у Павсания, в «Романе о семи мудрецах» и в «Долопатос». По другой версии, легенда о св. Гинфорте является частью устной традиции местного крестьянства, которая происходит из древнего индоевропейского источника, общего и для неё, и для Павсания, и для «Панчатантры».

Разделение ритуала, описанного в *exemplum*'е, на три части

Ритуал можно разбить на три отдельных последовательных действия, каждое из которых внимательно контролировалось ведьмой.

Первая стадия заключается в принесении предварительных жертв: соли и других вещей. Эрнест Джонс в своей работе предполагал, что соль привлекает ведьм и демонов². Другой вид жертвоприношений – развешивание детских пелёнок на ближайших кустах и помещение в ствол дерева гвоздей. Таким образом, дерево и кусты играют роль «проводника» для связи ребёнка и св. Гинфорта.

Второй этап ритуала заключается в разделении матери и ребёнка и предполагаемом вмешательстве фавнов. Когда женщины передают младенца через разветвление в стволе дерева, призывая фавнов, это предполагает, что они просят вернуть их собственных детей в обмен на

¹ Симеон Сиф – византийский учёный и писатель второй половины XI в. Выполнил переложение арабской версии «Панчатантры» под заголовком «Стефанит и Ихнилат».

² Эрнест Джонс – британский психоаналитик. Внёс большой вклад в исследования психоаналитической литературы, в частности монографии о деревне и ночных кошмарах. Ernest Jones, *Essays in Applied Psycho-Analysis*. 2nd edition, 2 vols (London, 1951), pp. 22 – 109.

подменышей, на которых и перейдут все болезни ребёнка, которого пытаются исцелить. Далее, матери оставляют голого ребёнка возле корней дерева и отходят на определённую дистанцию так, чтобы слышать его плачь, но не видеть самого ребёнка. Так они остаются поодаль от ребёнка, пока не сгорят свечи, размещённые в стволе дерева.

В том случае, если по возвращении матери ребёнок жив, начинается третья часть ритуала – проверка. Мать всё ещё не знает, согласились ли фавны на сделку, поэтому, чтобы выяснить это, она несёт ребёнка к реке, где подвергает его испытанию водой. Дети-подменыши очень слабые и не могут выдержать девятикратное погружение в холодную реку. Поэтому, если ребёнок в это время умирает – фавны не согласились на сделку и не вернули человеческого ребёнка.

Окончание обряда симметрическое: девятикратное погружение в воду соотносится с девятикратной передачей малыша в первой части ритуала. Это также завершает символический шаблон, с помощью которого горячее и сухое в начале обряда (символ огня), противостоит и заменяется холодом и влагой реки (символом воды).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Anecdotes historiques. Légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon dominican du XIII-e siècle publiés pour la société de l'histoire de France par A. Lecoy de la Marche. – Paris, 1878.
2. Doulet M. Quand les demons enlevaient les enfants. Les changelins: étude d'une figure mythique / M.Doulet. – Paris, 2002.
3. Dubois J. Saint Guinefort vénéré des Dombes. Comment un martyr inconnu fut substitué à un chien-martyr // Journal des savantes, 1980, V. 1. – P. 141 – 155.
4. Green R.F. Elf Queens and Holy Friars. Fairy beliefs and Medieval Church / R.F. Green. – Philadelphia, 2016. – 285 pp.
5. Schmitt J.-C. The Holy Greyhound. Guinefort, healer of children since the thirteenth century / J.-C. Schmitt. – Cambridge, 1983. – 215 pp.

Стаття надійшла до редакції 10.06.2017

**ПРИЧИНИ ТА ПРИНЦИПИ МІЛІТАРНОГО РЕФОРМУВАННЯ
РУМУНІЇ В КІНЦІ ХХ – НА ПОЧАТКУ ХХІ СТ.**

А.С. Поспелов

*кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел. +38048–748–90–36; email: andreas.pospelov@gmail.com*

В статье рассматриваются основные военно-политические, военно-экономические и стратегические причины реформирования вооружённых сил и военной промышленности Румынии в начале 2000-х годов. Указывается, что основным стимулом для военного реформирования Румынии стало как своеобразное наследие «эпохи Чаушеску» так и мгновенная военная реакция Украины весной 1997 года на ухудшение двусторонних отношений, которая привела к подписанию масштабного выгодного для Киева украино-румынского договора в мае того же года. Утверждается, что программа военного реформирования Румынии, исходя из приведённых в статье причин, разработана в три этапа, рассчитанных до 2021 года и полностью адекватна как экономическому потенциалу страны, так и тем военно-политическим задачам, которые стоят перед румынскими вооружёнными силами.

Ключевые слова: военная реформа, Социалистическая Румыния, украино-румынский договор, военно-промышленный комплекс, НАТО.

У статті розглядаються основні військово-політичні, військово-економічні та стратегічні причини реформування збройних сил і військової промисловості Румунії на початку 2000-х років. Вказується, що основним стимулом для військового реформування Румунії стали як своєрідна спадщина «епохи Чаушеску» так і миттєва військова реакція України навесні 1997 року на погіршення двосторонніх відносин, яка привела до підписання масштабного вигідного для Києва україно-румунського договору в травні того ж року. Стверджується, що програма військового реформування Румунії, виходячи з наведених у статті причин, розроблена в три етапи, розрахованих до 2021 року і повністю адекватна як економічному потенціалу країни, так і тим військово-політичним завданням, які стоять перед румунськими збройними силами.

Ключові слова: військова реформа, Соціалістична Румунія, україно-румунський договір, військово-промисловий комплекс, НАТО.

The article examines the main military-political, military-economic and strategic reasons for reforming the armed forces and military industry of

Romania in the early 2000s. It is pointed out that the main impetus for the military reform in Romania was the unique legacy of the “Ceaurescu era” and the immediate military reaction of Ukraine in the spring of 1997 to the weakening of bilateral relations, which led to the signing of a large-scale Kiev-Ukraine treaty in Kiev in May of the same year. It is stated that the program of military reform in Romania, based on the reasons given in the article, was developed in three stages, and calculated up to 2021. It is fully adequate both for the economic potential of the country and for the military and political tasks facing the Romanian armed forces.

Keywords: military reform, Socialist Romania, Ukrainian-Romanian treaty, military-industrial complex, NATO.

У квітні 2004 Румунія стала повноправним членом Північно-атлантичного альянсу (НАТО). Новий статус держави, передбачав активну участь країни в спільних з іншими державами-членами військово-політичних заходах, а також якісну структурну й технічну модернізацію національних збройних сил, перехід їх на стандарти НАТО. Однак, ідеолого-політичний, соціально-економічний та військово-технічний потенціал Румунії з самого початку членства в НАТО був тим, що не дозволяв це зробити самостійно та без зайвих проблем. Як наслідок, комплексна структурна мілітарна модернізація Румунії виявилась справою не одного року (чи навіть десятиріччя). Однак її причини суттєво відрізняються від аналогічних в Болгарії та Україні.

На сьогодні Румунія є індустріально-аграрною країною. Стан важкої промисловості Румунії, створеної ще за часів соціалізму в цілому дозволяє країні розробляти й серійно виробляти майже всі види зброї та військової техніки за виключенням сучасних надзвукових тактичних винищувачів, підводних човнів, бойових кораблів водотоннажністю більше ніж ескадрений міноносець та космічних засобів розвідки, навігації та зв'язку. Ще в 1970-х рр. був створений навіть і потенціал атомної промисловості, який носив не тільки науково-дослідний характер [5:222–223, 233; 16]. Однак, буремні зміни в країні після Револуції грудня 1989 р. призвели до того, що політично стабільна країна фактично, за рінням життя населення залишається і досі на одному з останніх міст в Європі.

Між тим, характер дій румунського керівництва (правлячих еліт) весь час існування незалежної Румунії, завжди відрізнявся специфічним напрямом створення «Великої Румунії». Це проглядалося в міжвоєнний період, продовжується це і зараз, про що неодноразово писали історики [8; 12]. Причому мова іде не лише про «амбіції» та «наміри», а постійно реалізується в конкретних діях. Так, достатньо згадати «допомогу» Румунії Республіці Молдова під час конфлікту 1992 р. з Придністровською Молдавською Республікою [13: 266], та нещодавній українсько-румунський

дипломатичний конфлікт навколо острова Зміїний [17]. Саме тому, ні в якому разі, враховуючи історичний досвід і будуючи відповідні аналогії цей фактор не можна скидати з рахунків.

Втім, для реалізації планів «Великої Румунії» її керівництво повинно спиратися виключно на військовий потенціал країни. Проте, всі періоди існування незалежної Румунії він практично завжди поступався військовому потенціалу своїх сусідів. Через це, в роки Першої світової війни, міжвоєнні роки та в період Другої світової війни, збройні сили Румунії зазнавали поразок і лише допомога союзників (Росії у 1915–1917 рр., Німеччини у 1940–1943 рр. та СРСР у 1944–45 рр. відповідно) врятовувала країну від поразок. Тут слід зазначити, що керівники Румунії цю, на перший погляд доволі несприятливу для себе ситуацію використовували завжди на свою користь – в усіх випадках Румунія отримувала територіальні прирощення. Більше того, на думку деяких українських дослідників, інколи Румунія ставала фактором втягування сусідніх держав у віну з третьою країною. Яскравим прикладом тут може бути «румунська провокація» 21–22 червня 1941 р. по втягуванню Угорщини у війну проти СРСР – факт який чітко не доведений і досі [6: 40]. Єдиний раз в своїй історії, керівництво Румунії намагалося створити «Велику Румунію» самостійно, не залежно ані політично, ані технічно від жодного свого союзника – доба Соціалістичної Республіки Румунія (1965–1989 рр.). Саме в цей період, коли при владі знаходився Ніколае Чаушеску, Румунія не взяла участь у вторгненні армій країн Організації Варшавського Договору (ОВД) у Чехословаччину в серпні 1968 р., а з 1974 р. почала реалізовувати комплексну програму створення потужної економіки та її апологету – військово-промислового комплексу. Найбільш яскравий тому приклад – спроба створити «Великий (воєнний) флот регіонального масштабу», що викликало в 1980-х рр. не однозначну реакцію як в ОВД так і в НАТО. І хоча були закладені лише основи цього, стратегічний напрям виявився вірним абсолютно.

Втім, після повалення комуністичної диктатури чети Чаушеску, влада демократичної Румунії взяла курс на активне співробітництво насамперед з країнами НАТО. Вже з 1990 р. згідно договору Румунія-НАТО, офіцери країни почали навчатися та стажуватися в країнах альянсу [15: 19]. Саме з цього моменту і слід говорити про початок структурних змін міліарного характеру в Румунії. Що ж до їх технічної складової, то на відміну від інших колишніх членів ОВД – Польщі, Чехії, Угорщини та Болгарії, які з 1999 та 2004 р. стали країнами НАТО, ситуація в Румунії виглядала не гірше, а по деяким позиціям, навіть і краще. Так, ще за часів соціалізму, щонайменше авіаційний комплекс Румунії вже був переведений на стандарти і концепції НАТО. Про це свідчить не лише виробництво по французьким ліцензіям гелікоптерів, а й створення самостійно та разом з колишньою Югославією сучасних за тенденцією розвитку й тактико-технічним характеристикам

літаків [7:11–12; 19:86–87]. Навіть будівництво по власним технологіям ескадреного міноносця «Марасесті» та фрегата – плавучої бази «Констанца» концептуально виявилися далекоглядними, хоча і не обійшлося без проблем (есмінець тричі повертали на верф для зниження верхньої ваги) [11:160–161; 20: 501]. Дрібні кроки щодо реформування збройних сил Румунії, та пов'язаних з ними військово-промислового комплексу у період 1990–1997 рр. не призводили до відчутних позитивних результатів. Особливо наочно це проявилось на весні 1997 р., коли румунський уряд на чолі з президентом Іоном Ілієску вимушений був піти на ухвалення масштабного договору з Україною. Не останню роль в такому, вигідному насамперед для Києва розвитку подій, відіграв фактор абсолютної військової переваги України над Румунією.

Висновки в Бухаресті зробили швидко. Саме тому, з літа 1997 р. в Румунії розпочалася комплексна реформа усього міліарного комплексу країни (збройні сили та військова промисловість) яка офіційно розрахована до 2021 р. Вбачається, що розпочинаючи його реформування на початку 1990-х рр. керівництво Румунії виходило з кількох головних принципів:

1. Армія Соціалістичної республіки Румунія, потребувала скорочення по причинах політичного (занадто велика і не потрібна в нових геополітичних умовах), технічного (вкрай слабо мобільна й не зовсім сучасна) [4; 15, С.17-19] та кадрового (чисельний консервативний корпус генералів й вкрай слабо підготовлений загальний особовий склад) характеру;

2. Військова промисловість Румунії, теоретично сучасна й здатна випускати майже всі основні види озброєння, в тому високотехнологічного, практично виявилася неспроможною виробляти сучасну зброю великою серією по суто кадровим та технологічним причинам. Через це, виробництво найсучасніших зразків виявилось занадто коштовним. Яскравими прикладами цього є історія навчально-бойового літака IAR-99 SOIM («Яструб») – одного з найкращих в світі у своєму класі, випущеного усього в 6 екземплярах [7:16], та основного бойового танку TR-125, створеного на базі придбаної у 1984 р. в СРСР ліцензії на Т-72Б. З 1987 по 1999 р. було вироблено усього 30 таких одиниць (по іншим даним – лише 3 прототипи. Для порівняння – Чехословаччина лише за період з 1981 по 1990 рр. по радянській ліцензії на Т-72 створила їх майже 1700) [2].

3. В той же час, модернізація військової техніки румунського та радянського виробництва теоретично, і як довела практика реально могли дати суттєві результати. Так, модернізація за допомогою ізраїльських фірм винищувача МіГ-21 в варіант LANCER, значно розширила його тактичні можливості й призвела до експортного виграшу. Модернізація же власними силами танків Т-55 та їх румунських варіантів TR-85 в варіант BIZONUL на порядок підсилило бойові можливості румунської армії і викликало в військових структурах України певне занепокоєння.

4. Після революції грудня 1989 р. всі політичні сили почали орієнтуватися на Захід. В результаті виникла необхідність переходу на стандарти НАТО не тільки в системі озброєння, а й у професійній та бойовій підготовки особового складу й конкретних підрозділів, організації збройних сил як таких. Як наслідок змінюються пріоритети – замість переваги сухопутних військ, модернізації в першу чергу підлягали військово-морські й військово-повітряні сили.

5. Проте, фінансові можливості пост революційної Румунії були вкрай обмежені. В нових економічних і геополітичних умовах вигідніше стало витратити кошти на особовий склад в першу чергу, а техніку й зброю закупати за кордоном, нехай і колишню у користуванні. Проте зразу розроблялася лінія в 3 етапи: модернізація за допомогою країн Заходу і НАТО старої радянської та румунської техніки – придбання колишньої у використанні техніки країн НАТО – закупівля новітніх зразків техніки в країнах НАТО. В галузі винищувачів вище ми писали про перший варіант, а з 2012 р. командування авіації Румунії вже перейшло до третього – переговори про придбання 24 винищувачів F-35 в США. В галузі ж військово-морських сил. Виявилося, що придбання в Великобританії колишніх фрегатів проекту 22 другої підгрупи повністю вирішує всі покладені задачі на флот і тому кошти призначені для третього етапу можна періорієнтувати на інші цілі.

6. Румунії слід було в міліарному плані виходити й на міжнародний рівень. Це вимагало від керівництва держави по-перше, участі у миротворчих операціях, а вони потребували невеличких, вкрай мобільних і гарно підготовлених і оснащених підрозділів. А по-друге, індустріальна Румунія не могла не скористатися таким вигідним шляхом накопичення валюти як торгівля зброєю. Однак на цьому шляху слід було позбавитися негативного іміджу Румунії як її виробника [14:28], що можливо було лише при допомозі західних фірм.

7. Нові геополітичні умови потребували й зміни потенційних супротивників. І слід визнати, що тут вибір румунського політикуму був однастайний – Україна. Пояснювалося це кількома причинами (в зворотньому хронологічному плані). По-перше з 2004 р. практично по всій довжині державного кордону Румунія була обмежена країнами союзниками по НАТО, за виключенням України та Сербії. Однак остання, після буремних подій 1998-2004 р. фактично інтересу та загрози для Бухаресту не являла. По-друге, румунські урядовці й особисто військові яскраво запам'ятали події травня 1997 р. Тоді лише маневр Дивізії бомбардувальників середньої дальності Ту-22М2/3 з аеродромів Полтавського на аеродроми Миколаївського та Одеського авіаційних вузлів, спонукало президента Румунії І.Ілієску прибути в Київ та ухвалити «Великий договір» з Україною. Додамо, що цей літак, якій в НАТО отримав назву «Бекфайр» сучасними західними засобами ППО не може бути збитий (звідки й реакція румунського керівництва Румунії у 1997 р.) (єдиний

випадок знищення розвідника Ту-22МЗР ВПС Росії під час російсько-грузинського конфлікту серпня 2008 р. цілком на рахунку поганої організації та керівництва бойовими діями з боку російської сторони [3: 37]). І по-третє, радикально й навіть помірковано налаштовані румунські політики постійно висувують аргументи з метою перегляду радянсько-німецького пакту від 23 серпня 1939 р. з метою реанімації концепції «Великої Румунії», яка різними політичними силами як Румунії так і України трактується зовсім по різному [18; 21]. Однак здійснити це можливо лише шляхом інтеграції з Румунії Молдови (що намагаються зробити й праві молдовські політики) [22], та розширення співробітництва, з румунським пріоритетом, з Одеською та Чернівецькою областями України.

Всі вищезазначені аспекти змушували різні румунські уряди комплексно і послідовно модернізувати й змінювати власні мілітарні структури. На відміну від України, принципи військового реформування Румунії виявилися адекватними як сучасній геополітичній обстановці так і економічним можливостям країни. Більше того вона йде послідовно і оперативно. Через це, військова реформа в Румунії вже з початку 2010 р. вийшла на рівень випередження не стільки виробленого плану, скільки викликам, які з'являються. На відміну від Болгарії, військове реформування країни дозволяє при суттєвому скороченні чисельності армії зберегти і навіть розширити її бойові можливості. А головне – підтримувати і розвивати ударну компоненту. Більше того, використання концепції розвитку окремих компонентів збройних сил Румунії, які були створенні ще за соціалістичних часів (наприклад будівництво дунайської флотилії чи оснащення ВПС літаками і вертольотами нових класів (дозвукові винищувачі й легкі навчально-тренувальні літаки-штурмовики, легкі вертольоти вогневої підтримки тощо), додасть військовому реформуванню Румунії не тільки галузевої та історичної специфіки, скільки призведе до суттєвого збільшення потенціалу й оперативності Збройним силам країни в цілому. Тому, на наш погляд, розрахована до 2021 р. військова реформа в Румунії, на відміну від аналогічної української буде виконана раніше зазначеного терміну з результатами значно серйознішими, ніж тими, які планувалися в період 1997–2010 рр. Крім того, реформовані румунські збройні сили отримають можливості вирішувати задачі, які потенційно можуть виникнути після 2021 р. на перспективу щонайменше 10 років.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апальков Ю.В. Боевые корабли мира на рубеже XX – XXI веков. Часть IV–II. Корветы и катера / Ю.В. Апальков. – С-Пб., 2004. – 248 с.
2. Грановский О. Танки Т-72 в мире / О. Грановский. – Режим доступа: <http://www.waronline.org/mideast/general-info/armament/t-72/export.php>

3. Жирохов М. Маленькая миротворческая война / М. Жирохов // *Авиация и время*. – 2008. – № 5. – С. 35 – 38.
4. Заявление Комитета министров обороны государств-участников варшавского Договора «О соотношении численности вооружённых сил и вооружений организации варшавского Договора и Североатлантического союза в Европе и прилегающих акваториях» // *Красная звезда*. – 1989. – 30 января.
5. Короткова Э.К., Мойсеенко М.Г., Страшун Б.А. Социалистическая Республика Румыния. Основы государственного строя / Э.К. Короткова, М.Г. Мойсеенко, Б.А. Страшун. – М., 1977. – С. 222 – 223, 233.
6. Котлобовский А. В тени Люфтваффе (Венгерские ВВС на Восточном фронте в 1941 г.) / А. Котлобовский // *Аэрохобби*. – 1994. – № 4. – С. 40 – 44.
7. Котлобовский А. Послевоенные ударные самолёты / А. Котлобовский. – Часть 2. – К.: Архив-пресс, 1997. – 48 с.
8. Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина / М. Мельтюхов. – М., 2010. – 107 с.
9. Логвинец В. Военная мощь Украины и Румынии: повод для тревоги Киева / В. Логвинец // *Флот 2017*. – Режим доступа: <http://flot2017.com/item/opinions/36133>
10. Павлов А.С. Военные корабли СССР и России 1945–1995 / А.С. Павлов. – Якутск, 1994. – 211 с.
11. Петлеванный М. Корабли стран Варшавского договора / М. Петлеванный. – С – Пб.: Галей-Принт, 2010. – 194 с.
12. Покась М.С. Великая Румыния или Гиена, подвид восточно-европейский / М.С. Покась // <http://timer.od.ua/?p=14026>
13. Поспелов А.С. Военные аспекты Приднестровского конфликта 1992 / А.С. Поспелов // *Одисос. Актуальні проблеми історії, археології та етнології*. – Випуск II. – Одеса, 2010. – С. 266 – 268.
14. Танки НАТО против Варшавского Договора // Альманах «Танк». – Выпуск 2. – Рига, 2000. – С. 24 – 30.
15. Федотов Д., Николаев Д. Вооружённые силы Румынии / Д. Федотов, Д. Николаев // *Зарубежное военное обозрение*. – 1992. – № 7. – С. 17–21.
16. Чичкин А. Бомба в Карпатах. 20 лет назад Румыния "без пяти минут" была с атомным оружием. Но вряд ли оно стало бы "просоветским" / А. Чичкин // *Российская газета*. – 2009. – 20 июля.
17. Штепко Е.Ю. Дипломатическая война Украина-Румыния: остров Змеиный в международных отношениях второй половины XX – начале XXI века / Е.Ю. Штепко // *НОВИК. Труды по военной истории*. – Выпуск III. – Одесса, 2010. – С. 175 – 184.
18. Adrian Năstase, în conflictul dintre Ucraina și UE. – <http://www.ziua-veche.ro/international/externe/adrian-nastase-in-conflictul-dintre-ucraina-si-ue-74934.html>

19. Langer U. Die Flugzeugindustrie der Sozialistischen republic Rumanien / U. Langer // Flieger-Jahrbuch, 82. – Berlin: Transpress. – S. 66-90.
20. Polmar N. Guide of the Soviet Navy / N. Polmar N. – Sydney: AAP, 1986. – P. 501.
21. Ucraina vs. Romania si problema Bugeacului. – Mode access: <http://foaienationala.ro/ucraina-romania-si-problema-bugeacului.html>
22. Traian Basescu nu a gresit in privinta Basarabiei – Mode access: <http://www.ziare.com/basescu/presedinte/traian-basescu-nu-a-gresit-in-privintabasarabiei-1105311>

Стаття надійшла до редакції 01.05.2017

УДК 94(450)"14/15"

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА

В.И. Топчий

*студент III курса исторического факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38066–473–19–45; email: krassus64@gmail.com*

Данная статья посвящена политике и военным походам Чезаре Борджиа в период с 1497 по 1503 гг. на территории Италии. Рассмотрены причины военных походов Чезаре Борджиа и их результаты. Большое внимание уделено политике Чезаре Борджиа, его отношению к захваченным территориям.

Ключевые слова: Чезаре Борджиа, военные походы, Александр VI, заговор Маджоре.

Дана стаття присвячена політиці та військовим походам Чезаре Борджіа у період з 1497 – 1503 рр. на території Італії. Розглянуто причини військових походів Чезаре Борджіа, їх результати. Велику увагу приділено політиці Чезаре Борджіа, його ставлення до захоплення територій.

Ключові слова: Чезаре Борджіа, військові походи, Олександр VI, змова Маджоре.

This article is dedicated to the policy and military campaigns of Cesare Borgia in the period from 1497 to 1503 in Italy. The author reveals the reasons for Cesare Borgia's military campaigns and their results. Much attention is paid to Cesare Borgia's policy, and his attitude towards the occupied territories.

Keywords: Cesare Borgia, military campaigns, Alexander VI, Maggiore's conspiracy.

Борджиа вошли в историю как жестокая и погрязшая в коррупции фамилия, правившая Римом в конце XV – нач. XVI вв. В отечественной историографии личность и военно-политическая деятельность Чезаре Борджиа изучены недостаточно, а имеющиеся публикации содержат ряд неточностей. Цель данной работы – опираясь на данные исторических источников, осветить военные походы Чезаре Борджиа и особенности его внутренней политики. Основными источниками явились «Дневник о римских городских делах» Иоганна Бурхарда (ок. 1450 – 1506) – человека, который был церемониймейстром в Ватикане с 1483 года, а также близким другом семьи Борджиа, и два труда Никколо Макиавелли (1469 – 1527) («Государь» и «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеретто Да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини»), который был преданным другом Чезаре Борджиа, рядом с которым он несколько лет пробыл, путешествуя по Италии.

В статье рассматривается период жизни Чезаре Борджиа, начавшийся в последние годы XV столетия. В августе 1497 года при загадочных обстоятельствах погибает Хуан Борджиа, чей труп выловили из Тибра на следующее утро. Расследование проходило лично под руководством самого Родриго Борджиа. Подозреваемых было много как среди врагов семьи (семьи Орсини и Колонна), так остальных врагов Хуана (Гвидо Кордоба, кондотьеры и так далее) [7: 249]. Также в смерти Хуана Борджиа обвинялся Чезаре Борджиа. Обвиняла его вдова покойного брата – неаполитанская принцесса Мария Энрикес, которая смогла убедить в этом королеву Изабеллу и короля Фердинанда, хотя и не имела абсолютно никаких доказательств [3: 212]. Впоследствии расследование резко прекратилось, причем неясно, по какой причине. Когда у Александра VI спрашивали, зачем он прекратил расследование, он отвечал: «Господь сам накажет его убийцу, так как я тут бессилён» [1]. Тем временем, потеряв Неаполь и проиграв (ещё в 1495 году) армии Священной Лиги, по дороге во Францию умирает, при крайне неожиданных обстоятельствах (от удара об дверной косяк), больной (так как в Неаполе на тот момент была эпидемия чумы) французский король Карл VIII в Амбуазе [7: 39 – 40].

Сразу после этого новым королём Франции становится Людовик XII (1462 – 1515), который после коронации посылает своего представителя в Рим. В этот момент в Риме Чезаре Борджиа собирает консисторию, на которой объявляет, что никогда не имел духовного призвания, а выбрать духовную карьеру его принудил отец. После этого Чезаре получает младший церковный чин, а затем подавленный и больной Александр VI дарует своему сыну звание капитан-генерала папской армии [7: 249 – 250]. На следующий день со всей пышностью приезжает королевский камергер Луи де Вильнев, барон де Транс, как представитель Людовика XII. Посол сообщает, что французский король планирует захватить Милан и

Флоренцию, при этом абсолютно не собирается воевать с Церковью. Также Людовик XII просит разрешения Папы на развод с увечной дочерью Людовика XI, Жанной Французской с тем, чтобы жениться на вдове своего кузена Анне Бретонской, а также приглашает Чезаре Борджиа во Францию с ответом от Александра VI [8: 40 – 41]. После этого Чезаре отправляется во Францию (вместе с толпой горнистов, швейцарских кавалеристов в форме папской армии, дворян и т.д.), а Родриго Борджиа вместе с охраной отправляется во Флоренцию, чтобы избавиться от Джироламо Савонаролы, временно оставив свою дочь вместо себя [9: 157 – 159]. Во Флоренции Савонарола пытается доказать, что он пророк пройдя после чего его арестовывают и публично вешают на центральной площади, а затем сжигают тело и развеивают прах (1498 год).

Тем временем Чезаре Борджиа ведёт во Франции переговоры с Людовиком XII, который в благодарность за помощь отдаёт ему герцогство Валентинуа и обещает ежегодно выплачивать пенсию в размере 20 000 ливров. Также король Франции даёт в полное распоряжение Чезаре 2000 всадников и 6000 пехотинцев в помощь против Романьи и жалует ему титул рыцаря Ордена Святого Михаила [8: 43–44]. Затем Людовик XII предлагает Чезаре взять в жёны сестру Наваррского короля Шарлотту д'Альбре, на что Чезаре соглашается, и в 1499 г. происходит свадьба (хотя сам Чезаре считал этот брак неудачным). Позднее Шарлотта д'Альбре родит ему дочь – Луизу Борджиа [7: 250]. Весной 1499 г. Чезаре с огромной армией возвращается обратно в Италию, и первым делом собственноручно убивает любовника своей сестры Лукреции, одного из секретарей при Папе Римском Педро Кальваро, вместе со служанкой Лукреции, которая скрывала это от него. Причём убийство произошло прямо во время мессы Александра VI в Сикстинской Капелле. Причины убийства были неизвестны. После этих событий Чезаре, узнав, что Людовик XII взял Милан, отправляется осуществлять свои планы объединения Италии, благословлённый самим Папой Римским Александром VI.

Ещё до начала своего похода Чезаре знакомится с Леонардо да Винчи (1452 – 1517) (который только что смог быстро покинуть Милан, будучи ранее на службе герцога Миланского) и назначает его своим инженером [2]. На службе у Борджиа, Леонардо смог создать много разных механизмов (танк, бур, вертолёт, новый тип мортир и так далее). Именно от него узнал Чезаре о взятии Милана [7: 249 – 250]. Позднее от захваченных городов Чезаре требовал ежегодно выплачивать определённую сумму денег. Размер суммы зависел от того, как отнеслось население данного города к его захвату (сумма варьировалась от 25 до 60 тыс. дукатов) [1].

Первым герцогством на пути Чезаре стала Имела, которая при приближении войск капитан-генерала сдалась без боя, а сам герцог Имелский присягнул ему на верность. Затем он так же спокойно захватил

Пезаро, но его герцог быстро бежал из города, т.к. не хотел поддерживать Чезаре Борджиа и боялся, чтобы его за это не казнили.

Считалось, что Чезаре очень любили его солдаты, так как он всегда учитывал их мнение, а также знал не только по лицам, но и именам [4: 114].

Тем временем в Риме начали умирать богатые кардиналы. Обуславливалось это тем, что денег на военные походы Чезаре Борджиа не хватало, и его отец Александр VI пытался сначала договориться с кардиналами, однако те отказывались отдавать свои деньги, тогда Папа подсылал к ним убийц, и всё их имущество присваивалось Папским двором [9: 119 – 122]. Также Александр VI запланировал выдать свою дочь Лукрецию за Альфонсо Арагонского, герцога Бишелье и Салерно, внебрачного сына Альфонсо II Арагонского, короля Неаполитанского. Свадьба происходит в августе 1499 года. Таким образом он хотел укрепить свои отношения с Неаполем [5: 66]. Следующим на пути Чезаре стало герцогство Форли – большой город-крепость посреди болотистой местности. Гонфалоньер собирался спокойно захватить город, как и предыдущие, но оказалось не всё так просто. Графиня Катерина Сфорца (1463 – 1509) (сестра Джованни Сфорца), правительница Форли, решила встать на пути Чезаре. Она решила начать вербовку новобранцев для защиты города, но население Форли, зная методы капитан-генерала по отношению к врагам, отказало ей. Графиня, отправив своих детей во Флоренцию, сняла воинскую повинность с населения и скрылась с отрядом верных стражников во внутренней цитадели под названием Ревалдино [1]. Пребыв в город, Чезаре вместе с армией спокойно, без боя вошёл в город и попытался договориться с графиней. Он обещал её пощадить, дать определённую сумму денег и под охранной отвезти к её детям во Флоренцию. Графиня Форли отвергла и это предложение, и остальные. Чезаре это не устраивало, и он предложил любому, кто привёт к нему Катерину Сфорца, живую или мёртвую, 10 тыс. дукатов. Тем не менее, никто не согласился, а сам Чезаре чуть не попал в плен, когда слишком близко подошёл к цитадели. Осада продолжалась до января 1500 года. С обеих сторон были немалые потери. Наконец, 14 января начался последний и решающий штурм. Графиня сама лично возглавляла оборону, чем вызывала ещё большее восхищение её смелостью и крепостью духа. В конце концов цитадель была захвачена, а Катерина Сфорца была взята в плен и, по решению Чезаре, должна была быть отвезена в Рим [9: 147 – 148].

В этот момент Чезаре получает известие о том, что его сестра Лукреция вышла замуж за Альфонсо Арагонского, внебрачного сына Альфонсо II Арагонского, короля Неаполитанского [9: 148 – 149]. Тогда Чезаре решает вернуться в Рим вместе со своим другом Микелетто и пленницей, чтобы познакомиться с новым родственником семьи Борджиа. Вернувшись в Рим, гонфалоньер сразу невзлюбил молодого герцога Бишелье. 15 июня 1500

года, по поручению Чезаре, на него было совершено вечером покушение, однако герцог выжил. Позднее он был задушен Микелетто в собственной постели [1]. В этом же месяце с собора Св. Петра упал шпиль и задел железную балку, которая чуть не убила Папу Александра VI. На следующий день обрушились стены дворца Родриго в Ватикане. Чудом удалось выжить только самому Папе, остальные – погибли. Через пару недель Родриго слёг с тяжёлой лихорадкой [7: 251]. Также в этот промежуток времени было убито много любовников его сестры Лукреции, однако их имена неизвестны. После этих событий, оставив в темнице замка Сант-Анджело Катерину Сфорца, капитан-генерал покинул Рим и продолжил свои завоевания. Первым было Пьёмбино – небольшое герцогство к востоку от Рима. Оно было взято штурмом, быстро и почти без потерь, население сразу после взятия присягнуло на верность Чезаре, а герцог был казнён [7: 251]. Наместником временно был поставлен Микелетто Корелья. Следующим было княжество Фазнца. Боя не было. Асторре Манфреди, правитель Фазнцы, сразу присягнул Чезаре на верность и они оба очень сблизились.

Третьим на очереди стало княжество Камерино. Его правитель – князь Джулио Чезаре да Варано отказался от передачи города Чезаре, причём в достаточно грубой форме. Также против этого были и три сына князя. Недовольный этим, Чезаре решил перехитрить князя и его сыновей, сказав, что согласен пойти ему на уступки и предлагает это обсудить вечером в его замке. Князь согласился. В тот же вечер он был задушен в собственной постели Микелетто (вернувшимся к Чезаре из Пьёмбино), так же как и его сыновья. Княжество Камерино было захвачено [1]. Затем гонфалоньер устремился в Урбино. Урбино – это огромный город-крепость, защищённый большим количеством пушек, однако с небольшим гарнизоном во взятии которого Чезаре очень помог его отец, папа Александр VI. Папа заранее написал письмо герцогу Урбино, что хочет, чтобы тот помог ему артиллерией, и герцог выполнил просьбу, отправив все пушки в Рим [6].

И тут появляется Чезаре Борджиа с уже двенадцатитысячной армией и со всеми пушками из Урбино. Правителю Урбино ничего не оставалось делать, как сдаться и присягнуть на верность Чезаре. Во время пребывания в Урбино, в начале 1501 г., к Чезаре приходит сообщение о том, что на него готовится заговор его кондотьеров, который в историю вошёл как заговор Маджоре [6]. Во главе заговора стал кондотьер Джованни Бентивольво. К нему присоединились Паоло и Гравина Орсини, Франко Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо и многие другие.

Также заговорщики обсуждали, как найти себе сильных покровителей, которые могли бы защитить их от гнева Папы, а также разработать план физического уничтожения самого Чезаре [6]. Чезаре решил действовать быстро. Он вывел свои войска из Урбино, оставил армию под командованием своих самых честных кондотьеров и, взяв с собой

Микелетто, с отрядом преданных бойцов поспешил в Маджоре. Приехав, он сказал, что пойдёт на любые уступки, лишь бы они успокоились. Заговорщики были сильно удивлены его добродушием, однако были очень довольны результатом. На следующий день Чезаре собрал всех основных заговорщиков и арестовал их. Этой же ночью Вителлоццо Вителли и Оливеретто Да Фермо были задушены Микелетто. Вслед за ними были одновременно задушены Паоло и Гравина Орсини. Остальных же заковали в цепи и через 3 дня убили [7: 249]. Остальных заговорщиков Чезаре (якобы) простил и после взятия Сенигалы (следующего на очереди города), пригласил их всех на устроенный им банкет в честь взятия города, оставив при себе своих самых преданных людей. С помощью этого мероприятия Чезаре избавился от всех оставшихся мелких заговорщиков, так как вся еда и питьё на этом банкете были отравлены, а люди нужны были для того, чтобы избавиться от тел [1]. Вернувшись в Рим, первым делом Чезаре устроил праздник под названием Каштановый банкет, который происходил в Апостольском дворце накануне дня Всех Святых – 30 октября 1501 года. Пир был очень подробно описан церемонимейстром Иоганном Бурхардом. «Прославился» этот праздник 50 обнаженными куртизанками, которые ползали по полу в Апостольском дворце и собирали каштаны, а также соревнованием, в котором награждался призом тот, у кого было с собой наибольшее количество куртизанок [5: 20].

В начале 1502 года Чезаре знакомится с Николо Макиавелли (1469-1527), с которым у него завязываются очень тесные дружеские отношения. Макиавелли был поражен характером и складом ума молодого полководца. В дальнейшем Макиавелли использовал образ Чезаре Борджиа в своём произведении «Государь», так как считал, что тот обладает определёнными ценными качествами хорошего правителя. Также Макиавелли записывал практически всё, что видел, когда ездил вместе Чезаре по Италии [7: 251].

В июне этого же года Чезаре Борджиа решает избавиться от Асторре Манфреды, так как он понимал, что молодой парень имел полное право на власть в Фаэнции. По приказу Чезаре, его убивает Микелетто и сбрасывает тело в Тибр [9: 201–204]. Владея уже достаточно обширными территориями Тосканы, Чезаре пытается захватить Болонью, однако не может этого сделать, так как это противоречит планам французского короля (хотя позднее Чезаре всё-таки захватывает город). Вместе с Макиавелли и Микелетто они едут в Романью. Тем временем пожилой Папа Александр VI устраивает третий брак своей дочери Лукреции. Следующим мужем Лукреции стал герцог Ферарры – Альфонсо I д'Эсте (1476-1534). Таким образом, Родриго хотел, чтобы Чезаре улучшил отношения с Фераррой и Францией и чтобы герцог помог в захвате Романи [9: 205]. Альфонсо I д'Эсте не очень хотел брать в жёны Лукрецию, так как знал, что произошло с предыдущим женихом. Чтобы убедить Альфонсо, Родриго ему предложил

сумму в размере 100 тыс. дукатов, на что тот и согласился. В этом же году он женился и быстро уехал обратно Феррару (боясь той же участи, что его предшественник) [5: 21].

В то же время Чезаре захватывает города Чезене и Римини, чем окончательно подрывает влияние семьи Колонна и постепенно выводит их с политической арены [5: 22]. В конце 1502 года, 23 декабря Чезаре арестовал своё доверенное лицо – Рамиро де Орко, который осуществлял по его приказу тайные убийства и был назначен на пост губернатора Романьи. Прикрывшись гражданским судом, Чезаре обвинил Орко в злоупотреблении обязанностями и чрезмерной жестокости к подчинённым. Спустя несколько дней Орко нашли убитым на городской площади.

Сделаем вывод, что смерть Хуана Борджиа повлекла за собой огромный поток различных событий, которые идут и будут идти вплоть до смерти Чезаре Борджиа. Именно смерть брата помогла Чезаре добиться той должности, которой он хотел, а нелепая смерть Карла VIII стала лишь удачным стечением обстоятельств, которым он смог воспользоваться. Как полководец Чезаре Борджиа показал себя очень хитрым стратегом и разумным тактиком, а также очень уважаемым своим войском командиром. Практически любой город на пути он брал без серьёзного боя (а то и вообще без боя). Он смог значительно расширить свои владения, в чём ему помогал его отец Родриго Борджиа (в плане оплаты его походов). Со стороны политики Чезаре себя показал себя очень хорошим дипломатом, но, с другой стороны – жестким и хитрым политиком, отлично владеющим искусством обмана и не считающимся со средствами в достижении цели. Интересно, что заговорщики в Маджоре настолько сильно поверили Чезаре, что ни один из них так и не догадался о том, что всё это ловушка. А избавившись от Орко, Чезаре не допустил восстания в Романьи в связи с недовольством местного населения новым губернатором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурхард И. Дневник о римских городских делах. //Пер. Н.Т. Цветкова, Д.Д. Шамрая, И.П. Мурзина. — М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1939 (интернет версия – Thietmar, 2006): – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Burchard/text1.phtml>
2. Волынский А.Л. Жизнь Леонардо да Винчи / А.Л. Волынский. – М.: Феникс, 1980. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=dQV4BAAAQBAJ&pg=PA48&lpg=PA48&d>
3. Гергей Е. История Папства / Е. Гергей / Пер. О.В. Громова — М., 1996. — 463 с.
4. Лозинский С.Г. История папства / С.Г. Лозинский. — М., 1986. — 382 с.
5. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. — М.: Планета, 1990. — 80 с.

6. Макиавелли Н. Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеретто Да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини / Н. Макиавелли // Пер. А.К. Дживелегова. — М., 2001. — Режим доступа: http://az.lib.ru/m/makiawelli_n/text_0060.shtml
7. Мусский И.А. 100 Великих диктаторов / И.Мусский. — М., 2012. — 434 с
8. Райнер Б. Французские короли и императоры / Б. Райнер // Пер. Д.Н. Вальяно, Т.П. Хае. — Ростов-на-Дону.: Феникс, 1997. — 552 с.
9. Шастенэ Ж. Лукреция Борджиа / Ж. Шастенэ // Пер. Н.Б. Кардановой — М.: Молодая гвардия, 2004. — 320 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.В. Немченко
Стаття надійшла до редакції 15.04.2017*

UDC 39:316.723-053.6“19”

XXth CENTURY YOUTH SUBCULTURES

D.Y. Bendas

*a 4th year student, Faculty of History,
I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel. +38066 – 971 – 35 – 66; email: litopys12@gmail.com*

Youth subcultures are an important phenomenon in any society because they serve an indicator of problems in it. The author reviewed and analyzed the most numerous subcultures, their evolution, attributes and style of behavior. Also the article deals with the problems of the emergence of youth subcultures in the late 20th century and the related political and social problems in society.

Key words: subcultures, Goths, Hippies, impact, youth.

Молодіжні субкультури є важливим явищем в існуванні будь-якого суспільства, оскільки вони є показником проблем в ньому. У даній статті розглянуті і проаналізовані найбільш численні субкультури, їх еволюція, атрибути і стиль поведінки. Також досліджено проблеми виникнення молодіжних субкультур у другій половині XX століття і пов'язані з ними політичні і соціальні проблеми в суспільстві.

Ключові слова: субкультури, готи, Хіппі, вплив, молодь.

Молодежные субкультуры являются важным явлением в существовании любого общества, поскольку они являются индикатором проблем в нем. В этой статье были рассмотрены и проанализированы самые многочисленные субкультуры, их эволюция, атрибуты и стиль

поведения. Также речь идет о проблемах возникновения молодежных субкультур во второй половине XX века и связанных с ними политических и социальных проблем в обществе.

Ключевые слова: субкультуры, гот, хиппи, влияние, молодость.

Since the XXth century, with young people all over the world it has become rather popular to refer themselves to a particular subculture. At first sight it might seem that it is a “mainstream”.

Today around the world there is such a big variety of youth subcultures. All of them definitely impact on personality of young people forming their values, norms of behavior, life orientation and outlook. Our society is always changing, improving production, creating new equipment and new technology. These things can't help influence the culture of population. Our society is constantly changing, improving production, created new equipment, new technology. All these things impact our culture and people. New generation doesn't satisfy any longer old standards and principles it aims to find more effective ideology. The reason for the formation of subcultures in society is the need to “escape”, and thus to oppose the dominant, official culture. While looking for solutions people find that they are not alone with the same problems, and therefore, begin realizing what kind of subculture they can identify themselves with [1].

Hippie Subculture (Hippy can be translated as “the understanding person or that who knows”) appeared in the United States in the late 1950s. The subculture received the name from the slang phrase of the 60s: “to be hip” means to be up to date. The exact cause of Hippie subculture is unknown. Perhaps it was the result of American economic growth, industrial development as well as high rate of life did not satisfy everyone, especially young people. Perhaps the cause of Hippie was aggressive policy of the USA which yielded in the Caribbean crisis and the war in Vietnam. It was a real revolt in the country against the policy and an old order. In calling for radical changes in society they united in communes. But it was a peaceful protest. Hippies promoted “peace in the world”, “free love” and rejection from wealth. Hippies' main slogan is “Make love, not war!” Hippies, who called themselves “children of flowers”, advocated nuclear and military disarmament, cessation of all wars, including the Vietnam War, the movement for human rights, for a healthy lifestyle, naturalness and unity with nature. Hippies' movement had its own style. Hippies wore long hair, took drugs (mostly cannabis and LSD), listening to rock and roll. The traditional symbol of Hippie movement of the 60-s –70-s became Foltsvagen minibus, which they painted in bright colors. Another symbol of the movement was a “Pacific” or as it is called “bird foot” [2].

Punks (from English: Punk means a crazy young man, independent and extreme) is youth subculture, a generation of young people on the rock stage (mid 70's). They expressed protest against any moral and customary rules which reflected primarily on the character of their music such as punk rock. The viewers

were shocked with performers' appearance as in their style there was always some dirtiness and negligence [40]. The term "punk" came to the Ukrainian language from English where it has many meanings ("rotten wood", "rubbish" and so on). In the late 60's, when actually originated punk movement, the journalists name called so the young people who stood at its source. They believed that such a degrading word will reduce the popularity of this movement. But this did not happen, and the word stuck in that time vocabulary. Punk culture originated in Britain and America, and quickly became popular among young people in other countries around the world.

The name of the famous American artist Andy Warhol and his group 'Velvet Underground' is closely associated with punk rock. A popular American band 'Ramones' was the first group that played music in the style of "punk rock". The first British punk band was 'Sex Pistols'. Punks immediately stood out from the crowd. Ideologist of their appearance was an English designer Vivien Westwood, who gave punk attributes to masses and the fashion industry. Punks made significant impact on hairdressing by dying hair with bold bright colors and asymmetrical hairstyles. A British band 'The Exploited' introduced Fashion for Iroquois. Punk clothes were convenient: T-shirt (often black), jacket (usually black leather jackets), jeans, sneakers or heavy shoes. Among the accessories there were fashion chains and studs on clothing, studded wristlets, badges and patches with the names of groups or political slogans. Punks tended not only to neglect the rules, but to break and destroy everything. Also punks totally did not follow the personal hygiene, in fact, they denied it completely.

The concept of anarchic system in the sense of punk subculture representatives lies in a society that refused state control. Punks believed that people could organize their lives based on mutual trust and respect, but it provided personal responsibility of each member of society. They believed that anarchy could become reality if people controlled themselves, which meant responsibility, availability of law within itself.

Goths (from English: Gothic i.e. barbaric, rude) – subculture that originated in the late 70s in the UK. It was based on punk movement. The development of gothic subculture is associated with weakening of punk influence in Britain in the late 70s.. Several groups turned to a new genre, called "post-punk" by changing their sound to more depressed. The starting point in history of gothic subculture is considered to be in 1979, due to the release of the song "Bela Lugosi's Dead" of the post-punk band 'Bauhaus' [3]. Before 1981 it was possible to say that around these groups a new youth movement formed and it mainly constituted of admirers of those musicians who had adopted from them some elements of the image. Perhaps the most important date for the gothic subculture is considered to be 1982 which marked the opening of the famous club 'Batcave', thus some sociologists believe that this event determined the date of the subculture. That year, the band 'The Cure' released the album Pornography. Modern researchers

believe that it was one of the peaks of early gothic music. Since the early 1990s, Gothic subculture has established itself as a “scene” i.e. were recorded first musical compilations and at the same time it undergone considerable distortion, faced with the influx of new participants who had no idea about its nature and history. The desire to preserve the spirit of the movement led to the departure of the Goths into the underground. Many of them (including the famous musicians) even refused to call themselves Goths, assuming that the term was too severely compromised. This trend remains till today. 1995 can be considered a turning point, this time the movement just stopped to shock and surprise, it actually integrated into the Western society and it became more or less a routine. During the 1990s and 2000s subculture underwent splitting, i.e. split from the movement of several regional areas, often the opposite oriented, as well as interpenetration of musical genres; as a result today the concept of “Goths” can vary greatly. Appearance, clothes and shoes, hairstyle, attributes are one of the most important components of gothic subculture. Gothic fashion legislators were musicians whose appearance was guided by their fans. At the early stage of the gothic subculture there were some typical elements of punk image. The main components of modern gothic image are the predominance of black clothing, the use of metal or silver jewelry with Gothic symbols and dark makeup. The typical attributes of the Goths are ankh (ancient Egyptian symbol of immortality), crosses (including Celtic), images of bats and symbols of death [5].

Metalist is subculture inspired by music in the style of metal. It appeared in the 1980s. Subculture is popular in northern Europe, and it is quite common in North America; it has a large number of fans in South America, southern Europe and Japan. The term which often refers to the whole “gravity” – metal – came from quite distant from the music of the spheres. For the first time in the cultural context, the phrase “heavy metal” was used in the novel “Naked Lunch” (1959) by legendary William Burroughs. He named so a tough, aggressive, and energetic music. Metalists had blatantly aggressive appearance: black clothes with plenty of metal images of skull, and blood. Clothes were clean and neat. Classic metalists wore tight black jeans tucked into high boots or leather jackets with oblique zipper, earring in the left ear, rings depicting skulls or other black magic. But their external aggression and gloom is often a way of shocking people around them. Those older than 25 are engaged in serious work but sometimes there can be hooliganism with those who are younger. Unlike Goths and Punks, subculture of metalheads was devoid of pronounced ideology and focused mainly around music. However, there are some features that are considered characteristic of the representatives of this subculture. The texts of metal bands promote independence, autonomy and self-confidence, the cult of “strong personality”. The attitude to religion is different. Despite the large number of religious mysticism and occult texts in metal bands, they do not usually have missionary nature. Among the fans of black metal there are pagans and Satanists.

Skinheads are members of the subculture that emerged among the working class and young people in the United Kingdom in 1969 and then spread to other parts of the world. They were named after cropped or shaved bald head. The first skinheads were heavily dependent on the West Indies (including Jamaica) rude boys in terms of fashion, music and lifestyle. First subculture was based on these elements, not politics and race. The political spectrum of the far-right skinheads ranges to the far left, although many skinheads are apolitical. Skinheads of the late 60's were product of fashion culture that had developed under the strong influence of Jamaican culture that came to England immigrants. Mods, in turn, came from the working class. There was a special mod style of the British young in the mid 60's of XXth century. Mods dressed very neatly, wore expensive suits. In the late 60's skinheads became the mainstream. Bald heads were everywhere. In the evening, the Ganges of skinheads clashed in the streets. All were young and really happy. 1969 is considered to be the highest point. The second wave of skin movement began in Britain in the late 70's. This was the impetus to punk rock. It was music that turned punk with campuses outside. In the early 90's, there was another increase in traffic. Many young people used opportunity to buy the instrument and create a group. Thanks to the emergence of the Internet, it was possible to find friends in different parts of the world. This provided confidence that you are not alone, that you are doing the right thing. In addition, older group did not disappear; they continued carrying the same ideas to the masses.

The effect of subculture should be considered from various aspects, both positive and negative ones. Firstly, subculture influences the development of creative teenagers. It is here that young people can realize themselves as creative individuals. However, some subcultures are oriented to criminal groups where there is cult of force. The representatives of these subcultures often demonstrate passive protest against the adult world and rejection of generally human norms and rules of conduct. That is why the theme of youth is often connected with negative associations such as alcoholism, drug addiction, absence of spirituality, and asocial lack of morality.

REFERENCES

1. Brake M. The sociology of youth Culture and youth subcultures / M. Brake. – 1985. – 204 p.
2. Roszak T. Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic / T. Roszak. – Berkeley: University of California Press, 1995. – 310 p.
3. Культурологія: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів I- IV рівнів акредитації / Ред. В.М. Пічі – Львів, 2003. – 298 с.
4. Любич О. Панки як культура чи її відсутність / О. Любич // День. – 2010. – № 28.

5. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986-1989 гг. – СПб.: Наука, 1993. – 340 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.філол.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 14.06.2017*

**UDC 94(477):314.742(=161.2)(94)“1948/1949”
THE WAVE OF UKRAINIAN MIGRATION TO AUSTRALIA
IN 1948-1949**

L. Filiuk

*Candidate of Philological Sciences,
Department of foreign languages for the Humanities,
I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel. +38067 – 739 – 84 – 59; email: fln29092012@mail.ru*

D. Golodetsky

*A 4th year student, History faculty,
I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel. +38066 – 352 – 77 – 53; email: dholodetsky@gmail.com*

This article examines the migration of Ukrainian population to Australia in the period from 1948 to 1949. It was the first major Ukrainian migration wave to Australia which founded the Ukrainian diaspora in Australia. It shows the causes of migration and social conditions of Ukrainian immigrants based on that time Australian press. As a result of the analysis, the author concludes that migration had a positive impact on Ukrainian population not only because of a standard of living, but also due to the ability of practising their religion and culture of which they had been deprived in the homeland. Ukrainian diaspora in Australia was established in 1949 and supported Ukraine in the future. This led to the fact that the Australian government was one of the first ones who had recognized Ukrainian independence.

Keywords: Ukrainian diaspora, migrants, migration, Australia, postwar-period.

У даній статті розглядається міграція українського населення в Австралію в період з 1948 по 1949 рр. Це була перша значна хвиля міграції українців в Австралію, що заклала основу діаспори. На основі австралійської преси того часу показані причини міграції та соціальні

умови українських переселенців. В результаті аналізу автор приходять до висновку, що міграція мала позитивний вплив на дане українське населення не тільки завдяки високому рівню життя, а й завдяки можливості практикувати свою релігію і культуру, чого вони були позбавлені на Батьківщині. Створена у 1949 році українська діаспора в Австралії в подальшому підтримувала Україну. Це призвело до того, що австралійський уряд один з перших визнав українську незалежність.

Ключові слова: українська діаспора, мігранти, міграція, переселенці, Австралія, післявоєнний час.

В данной статье рассматривается миграция украинского населения в Австралию в период с 1948 по 1949 гг. Это была первая значительная волна миграции украинцев в Австралию, что заложила основу диаспоры. На основе австралийской прессы того времени показаны причины миграции и социальные условия украинских переселенцев. В результате анализа автор приходит к выводу, что миграция имела позитивное влияние на данное украинское население не только благодаря высокому уровню жизни, но и благодаря возможности практиковать свою религию и культуру, чего они были лишены на Родине. Созданная в 1949 году украинская диаспора в Австралии в дальнейшем поддерживала Украину. Это привело к тому, что австралийское правительство одно из первых признало украинскую независимость.

Ключевые слова: украинская диаспора, переселенцы, мигранты, миграция, Австралия, послевоенный период.

It's interesting how people sometimes find themselves in another part of the planet and this place soon becomes their new home. This happened with tens of thousands of the Ukrainians who had appeared on the fifth continent over 14 thousand kilometers from home, in Australia, where Ukrainian community is the youngest among Ukrainian diaspora of abroad. One of the major problems of our time is the problem of refugees. For better understanding the difficulties immigrants face with it would be useful for the Ukrainian society to recall the past when the Ukrainians experienced a similar fate.

The first Ukrainians appeared in Australia in the XIXth century. We know that Miklouho-Maclay was here in 1870 – 1880-s. He built the first biological station in Australia, in New South Wales. It is believed that about 5,000 Ukrainians arrived here before the First World War along with a large group of the Russians who had worked on the Chinese Eastern Railway. Most of them lived in Brisbane where they were politically active. But until 1948 there weren't many Ukrainians in Australia and as a result the organized Ukrainian community didn't exist. After the adoption of immigration law by the Australian Government

the resettlement process of different ethnic groups from Europe to Australia intensified. It reached the peak in 1948 – 1949. With the help of the International Refugee Organization a significant amount of the Ukrainians from the war-torn Europe arrived there. Mostly they were people who had left Germany and Austria and refused to return to the Soviet Union where they awaited national or religious oppression or prison on charges of collaboration. Australia agreed to accept a limited number of the migrants, who were physically and mentally healthy and ideologically acceptable. The total number of the Ukrainians who moved to Australia between 1948 –1950s was about 20000 people, it's 10% of the Ukrainians who left Germany and Austria after the war [1].

The migrants had to stay at the camp from three to five months. They should have gone through a mandatory course of Australian history and the English language. During studying they went in for sports, went dancing or to musical concerts [2]. The important event for the Ukrainian migrants was the ability of participation in Catholic worship that was conducted for Catholic immigrants. From Australian press of that time we could suggest that the settlers were informed about the repressions of Greek Catholic Church in the Soviet Union [3].

According to the agreement, the migrants had to work for the state for two years. They worked in heavy industry, coal mining and farming [4]. The migrants' reviews (including Ukrainian migrants) told about good conditions at camp and at work [5]. The Ukrainian composer, Anatoly Miller, said that it's "a small fee for the opportunity to live in this wonderful country" [6]. Like all other immigrants of that time, he signed a contract under which he had to work where the authority would direct him. The musician was an assistant director of the hotel for the newly arrived immigrants. "The Advertiser" noted that the Australian government was looking for the Ukrainians who wish to migrate from the camps for displaced persons in Germany to Australia. This desire was based on Americans' recommendation who spoke of the Ukrainians as good workers [7]. Among the newcomers there were the Ukrainians who had identified themselves with other peoples of Europe: the Hungarians, the Poles or the Romanians. For example, one migrant called himself a "Ukrainian-Czech" [8], but then corrected to a "Ukrainian". Consequently, the number of the Ukrainian arrivals was considerably higher than official statistics data [9]. But on the other hand there were cases where the authorities declared Ukrainian peculiarity. The column in "The Examiner" noted that there should be distinction between the Ukrainians and the Poles. This remark was the result of several Ukrainians' refusal to undergo naturalization ceremony together with the Poles but not because those nations were in confrontation, the author added [10].

Right after arriving in Australia, the Ukrainians felt the need to unite. It was caused mostly by foreign environment and ignorance of language. So it was the beginning of Ukrainian public and church life. In the capitals of six states there formed communities, called the Ukrainian association of Victoria, Tasmania and

so on. Some of them formed the branches in provincial towns. With the emergence of social institutions to support and develop Ukrainian identity and community we can say that in 1949 the Ukrainian diaspora was formed in Australia. Already in April 1949 there was created the first Ukrainian Association of South Australia, and then in the states of Victoria, New South Wales and Queensland. The first Ukrainian newspaper — “The Free Thought” appeared in July 1949 [11]. At the first meeting, the Ukrainian Association of South Australia expressed its gratitude to the Australian government and the Australian people for a friendly welcome. “The opportunity of enjoying freedom and getting a job makes us very happy”, — said the president of the association [12].

After becoming full citizens, the Ukrainians participated in the concerts and fairs presenting their culture to make a contribution to the society that had taken them to itself [13]. One of the main factors that had united the Ukrainian settlers in Australia, was religion. There were created Orthodox and Greek Catholic communities which persisted Ukrainian identity. For example, the press informs about the Ukrainian Orthodox Christmas in a Protestant church rented for it. The worship was conducted in the Ukrainian language and the people put on their national costumes [14]. B.V.Sokolov noted that ‘this ethnic group in Australia had a very high degree of unity of the communities that had gathered around the Uniate Greek Catholic and Ukrainian Orthodox churches’ [15].

Drawing conclusions, we can say that migration had a positive impact on the Ukrainians not only due to the high quality of life, but because of the ability to practice their religion and culture which they were denied at home. Currently in Australia there are about 40 thousand Ukrainians. The Ukrainians settled mainly in the states of New South Wales, Victoria, South Australia, Western Australia, Queensland, in Tasmania. But it should be noted that the postwar migrants differ significantly from the migrants who came after the Ukrainian independence. This gap creates unstable relationships within the community. The postwar migrants moved with the idea of Ukrainian independence and freedom. Their main motive for emigration was the time of persecution and oppression of the Ukrainian language, culture and religion in the Soviet Ukraine. The majority of migrants who came the Ukrainian independence are politically denationalized, atheists and mainly focused on material wealth that create a conflict of values with the old community. During its existence the Ukrainian Diaspora in Australia supported Ukraine in its struggle for independence from the Soviet Union. The members of the diaspora held meetings and starved in support of the political prisoners. Diaspora promoted good relations between the Australian government and the Ukrainian authorities. It led to the recognition of Ukrainian independence on 26th December, 1991. And now diaspora is protesting against Russia’s aggression towards Ukraine.

REFERENCES

1. A Displaced Person Finds Himself at Home // The Advocate. – 1948. – 21 October.
2. All Nations in 'Balt' Migration // Townsville Daily Bulletin. – 1948. – 20 May.
3. Australia seeks Ukrainians // The Advertiser. – 1948. – 6 August.
4. Australian Federation of Ukrainian Organisations [Electronic resource]. Mode Access: <http://ozeukes.com/ukrainians-in-australia/history-of-ukrainians-in-australia/chronological-history/>
5. 'Best Country In the World' // Barrier Miner. — 1949. — 2 May.
6. Displaced persons in industry // Daily Examiner. — 1948. — 16 October.
7. New Australians beginning to feel at home // Sunday Mail. — 1949. — 7 October.
8. Migrant art at Cunderdin // The West Australian. — 1949. — 30 August.
9. New settlers score hit in concert and display // The Canberra Times. — 1949. — 30 May.
10. Oleinikova O. Post-Independence Ukrainian Migration to Australia / Olga Oleinikova [Electronic resource] — Mode Access: <https://www.tasa.org.au/wp-content/uploads/2013/11/Oleinikova.pdf>
11. Poles and Ukrainians are different // The Examiner. — 1949. — 10 October.
12. SA Ukrainians Say "Thank You" // Bruce Rock-Corrigin. — 1949. — 11 August.
13. Бабу́та М.Н. История формирования украинской диаспоры в Новом и Новейшем Свете (конец XIX–XX вв.) [Текст] / Марина Николаевна Бабу́та // Известия Томского политехнического университета, 2013. — № 6. С. 142 – 148.
14. Соколов Б.В. Этнический состав населения Австралии [Текст] / Борис Вадимович Соколов // Расы и народы. № 14. — М.: Наука, 1984. — 256 с.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками к.і.н., доц.С.В. Ковальським,
к.філол.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 15.06.2017*

INTERROGATION AT THE SCHOOL OF
THE AMERICAS IN 1983-1987

M.I. Samofatov

a 2nd year student, History faculty,

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38063-400-23-40; email: samofatov.misha@gmail.com

Школа Америк – елітний військово-тренувальний центр, вихованці якого зіграли величезну роль в історії Латинської Америки в 2 половині XX століття та неодноразово звинувачувались у скоєнні злочинів проти прав людини. Автор статті, аналізуючи підручник з проведення допитів, що використовувався в Школі Америк, намагається відповісти на питання: чому саме навчали курсантів та чи сприяло їх навчання протиправній діяльності?

Ключові слова: Школа Америк, Латинська Америка, допит, Центральне Розвідувальне Управління, тортури.

Школа Америк – элитный военно-тренировочный центр, воспитанники которого сыграли огромную роль в истории Латинской Америки во 2 половине XX века и неоднократно обвинялись в совершении преступлений против прав человека. Автор статьи, анализируя учебник по проведению допросов, который использовался в Школе Америк, пытается ответить на вопросы: чему именно обучали курсантов и способствовало ли их обучение противоправной деятельности?

Ключевые слова: Школа Америк, Латинская Америка, допрос, Центральное Разведывательное Управление, пытки.

The School of the Americas is an elite military training center which graduates played huge role in the history of Latin America in the late XXth century. The author of the article analyses the interrogation manual which was used at the School of the Americas and tries to answer such questions: what exactly were the cadets taught and did their education make any contribute to unlawful activity?

Key words: the School of the Americas, Latin America, interrogation, Central Intelligence Agency, tortures.

The United States of America always played a highly important role in Latin America. And after World War II the US – Latin America relationships only strengthened. For the majority of people, the US politics in this region was

symbolised by the School of the Americas, an elite military training center where the militaries from all Latin America were taught by the US officers [1: 15].

The School of the Americas (SOA) left a significant mark on modern Latin American history. There are a lot of dictators who came out of this center, so it got the nickname “The School of Dictators”. These dictators are [3]:

1) Argentina: Jorge Rafael Videla (1975-1981), Roberto Viola (1981), Leopoldo Galtieri (1981–1982); 2) Bolivia: Hugo Banzer Suarez (1971–1978), Guido Vildoso Calderon (1982); 3) Guatemala: Efraim Rios Montt (1982 – 1983); 4) Honduras: Juan Melgar Castro (1975 – 1978), Policarpo Paz Garcia (1980 – 1982); 5) Ecuador: Guillermo Rodriguez (1972 – 1976); 6) Panama: Omar Torrijos (1968 – 1978), Manuel Noriega (1981 – 1989); 7) Peru: Juan Velasco Alvarado (1968 – 1975).

Reputation of the SOA is spoiled because of large number of graduates who are connected with war crimes. The most important are Roberto D’Aubuisson, Luis Arce Gomez, Pablo Belmar, Miguel Krassnoff-Martchenko, Harold Pizarro, Guzman Rodriguez, and Vladimiro Lenin Montesinos Torres [4].

SOA was established in 1946 in Panama Canal Zone, Fort Amador under the name “The United States Army Caribbean School (USARCARIB)”. Then, in 1949, it was moved to Fort Gulick. In 1963, USARCARIB was reorganised and renamed the School of the Americas. In 1984, due to conflict with Panamanian dictator Manuel Noriega, SOA moved to the USA, Georgia, Fort Benning where it is still located. In 2001, after the series of scandals and continuous senate debates, the School of the Americas was reorganised into the Western Hemisphere Institute for National Security and Cooperation (WHINSEC). But it plays the same role as the SOA [1: 15 – 21]. SOA history is important in two senses: historical and political. In the historical sense, the history of center needs to be researched further and deeper. Only the USA and some European historians made serious researches in this direction. The most famous researchers are: William Ormsbee, Noel Hidalgo, David Pion-Berlin, Craig Arceneaux, John Fishel, Gregory Weeks, and Carlton Fox. In post-Soviet countries, SOA is still unexplored. In the political sense, existing of WHINSEC (SOA) is highly controversial question in the USA and Latin America. There are many opponents of this center who think that SOA activity leads to anti-democratisation and political instability. For example, one of Hillary Clinton’s pre-election promises in the USA presidential campaign of 2016 was closing of WHINSEC [5].

Unfortunately, there is no possibility to research the history of SOA in details because of lack of sources; usually they are marked “top secret” or available just for American historians, which could be pressured by militarists. But there are some documents that were declassified. Two reporters from ‘The Baltimore Sun’, Ginger Thompson and Gary Cohn, made in 1995 journalist investigation in Honduras about local civil war in the 80-s. They discovered that many torturers in that war received payment from CIA (Central Intelligence Agency) and many of

them were graduates from SOA where they were taught how to torture prisoners (it was a part of interrogation course) [7]. This information caused scandal in the USA. After several years of debates at Congress, CIA released several documents: so-called KUBARK (cipher for CIA name) manuals which were written in 1963, and Human Resource Exploitation Training Manual which was used from 1983 to 1987 and was written in similar manner as KUBARK manuals. The goal of this article is to discover the structure of Human Resource Exploitation Training Manual and to answer these questions:

1. Which skills SOA developed in the future interrogators?
2. Were militarians taught to violate human rights, and, if yes, how exactly? In another words, what is the degree of SOA's responsibility for wrongdoings of its graduates?

There is one specific feature of the released document. Unknown and lazy CIA officer made a lot of corrections in the manual by a pen, trying to expose interrogation course in more "lawful" way. Human Resource Exploitation Training Manual is a complete manual on interrogation. Interrogation was a part of such courses: intelligence, counterintelligence, psychological operations, counterinsurgency, courses for high command staff, and several others. Interrogation course lasted for one month: first two weeks cadets listened to the lectures, and second two weeks they practiced interrogation. There are 120 pages in manual. The author of the manual is the CIA officer whose name isn't mentioned. At first, manual has a prohibition against the use of force, which was added later. The document consists of such sections: Introduction; Liaison Relationships; Interpreters; Selection of Personnel as Interrogators; Design and Management of a Facility; Arrest and Handling of Subjects; Screening of Subjects; Planning the Interrogation; Conducting the Interrogation; Non-Coercive Techniques; Coercive Techniques; Checklist for the Interrogation; Reporting.

Introduction gives us brief description of the course, expounds some technical questions, and gives definitions of basic terms which are used in the manual such as "questioner", "intelligence", "elicitation", "subject", "bonafides", "screening" [2: A-1]. The most important are definitions of key persons – questioner and subject. Questioner is "a person trained and experienced in the art of extracting information from a subject in response to explicit requirements" [2: A-5]. Subject is "a person believed to possess information of value to the service questioning him" [2: A-6].

Introduction also describes the cycle of intelligence which consists of collectioning, processing, dissemination, and assessment. The author notes that this cycle can be described as a circle because it has no beginning and no end.

The next section regards two problems: legal considering, advantages and disadvantages of working with liaison. The author describes five factors relating to legality of questioning:

1. Does service have law enforcement powers?
2. Does service have authority to operate in home country?

3. Does “questioning” of citizens requires special approval?
4. Illegal detention always requires an approval.
5. Coercive techniques ~~always require approval~~ (so in text) constitute an improper and violate policy.

Liaison is the person who can contact with local governmental institutions, help with selection of personnel, can provide some useful information. But interrogator must be always sure about safety of all their conversations with liaison and to provide him too much information [2: B-4].

The following section explains how questioner should search and work with interpreters in cases, where their help is needed. The author admits that the use of interpreters must never be considered as satisfactory substitute for direct communication between interrogator and subject [2: C-1].

There are several difficulties in this situation [2: C-2]: 1) time of “questioning” will more than double; 2) lack of personal contact with subject; 3) extremely hard to use “questioning” techniques; 4) inability to use tonal inflections and expressions increases the possibility of misunderstanding; 5) the presence of interpreter may cause an otherwise cooperative subject to withhold information during the “questioning”; 6) increasing of security risks.

“Questioner” should search for interpreter who has similar personality as him. Also an interpreter needs to be the same nationality as an interrogator (in most cases). Sometimes, depending on the country, an interpreter has to have certain social status or be a man (women are not always acceptable by subjects) [2: C-5]. An interrogator should train an interpreter how to establish personal contact in the way that a “questioner” needs. Next sections give a list of qualifications and personal characteristics of a “questioner”. The author emphasizes that skilled interrogator can achieve huge results by understanding the emotional needs of subjects and establishing personal contact [2: D-1]. “Questioner” must have: 1) enough operational training and experience to permit quick recognition of leads; 2) familiarity with the language to be used; 3) extensive background knowledge about the subject’s environment; 4) genuine understanding of the source as a person.

The following section is the “Design and Management of Facility”. This topic is very large and explains to cadets how the prisons should be built and equipped. The author writes about every detail which should help the “questioner” to create an appropriate atmosphere [2: E-1]: administrative considerations, security considerations, cell block planning, equipping of the “questioning” room. The basic idea of section is to make subject’s life uncomfortable in psychological sense. Also the section gives an instruction how to train prison personnel and internal guards. The section “Arrest and Handling of Subjects” gives general recommendations for cadets. The first and the main recommendation is to arrest the subject at the moment when he least expects this, so his mental and physical resistance will be the lowest. The early hours of the morning are the ideal time for

this. The author gives apprehension against the use of violence: if to break the subject's jaw, he won't be able to answer the questions [2: F-1].

"Questioner" shouldn't participate in an arrest, because in this case subject will react quite differently [2: F-3]. Instead of this he should do screening of subject. Interrogator should know the 'value' of the subject, define the subject's category and identify his personality.

There are four categories of subjects by priority [2: G-2]:

- Priority A – subjects who most likely have important scientific or technical knowledge and were directly involved in subversive acts.
- Priority B – subjects who have information of intelligence value, such as information of immediate tactical value.
- Priority C – subjects who have information to verify other information.
- Priority D – subjects who have no information of intelligence value.

Information of intelligence value can be provided by several types of people [2: G-3]: 1) travellers – only questioned, if they fall into other categories; 2) repatriates – sometimes questioned; 3) defectors, escapees and refugees – can be used as agents; 4) agents are divided into three categories: provocateurs, double agents and fabricators.

Preliminary psychological assessment of the subject allows interrogator select questioning techniques matched to the personality. It is very important not to make a mistake in this part: in this case interrogator won't establish personal contact with the subject. Basic psychological types are [2: G-6]: orderly-obstinate subject; optimistic subject; greedy, demanding subject; anxious, self-centers subject; guilt-ridden subject; subject wrecked by the success; schizoid subject; the exception; normal subject. After collecting and processing information about the subject interrogator must create a plan for questioning. Each person demands new plan. The long range goal of the plan is to destroy subject's capacity to resist and replace it with a cooperative attitude to obtain all useful information [2: H-1]. In the next section the author gives a detailed structure of the questioning. There are four phases of questioning [2: I-1]:

1. The opening: in this phase the subject is allowed to talk without interruption. Interrogator should use this time to establish rapport and determine reasons for subject's resistance. Duration of this phase depends on professionalism of the "questioner".
2. The reconnaissance: this phase can be passed if the subject is cooperative. But in another case the "questioner" needs to determine the kind and degree of pressure that will be needed during the third phase.
3. The detailed questioning: interrogator should know what specific questions he wants to use. He needs to cover all elements of who, what, when, where, why, how; also he needs to know the source of subject's knowledgements. Interrogator should make subject feel that he is constantly interested in him. But he mustn't

allow the subject determine the extent area of interest and level of knowledge. Interrogator should avoid asking “yes/no” questions and pushing interrogation beyond the plan. Time is working on interrogator.

4. The bargaining: interrogator should be able to offer the subject something to encourage cooperation. The subject also could ask for several things: protection from retaliation, giving new identity, moving to another region or getting a chance to work against former colleagues.

The last two themes – “Non-Coercive Techniques” and “Coercive Techniques” are dedicated to methods which interrogator could use during the process of questioning. This is the most scandalous part of the manual because of the numerous instructions which violate human rights. Even non-coercive techniques can do serious harm to the people. But critics of the SOA sometimes distortedly interpret the sense of sections. There are several tortures that are just mentioned to illustrate their inefficiency; but critics interpret them as the direct instructions for cadets [6: 7]. All non-coercive techniques are based on the principle of generating pressure inside the subject without the application of physical violence [2: J-1]. To make these methods effective, the interrogator must disrupt psychological associations of the subject and his patterns of time, space and sensory perception. Techniques are limited only by the experience and imagination of the interrogator. But he needs to be sure that his methods will work. If he thinks that the subject has the will and determination to withstand all non-coercive techniques, it is better to avoid them completely [2: J-3].

Techniques which are presented in the manual can be understood just by names: “the direct approach”, “going next door”, “nobody loves you”, “we know everything”, “news from home”, “witness”, “divide and conquer”, “unanswerable questions” and other. If it is possible, the process of questioning should be recorded on the video. Coercive techniques are needed for persons who are able to resist non-coercive; they also should be approved by the higher officers [2: K-4]. The goal of all coercive methods is to induce psychological regression by using outside force. There are three major principles for their successful application [2: K-1]: Debility (physical weakness); Dependency; Dread (intense fear and anxiety). Basic coercive techniques that are described in the manual: 1) brutal detention; 2) deprivation of sensory stimuli (with the deprivation cameras); 3) physical violence (effectiveness depends on personality); 4) hypnosis and heightened suggestibility (very doubtful and unreliable technique); 5) narcosis (the most wrongly interpreted technique. The author notes that there is no drug which can force a subject to divulge information that he has. More effective will be using of “placebo” technique to give the subject reason to betray himself and dependent on him people and organisations).

Having analyzed the text of Human Resource Exploitation Training Manual, we can admit the high level of education in the SOA. During education cadets got a wide range of knowledge and had a possibility to practice in the interrogation.

The USA was interested in the creation of network of loyal militarists across all Latin America, especially with the skills of collecting important intelligence information. A lot of graduates became double agents and provided vital information to their colleagues from the United States.

The negative side of such education was the brutal violations of human rights. Graduates of SOA often went beyond the instructions in manual. The defenders of this training center say that war criminals were just bad people and their education didn't lead to violence against civil society. Of course, this is partly true. But it is also true that using "light" tortures leads to ignoring human rights and has a perspective to more serious violence. There is a high proportion of war crimes among the graduates of SOA, and this fact cannot be explained only by their bad character.

REFERENCES

1. Fighting the Enemy Within Terrorism [Electronic resource] / Gregory Weeks // Human Rights Review. – № 5 (1). – 2003. – P.12–27. – Access mode: https://clas-pages.uncc.edu/gregory-weeks/wp-content/uploads/sites/43/2012/04/Weeks_G_2003HRRarticle.pdf
2. Human Resource Exploitation Training Manual, CIA [Electronic resource] // The National Security Archive. – 1983. – 124 p. – Access mode: <http://www.nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB122>.
3. 11 Latin American Dictators [Electronic resource] // SOA Watch. – 2012. – Access mode: <http://soaw.org/about-the-soawhinsec/13-soawhinsec-graduates/840>.
4. Most Notorious SOA graduates [Electronic resource] // SOA Watch. – 2012. – Access mode: <http://www.soaw.org/about-the-soawhinsec/soawhinsec-grads/notorious-grads>.
5. School of the Americas/WHINSEC Closure Included in Democratic Party Platform [Electronic resource] / Brett Wilkins // Daily KOS. – 15 July 2016. – Access mode: <http://www.dailykos.com/story/1016/7/14/1548258/School-of-the-Americas-WHINSEC-Closure-Included-in-Democratic-Party-Platform>.
6. The case for closing the School of the Americas / Quigley B. [Electronic resource]. – BYU J. Pub. L. – 2005. – 25 p. – Access mode: <http://digitalcommons.law.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1355&context=jpl>
7. Torturers' Confessions [Electronic resource] G.Thomspon, G. Cohn // The Baltimore Sun. – June 13, 1995. – Access mode: www.baltimoresun.com/news/bal-honduras3-story.html.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками – д.і.н., проф. О.Б. Дьомінім;
к.філол.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 06.06.2017*

ФІЛОСОФІЯ, КУЛЬТУРОЛОГІЯ

УДК 16:316.77

О МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Р.КРЕЙГА

Л.Н. Богатая

Д.ф.н., проф. кафедры культурологи, философский факультет
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38063-724-12-61; email: libogataya@mail.ru

*Статья посвящена анализу метатеоретических построений Р.Крейга. Эти построения связаны с попытками создания метатеории коммуникации. Анализ осуществляется с позиций многомерного подхода, основой которого является фиксация и последующее изучение локального пространства смыслов. В работе впервые вводятся и эксплицируются представления о **моделирующих конструктах и конструктах методологического моделирования**. Выявление соответствующих конструктов, равно как и выявление онтологических метафор, позволяет более четко прояснить основания того или иного исследования.*

Ключевые слова: плюральность, метатеория, диалого-диалектическая матрица, моделирующие конструкты, конструкты методологического моделирования.

*Стаття присвячена аналізу метатеоретичних побудов Р.Крейга. Ці побудови пов'язані зі спробами створення метатеорії комунікації. Аналіз здійснюється з позицій багатовимірного підходу, основою якого є фіксація і подальше вивчення локального простору смислів. В роботі вперше вводяться та експлікуються уявлення про **модельючі конструкти і конструкти методологічного моделювання**. Виявлення відповідних конструктів, так само як і виявлення онтологічних метафор, дозволяє більш ґрунтовно прояснити підстави того чи іншого дослідження.*

Ключові слова: плюральність, метатеорія, діалого-діалектична матриця, модельючі конструкти, конструкти методологічного моделювання.

The article is devoted to an analysis of the metareoretical constructions of R. Craig. These constructions are connected with the attempts to create a metatheory of communication. The analysis is carried out from positions of the multidimensional approach which basis is formed by fixing and the subsequent studying of local space of senses. In the work ideas about modeling constructs and constructs of methodological modeling are introduced and explicated for the

first time. The identification of appropriate constructs, as well as the identification of ontological metaphors, makes it possible to clarify the reasons for this or that study.

Key words: plurality, metatheory, dialog-dialectical matrix, modeling constructs, constructs of methodological modeling.

Научное издание «ПОЛЛОГ» определяется инициаторами этого проекта как сборник статей молодых ученых по истории, философии, культурологии. Важным кажется то, что «молодыми учеными» в данном случае называются не аспиранты и не молодые кандидаты, только защитившие свои диссертации, а студенты и магистранты. Тем самым в университет возвращается очень важная традиция, традиция *научной работы студентов*. Студент становится не только молодым человеком, получающим готовые знания для своей последующей успешной адаптации в социуме, а оказывается в рядах тех, кто эти знания добывает, выверяет, опровергает,.. Университет начинает выполнять одно из своих наиболее важных предназначений: быть школой мысли, школой служения другим, служения искреннего и, чаще всего, безвозмездного. Сегодня много говорят о том, каково будущее университетов. Стоит ли поступать в университет, если знания можно довольно просто черпать в недрах Интернета. На эти вопросы можно предложить очень простой ответ. Университет не только способствует передаче знаний от одного поколения к другому, он воспитывает исследовательский, критический дух, без которого едва ли возможно дальнейшее развитие человеческой культуры. Само слово университет обращает к мыслям об Универсуме, в недрах которого организуется существование отдельных миров. Университет – это питательная среда, взращивающая дух, интеллект, формирующая индивидуальную и общечеловеческую культуру. Вполне вероятно, что грядут времена массового отказа абитуриентов поступать в университеты, но, едва ли, из нашей культуры исчезнут *университетские братства*, объединяющие людей, стремящихся самостоятельно познавать этот мир. Именно поэтому издание для студентов, только начинающих свой путь в науке, кажется очень полезным и важным. И именно поэтому написание специальной статьи для этого журнала отодвигает на второй план множество других проектов.

Традиционное исследование начинается с *этапа работы с литературой*. При этом могут возникнуть разнообразные затруднения. Позволю себе обратить внимание только на два из них. Во-первых, на определенной стадии работы собирается большое количество литературы, которую следует каким-либо способом систематизировать. Естественно, это задача достаточно сложная и способ ее решения очень часто влияет на последующий результат. Второе затруднение сопряжено с тем, что для того,

чтобы проводимая работа осуществлялась действительно на высоком профессиональном уровне необходимо включение в международное исследовательское сообщество, знакомство с результатами исследования других научных школ, которые развивают зачастую весьма отличные подходы для решения схожих проблем. В этой связи и возникает необходимость чтения научных текстов на других языках, их переводов с целью привлечения к ним внимания для последующего более глубокого обсуждения с коллегами. В данной публикации будет представлен самый беглый взгляд на один из таких только-только переведенных текстов, и начинающий свою жизнь в украинском исследовательском континууме. Речь идет о работе американского исследователя Роберта Крейга, в которой предлагается способ обобщения, в той или иной мере, всех существующих теорий коммуникации. Перевод этого текста с английского языка на русский был выполнен Александром Шоховым, аспирантом философского факультета (второго года обучения). Этот перевод в ближайшее время будет опубликован в одном из специальных профессиональных журналов.

Роберт Крейг – эмерит-профессор *Колледжа медиа, коммуникации и информации* Колорадского университета в Боулдере. Крейг является специалистом в области коммуникации, дискурс-анализа, теории аргументации. Выполняя обязанности заведующего кафедрой, Крейг естественно не мог оставаться в стороне от проблемы освоения и переваривания многообразия существующих теорий коммуникации, выбора тех построений, с которыми студентов следует знакомить в первую очередь. Очевидно, что при этом возникала задача рецензирования появляющихся учебников, в которых излагались те или иные подходы, освещающие существующие взгляды на природу коммуникации. Понятно, что у Крейга формировались собственные взгляды по поводу того, как существующее многообразие можно систематизировать, примирить, представить в виде некоторой системы, понятной и способствующей усвоению сложившихся точек зрения. В этом смысле Крейг демонстрирует вариант решения весьма типичной задачи, возникающей, в той или иной мере, в работе каждого исследователя. И путь, предложенный Крейгом, весьма поучителен и потому требует специального анализа, который и будет представлен ниже.

В качестве эпиграфа к последующему тексту можно было бы взять слова самого Крейга: *«Дух междисциплинарности все еще с нами и заслуживает культивирования как одно из наших наиболее достойных качеств»*¹. Действительно, *междисциплинарность* оказалась очевидной

¹ Здесь и ниже представлены цитаты из перевода текста Р.Крейга «Теория коммуникации как поле», выполненного А.Шоховым. Полный текст этого перевода будет размещен во втором номере электронного философского журнала «ПЕРЕПОСТ». Адрес сайта: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/perepost>

характеристикой современного научного мира и предопределяет характер развития разнообразных научных дискурсов. От междисциплинарности сейчас едва ли уже можно избавиться, и настает время ее осознанного освоения¹. Междисциплинарность стимулирует *плюральность*, в результате которой осуществляется бесконечное дробление исследовательских точек зрения, что приводит к возникновению особой *исследовательской сложности*, требующей своего укрощения, путем введения систематизирующих обобщений.

Работа Роберта Крейга «*Теория коммуникации как поле*» направлена на то, чтобы предложить **способ упорядочивания** существующих взглядов в области коммуникации. И именно этот способ далее и будет проанализирован с точки зрения развиваемых представлений о *многомерности*². Сами размышления о *многомерности*, *многомерном мышлении* в свое время стимулировались попытками охватить все те научные исследования, философские подходы, которые, в той или иной мере, касались проблемы изучения *сознания*. Прodelанная работа по изучению накопившейся литературы о сознании привела к мысли о необходимости разработки специального методологического инструментария для решения схожих исследовательских задач. В этой связи и начал развиваться *многомерный подход* и формировались первые интуиции о *многомерном мышлении*. Крейг же развивает не многомерные идеи, а обращается к практикам *метатеоретического моделирования*.

Об элементах конститутивных оснований

В.С. Степин в свое время ввел представления о трех типах научных парадигм (*классической, неклассической, постнеклассической*) и, соответственно, трех типах научной рациональности. Эти представления к настоящему времени весьма прочно закрепились и развиваются в русскоязычном локусе философии науки. В частности, В.А. Лекторский в одной из своих работ пишет: «теоретический язык, посредством которого мы описываем изучаемые объекты, гетерогенен, он включает несколько типов языковых выражений, в системе которых обязательно присутствует язык картины мира и имеются своего рода правила перевода одних языковых

¹ В этой связи хочется обратить внимание на подготовленный мною текст, посвященный проблемам транс- и междисциплинарности: «Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции» [1].

² Взгляды на природу многомерности представлены в моей монографии: «На пути к многомерному мышлению» [2].

выражений в другие» [4: 12]. Данное утверждение является весьма интересным в том плане, что направляет внимание *вторичных наблюдателей*, изучающих любые тексты, на поиск «типов языковых выражений» или – ***разноуровневых конституирующих оснований*** того или иного исследования. В методологическом плане идея поиска *типов языковых выражений* кажется весьма близкой размышлениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона о когнитивных метафорах, которые тоже типологизируются упомянутыми авторами [5]. Выявление и осознание конститутивных оснований того или иного текста позволяет легче обнаружить то действительно новое, что в нем содержится, ибо – какое бы теоретическое построение мы не рассматривали, оно обязательно содержит, к примеру, *онтологические (ключевые) метафоры* и их производные. Так, метафора поля, используемая Крейгом, порождает целую серию метафорических выражений: *когерентное поле исследований, некогерентное поле, поле дискурса, теория как согласованное поле метадискурсивных практик ...*

Помимо онтологических и метафор других типов особого внимания заслуживают ***моделирующие конструкты***, которые являются своеобразными «зародышами» развиваемой модели. И если онтологические метафоры в результате кроссдисциплинарных транзитов и отсылают, чаще всего, к тем наукам, которые в настоящий момент наиболее активны в формировании текущей научной парадигмы (к примеру, в качестве таких метафор достаточно часто выступают термины *поле, ген, эволюция, сеть, информация, самоорганизация, ...*), то *моделирующие конструкты* создаются для конкретной исследовательской ситуации. Они проявляются и формируются под воздействием выбранных метафор и уже сами по себе не являются метафорическими выражениями (к примеру – *структурными, ориентационными* метафорами, опять же, по Лакоффу и Джонсону). Но именно *моделирующие конструкты* предопределяют характер исследования в выбранной предметной зоне. Особой разновидностью моделирующих конструктов можно рассматривать *конструкты методологического моделирования*. Именно с их помощью закрепляется методологическое основание исследования. Таким образом, выявление *онтологических метафор, моделирующих и методологических конструктов* позволяет достаточно четко зафиксировать основные направления внимания «наблюдателя наблюдателей» или наблюдателя ***второго рода***.

Прояснение конститутивных оснований того или иного исследования оказывается особо значимым в ситуациях повышенной *плюральности* (или – *исследовательской сложности*). Для переживаний подобных ситуаций и развивается многомерный подход, ключевая процедура которого связана с

обнаружением и прояснением *локальных пространств* смысла¹. Саму плюральность можно представить как множество отдельных локальных смысловых пространств. Исследование соответствующих пространств предполагает выявление их *терминологического базиса*. Используемая и, отчасти, эксплицируемая в данной статье *процедура* поиска конститутивных оснований исследования направлена на то, чтобы осуществить различение терминов терминологического базиса с точки зрения их конститутивного статуса. Терминологический базис исследования Р. Крега может быть зафиксирован, как минимум, следующими терминами: *поле, дискурс, диалого-диалектическая матрица, метатеория, коммуникация*. При этом *поле* представляет собой онтологическую метафору, *дискурс, метатеория* – методологические конструкторы, *диалого-диалектическая матрица* – моделирующий конструктор. Ниже будет прояснен конститутивный статус каждого из приведенных элементов.

Метафора поля

Сегодня, вероятно, любой исследователь понимает, какую роль играют метафоры в формировании возникающих концептуальных построений. Обращение к метафоре *поля* в работе Крейга кажется в определенной мере понятным, если вспомнить, что работа была написана в 1999 году и распространение «полевого языка» по тем временам было делом достаточно традиционным. Однако сегодня, спустя почти 20 лет со времени опубликования текста, эта метафора кажется уже не такой очевидной, прозрачной, понятной. *Полевая идеология*, развивавшаяся под воздействием метафоры *поля*, имеет несколько отличительных черт. Во-первых, *поле* – принципиально *бесконечно*. Тем самым тема бесконечности оказывается имплицитно включенной в то, что метафорически маркируется как *поле*. Во-вторых, принятие полевых взглядов предполагает активацию мировоззренческой позиции *близкодействия*, которая естественно связана с *линейной причинностью* и *передачей взаимодействия в среде с конечной скоростью*. Тем самым акцентуируется тема *линейности, линейной причинности*. Действительно, забегая вперед и говоря об итоговой матрице, в которую укладываются, по Крейгу, существующие теории коммуникации², то линейный принцип совершенно очевидно обнаруживается в ее построении. Каждый элемент соответствующей матричной структуры рассматривается как независимый, в то время как

¹ Подробно процедуры выявления локального пространства смыслов представлена, к примеру, в публикации «Роздуми про дві «вакхічні краплі» Ортеги-і-Гасета» [3].

² Смотри более подробно содержание данной матрицы в оригинальной работе Р.Крейга [6] или в тексте перевода.

подобная независимость в ситуации очень сильной плюральности едва ли возможна. Своеобразное «укладывание» коммуникативных теорий в ту или иную ячейку матрицы ведет к огрубляющему упрощению анализируемых коммуникативных моделей. Обозначенную сложность Крейг пытается обойти, назвав свою матрицу – *диалого-диалектической* или иначе – предполагающей последующую рефлекссию со стороны тех, кто включен в моделирование процессов коммуникации. Однако едва ли подобный ход оживляет саму конструкцию. Двумерная матричная структура, избираемая Крейгом, кажется в определенной мере *архаичной* в ситуациях повышенной нелинейности.

Важно заметить, что американский исследователь является специалистом не только в области теорий коммуникации, но и в активно развивающемся направлении дискурс-анализа. Вполне вероятно, что притягательность метафоры *поля* в дискурс-анализе предопределена, во-первых, поисками «связующего начала», под воздействием которого формируется дискурс. Во-вторых, *поля* принципиально не смешиваются, а существуют независимо друг от друга, равно как и различные дискурсы.

Метафора *поля* очевидно отсылает к вопросу об источнике этого поля, соответственно – вопросу об источнике того или иного дискурса, в данном случае – *дискурса коммуникации*. Можно, к примеру, допустить, что подобным источником является сам *термин, именующий дискурс*. В данном случае – термин *коммуникация*. Однако в приведенном тексте Крейг не проводит каких-либо разъяснений по данному поводу. Более того, сама метафора *поля* существует без каких-либо специальных экспликаций. Но именно характер ключевой (онтологической) метафоры во многом предопределяет используемую методологию. В *полевой парадигме* одним из важнейших, как уже отмечалось, является представление о *взаимодействии, линейной причинности*. В парадигме *постнеклассической*, фокус, соответственно, смещается на *взаимо-со-действие, круговую причинность*, которые в анализируемом тексте Крейга фактически никак не проявлены.

Дискурс как моделирующий методологический конструкт

В качестве ключевого *методологического конструкта* в исследовании Р.Крейга используется *дискурс*. У Крейга дискурс распадается на *теоретический, практический* и *дискурс повседневных практик*. Подобное условное разделение сложного дискурсивного целого кажется весьма интересным и плодотворным в исследовательском плане. Действительно, в рамках *теоретического дискурса* (в данном случае *теоретического дискурса коммуникации*) возникают всевозможные гипотетические построения, моделирующие коммуникативный процесс. Затем эти гипотезы

проверяются на практике, что и находит отражение в соответствующем *практическом дискурсе*. И, наконец, результаты теоретического и практического освоения коммуникации «просачиваются» в *повседневный дискурс*. И вот здесь вспоминается очень точная формула Б.Вальденфельса о «повседневности как плавильном тигле научной рациональности». В повседневном дискурсе осуществляется адаптации всевозможных модельных построений к практике живого языка. Все лишнее – отвергается и забывается коллективным субъектом языка. Таким образом три дискурса – теоретический, практический и дискурс повседневных практик существуют как единое целое.

Метатеория

Размышляя о различных типах коммуникативного дискурса (теоретическом, практическом, повседневном), Крейг мыслит существование *метадискурса*, соответственно – *метадискурсивных практик, метатеории, «теории как метадискурсивной практики»*. Он пишет: «Теория коммуникации... – это согласованное поле метадискурсивных практик, поле дискурса о дискурсе, которое встраивается в практику коммуникации». Но этот тезис уже вызывает вопросы. Вопрос первый: что такое *поле дискурса*? Интуиций о том, что это есть *нечто*, пронизывающее и связывающее дискурс кажется совсем недостаточно. Вопрос второй: что такое метадискурсивные практики? Со вторым вопросом тесно связывается еще одно вопрошание: не является ли попытка формулировки *метатеории (метадискурса)* попыткой культивирования «теоретических генералов»? Ведь совершенно очевидно, что любые варианты метатеоретических построений ведут к жесткому редуцированию конструктивного потенциала теоретического плюрализма. В свете сформулированных вопросов уже достаточно репрессивным видится ключевой *моделирующий конструкт* Крейга – *диалого-диалектическая матрица*.

Диалого-диалектическая дисциплинарная матрица

Сам методологический прецедент создания *диалого-диалектических матриц* никак не нов. Он традиционно используется авторами учебников, которые оказываются один на один перед проблемой представления широкого плюрального исследовательского целого в более или менее упрощенном виде. Однако главная проблема подобных матриц заключается в том, что они настолько «упрощают» рассматриваемые теоретические построения, что от последних часто остаются весьма искаженные схемы. В качестве примера можно вспомнить многочисленные учебники философии, по которым едва ли философию можно понять. И, тем не менее, эти упрощения выполняют в определенной мере полезную функцию

«огрубляющего сжатия» исследовательского целого, своеобразного «раскладывания по полочкам» того, что в эти полочки не всегда укладывается (вспоминаются знаменитые слова В.Маяковского – «Облако в штанах»). Обобщающие матрицы действительно способствуют налаживанию диалога, развитию диалектического осмысления схожих по предметному полю концепций. Более того, в методологическом плане видится перспективным обсуждения способов построения подобных матричных образований. И в этом смысле работа, проделанная Р.Крейгом, может послужить прецедентом для соответствующих осмыслений. Однако, в случае матрицы, предложенной Крейгом, возникает главный вопрос: возможно ли на основании подобной матрицы построить *метатеорию*? Американский исследователь отвечает на этот вопрос положительно, однако подобный ответ вызывает наибольшие сомнения. Крейг пишет «Коммуникативная теория пока еще не возникла как согласованное (когерентное) поле исследований, потому что теоретики коммуникации пока еще не вышли за пределы разделяющих их дисциплинарных практик». При этом возникает мысль: а что может заставить теоретиков коммуникации выйти из разделяющих их дисциплинарных лакун? И еще: будет ли подобный выход более продуктивным? Быть может, вся прелесть плюрального разнообразия подходов к проблеме коммуникации и заключается в возможности создания многокурсного, многомерного исследовательского целого? При этом уместно привести еще одну цитату Крейга: «У них нет канона общей теории, к которой они все могли бы отнестись. Нет общих целей, которые объединяли бы их, нет спорных моментов, которые разделяли бы их. По большей части, они просто игнорируют друг друга». Быть может то, что выглядит как «игнорирование» на самом деле является попыткой углубить и развить свое собственное уникальное видение, которое возникает действительно в результате движения к совершенно различным целям? И, наконец, *метатеоретические обобщения* и их построения – это ведь профессиональная забота *метанаблюдателей* или *наблюдателей наблюдателей, методологов науки, философов науки*. Именно им и предстоит осваивать формирующуюся плюральность, развивая для этого специальные методы. Предложил ли такой оригинальный метод Р. Крейг?

Ответ на поставленный вопрос тесно связан с ответом на вопрос более общий: целесообразно ли вообще говорить и даже мыслить возможность создания метатеорий? К примеру, является ли теория коммуникации Н.Лумана *метатеорией*? С точки зрения важности ключевых положений этой концепции, то по отношению к ней так и хочется использовать приставку *мета*. Однако, так ли это? Вероятнее всего – нет. Луман развивает удивительно оригинальный взгляд на коммуникацию, что позволяет говорить о формировании новой мерности в понимании этого

явления. Его теория глубоко встроена в современную парадигму сложности, в ней как раз и проясняются представления о *наблюдателе второго рода (наблюдателе наблюдателей)*. Однако этого наблюдателя едва ли можно назвать теоретически или парадигмально ненагруженным. Да и определенная *парадигмальная стерильность* возможна, вероятно, только в философии, философии науки, позволяющей одновременно видеть различные теоретические построения, созданные в рамках различных парадигмальных установок. При этом философ никак не стремится создать свою собственную метатеорию. Его задача сводится к обнаружению во всех исследуемых построениях того нового, что может быть полезно для дальнейшего понимания этого мира. Но это новое не укладывается в ту или иную метатеоретическую схему. Крейг пишет: «Несмотря на то, что теория коммуникации сегодня не является согласованным (когерентным) полем, я верю, что она может им стать». Вполне возможно, что конструкт *согласованное когерентное поле* сможет оказаться полезным для своеобразного укрощения плюральности, однако в свете изложенного это видится весьма спорным.

Попытка оправдания Крейга (вместо выводов)

Если теперь попытаться еще раз одним взглядом охватить анализируемую работу Р. Крейга, то хочется наиболее «сомнительные» места этого текста представить в их конструктивном ключе. Тогда обнаруживается следующее.

1. Настоячивые поиски *метатеории, метадискурса* можно интерпретировать и иным образом. Метатеория – это вовсе не своеобразный «теоретический генерал», а попытка *размыкания* локальных теорий в *метасферы*. Это сферы, в которых «теоретическое сжатие» оказывается уже практически невозможным. В подобных сферах максимально допустимые рационализации осуществляются на уровне поиска новых концептов. Фактически – это сферы философии, *мета-физики*. И в этом смысле *метатеоретический дискурс* превращается в *дискурс метафизический, метатеория* – в *метафизику*. Метафизика становится практикой размыкания «рационально сжатого». Без подобного метафизического размыкания науке уготована участь *капсулирования* и последующего вырождения.
2. *Диалого-диалектическая матрица*, которая, на первый взгляд, видится своеобразным прокрустовым ложем, достаточно грубо отсекающим все то, что в это ложе не укладывается, может быть напоминанием о необходимости возвращения к теме *матрицы* на новом методологическом уровне. Действительно, к примеру, в пчелиных сотах, которые, тоже имеют матричную форму, бережно сохраняется драгоценный нектар. Каждая ячейка соразмерна одной пчеле, ее возможностям, соты же – соразмерны

улю и пчелиной семье. В этой связи возникает важный в методологическом плане вопрос: как «упаковать» каждую проявляющуюся коммуникативную теорию так, чтобы не потерять ни одного из ее уникальных ароматов? Этот вопрос является одним из ключевых для развития многомерного подхода.

3. *Дискурс* – это своеобразная форма разрыва исследовательского целого и естественно хочется размышлять о том, что подобные разрывы стимулирует и, одновременно, удерживает в их обособленном состоянии. Само развитие представлений о дискурсе связано с наступлением времен плюральности и, одновременно, с формированием у человека возможности охвата более сложного исследовательского целого. Метадискурс, о котором размышляет Крейг, это, с одной стороны – более мощное дискурсивное образование, включающее в себя теоретический, практический и повседневный дискурсы. С другой стороны, метадискурс предстает как очередная исследовательская идеализация, целесообразность существования которой еще необходимо доказывать. Быть может, Роберту Крейгу удастся или – уже удалось это сделать. Ответ на поставленный вопрос может быть получен только в результате знакомства с корпусом последующих работ анализируемого автора. А это требует труда новых исследователей, новых переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатая Л.Н. Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции / Л.Н. Богатая // *Філософія освіти*. – 2015. – № 1 (16). – С.168 – 182. (фахове видання)
2. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению / Л.Н. Богатая. – Монография. – О.: Печатный дом, 2010. – 372 с.
3. Богата Л. Роздуми про дві «вакхічні краплі» Ортеги-і-Гасета / Л.Н. Богата // *Хосе Ортега-і-Гасет: життя, історичний розум і ліберальна демократія* : монографія / заг.ред.: М. Марчук, Х. Боладо. – Чернівці: Чернівецький нац. Ун-т, 2017. – С.151 – 169.
4. Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв.ред В.А. Лекторский. – М., 2008. – 171 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Пер с англ. под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
6. Kreig Robert T. Communication Theory as a Field / Robert T. Kreig // *Communication Theory*. Volume 9, Issue 2. May 1999. – Pp. 119–169.

Стаття надійшла до редакції 29.05.2017

Н.П. Вильховченко

кандидат филологических наук

Львовский национальный университет имени Ивана Франко

Tel. +38063–219–56–51; email: nadya78@rambler.ru

В фокусе данного исследования – гендерная проблематика, которая стала одним из приоритетных направлений в современных научных исследованиях конца XX – начала XXI веков. Как отмечает автор, изучение гендерных отношений приобретает особую актуальность в связи с существенными изменениями, происходящими в социальной жизни людей разных стран. Таким образом, гендерная проблематика проникает во все сферы научного знания. Исследования представителей феминистской критики языка определили направление развития гендерных исследований в лингвистике по пути изучения гендерной специфики языка с целью выявления гендерных асимметрий в его системе. В исследовании гендерных ролей внутри социума лингвисты видят возможность проникновения в глубинные смыслы культуры, в специфику национального сознания и национальной картины мира.

Ключевые слова: гендер, дискурс, языковое сознание, гендерная парадигма, гендергетика.

У фокусі даного дослідження – гендерна проблематика, яка стала одним з пріоритетних напрямків у сучасних наукових дослідженнях кінця XX – початку XXI століть. Як зазначає автор, вивчення гендерних відносин набуває особливої актуальності у зв'язку з істотними змінами, що відбуваються в соціальному житті людей різних країн. Таким чином, гендерна проблематика проникає в усі сфери наукового знання. Дослідження представників феміністської критики мови визначили напрямок розвитку гендерних досліджень в лінгвістиці по шляху вивчення гендерної специфіки мови з метою виявлення гендерних асиметрій в його системі. У дослідженні гендерних ролей всередині соціуму лінгвісти бачать можливість проникнення в глибинні смисли культури, в специфіку національної свідомості та національної картини світу.

Ключові слова: гендер, дискурс, мовна свідомість, гендерна парадигма, гендергетика.

The focus of this study is gender which has become one of the priorities in the modern scientific studies of late XXth – early XXIst centuries. As the author notes, the study of gender relations is of particular relevance due to substantial changes

in the social life of the people of different countries. Thus, gender permeates into all spheres of scientific knowledge. Studies of the representatives of feminist critique of language determined the direction of gender studies in the linguistics as a gender specificity of the language with the aim of identifying gender asymmetries in its system. In the study of gender roles in society, the linguists see an opportunity to penetrate into the deeper meanings of culture, the specificity of national consciousness and national picture of the world.

Key words: gender, discourse, language awareness, gender paradigm.

Исследование взаимодействия языка и пола было вызвано актуальной необходимостью изучения новых тенденций в развитии языка, возникших под влиянием произошедших изменений в социальной, культурной жизни человека в обществе и под воздействием взаимовлияния различных культур. Гендерная проблематика стала одним из приоритетных направлений в современных научных исследованиях конца XX – начала XXI веков, изучающих человека и его взаимосвязи с обществом и окружающим миром; появилась даже новая научная исследовательская гендерная парадигма [7: 28 – 37]. В основе лежит понятие гендера, которое до сих пор вызывает множество споров и по-разному трактуется различными концепциями классической феминистской теории, социологии гендера, гендерной психологии, постфеминизма и т.д. Появились термины «лингвистическая гендерология», «гендерная лингвистика», «лингвистическая гендеристика», «гендергетика». Е.И.Горошко настаивает на использовании термина «лингвистическая гендерология», так как он «наиболее прочно вошел в лингвистическое описание» [3: 97]. Изучение гендерных отношений приобретает особую актуальность в связи с существенными изменениями, происходящими в социальной жизни людей разных стран. Гендерные исследования в лингвистике возникли задолго до XX века и уходят своими корнями в античность, когда возникла символическо-семантическая концепция категории рода (genus), рассматриваемая в связи с наличием людей и особей разного пола [2]. Аристотель противопоставлял мужской род, ассоциируемый с действием и энергией, женскому – пассивному и «претерпевающему». Великие немецкие лингвисты конца XVIII – начала XIX столетия (В. Гумбольдт, Я. Гримм, И. Гердер) полагали, что различия между полами в языке связаны с различием полов в природе. В лингвистике долгое время тема гендера не занимала важного места. Только в начале двадцатого столетия, когда выдающиеся лингвисты О. Есперсен, Э. Сепир, Ф. Маутнер стали описывать различия носителей языка, обусловленные их полом, тема языка и пола стала занимать все более прочные позиции. С возникновением новых направлений в языкознании – социолингвистики, прагматики, психолингвистики, теории дискурса и коммуникации на первое место стал выдвигаться социальный план,

рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеком. В 1913 году Ф. Маутнер в своем знаменитом труде «Вклад в критику языка» описал различия в языке немецких рабочих – мужчин и женщин. У рабочих-мужчин он отметил наличие в речи ненормативной лексики, у женщин – использование слов иностранного происхождения, объясняя это меньшей образованностью женщин и их ориентацией на более престижные формы слов, коими являются иностранные заимствования. «Маутнер считал, что только мужчины способны творчески использовать язык, а удел женщин — лишь усваивать то, что создается сильным полом. Он первым абсолютно по-новому сформулировал вопрос о влиянии неравноправного положения полов на тендерную социализацию» [4, с. 235]. Вначале, изучение различий между мужскими и женскими вариантами языка происходило на базе так называемых «примитивных языков»: Э. Сепир, изучая язык коасати на острове Ява, описывал гендерные различия.

В 1922 году О. Есперсен в своей книге «Язык: его суть, происхождение и развитие» описал различие между «женским» и «мужским» речевым поведением индейцев, проживающих на островах Карибского архипелага. О. Есперсен был первым, кто систематически описал различия в вербальном поведении полов на примерах разных языков из различных языковых семей [4: 236]. Широкое распространение гендерные исследования языка получили, начиная с конца 60-х – начала 70-х годов XX века, когда стали остро ставиться вопросы взаимообусловленности социальной принадлежности и пола человека в связи с исследованием влияния на язык «человеческого фактора», а проблемы категории рода начали рассматриваться с развитием коммуникативной семантики, социолингвистики, прагматики. Языковые явления стали изучаться в коммуникативном, динамическом аспекте, с учетом психофизиологических и социально-стратификационных особенностей личности (пола, возраста, уровня образования и т.п.). Мощным импульсом развития гендерных исследований послужило возникшее в это время под воздействием Нового женского движения в США и Германии направление, получившее название феминистской лингвистики, или феминистской критики языка. Представительницы феминистской лингвистики утверждали, что все языки строятся на основе мужской картины мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. Приведем определение основных фундаментальных понятий. Феминизм (от латинского *femina* — женщина) — понятие, определяемое с одной стороны как общественное движение за права женщин, а с другой стороны, феминизм – комплекс социально-философских, психологических, культурологических, лингвистических теорий, анализирующих положение дел в обществе, культуре и языке. Заслуга феминистских исследований в лингвистике состояла в том, что от практики первоначальных бунтарских

заявлений о дискриминации языка они открыли путь к гендерным исследованиям, сформировавшим теоретический язык, позволивший описать гендерные проблемы в социуме, т.е. создать гендерный дискурс.

В описании гендера используется понятие патриархатный (не патриархальный), и этому есть обоснование. Патриархат — строй, характеризующийся отцовским родом, в котором мужчина занимает господствующее положение. Патриархатный — связанный со стариной, верный традициям, обычаям. Использовать понятие патриархатный в гендерном дискурсе — значит подчеркнуть маскулинность современной культуры. *Маскулинный* — от латинского *masculinos* — мужской. В научном языке подчеркивает иерархический принцип современного общественного развития, где главенствующая роль принадлежит мужчине. Соответственно фемининный подчеркивает женственность. Само слово «гендер» не имеет однозначного перевода и представляет собой кальку английского слова «gender», которое в англо-русских словарях переводится как «род, пол» и подчеркивает значение грамматической категории рода. В английском языке существует еще одно слово, обозначающее «пол, секс» (sex), но оно имеет определенные коннотации в человеческом сознании и ассоциируется с совокуплением или любовной игрой. В русском языке слово пол не несет такой нагрузки, как слово секс, поскольку понимается шире, а именно, как манифестация пола. Как справедливо замечает А.В. Кирилина, английское соотношение «sex — gender» не соответствует русскому пониманию аналогичных понятий: «в русском языке пара «секс — пол» оказывается не адекватна английскому «sex — sex», что, на наш взгляд несколько «разгружает» слово пол» [6: 19]. Для того, чтобы снять устойчивые ассоциации при использовании слова «секс», в 70-х годах в научный язык был введен термин «гендер». Если пол относится к биологическим характеристикам, то гендер — к культурно-социальным. Гендер — это определенный набор характеристик психических, физиологических, которые определяют поведение женщин и мужчин и отношения между ними; гендер определяет социальные, а не биологические различия между мужчинами и женщинами и был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий [6: 20]. Американские психологи, употребляя термин «гендер» в интерпретации социальной обусловленности природы мужского и женского, подчеркивают, что многие различия между мужчинами и женщинами создаются внутри общества, обусловлены социальными факторами [11: 67]. Возникающие в этой связи понятия «женственное» и «мужественное», или «маскулинное» / «фемининное» отличны от понятий «женское» / «мужское», поскольку вторые суть данные от природы, а первые — понятия, сконструированные обществом и имеющие гендерные различия. Если пол — это природная данность, то гендер — «привнесенность сознанием, и такие конструкты

культуры, как «мужественное» и «женственное», могут описываться только с учетом и использованием этого понятия, поскольку появляется возможность выйти за пределы биологических определений» [8: 247].

По мнению ученых, впервые данный термин употребил психолог Р. Столлер в 1968 году. В социальные науки понятие «гендер» было введено Энн Оуклей в 70-е годы прошлого века. Оно происходит от греческого слова «*genos*», что означает рождающийся, происхождение, материальный носитель наследственности [3: 36]. Среди ученых, которые первыми выдвинули идею о рассмотрении гендера в научной парадигме, была Джоан Скотт, которая рассмотрела гендер как конститутивный элемент социальных отношений, основанных на внешних различиях между полами [10: 42]. Употребление термина «гендер» предусмотрено для описания социальных, культурных и психологических аспектов, которые можно соотнести с чертами, нормами, стереотипами и ролями, считающимися характерными или желаемыми для тех, кого общество считает мужчинами или женщинами [3: 103]. В лингвистике понятие «гендер» появилось во второй половине прошлого столетия, позже, чем в других гуманитарных науках. В этой области основополагающими стали работы американских и немецких ученых. Представительницы феминистской лингвистики исследуют гендерные асимметрии в языке на основе гипотезы Сепира-Уорфа о том, что язык является не только продуктом общества, но и средством формирования его мышления и ментальности. По их утверждению, языки строятся на основе мужской картины мира, поэтому асимметрии в системе языка направлены против женщин. Эти асимметрии получили название языкового сексизма. Под влиянием патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, его носителям навязывается определенная картина мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль [6: 55]. Возникнув на базе феминистской критики языка, гендерные исследования представляют собой разностороннее рассмотрение проблемы в рамках истории языка, лингвокультурологии, социо и психолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации. К концу XX века завершился начальный этап становления этого направления, и лингвистическая гендерология оформилась в самостоятельное научное направление в языкознании, исследующее гендерные аспекты языка и коммуникации [3: 97].

И.И.Халеева рассматривает категорию гендера в лингвофилософском аспекте: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности ... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, особый мир...». С этой точки зрения гендер выступает как интрига, как вид дискурса, как «ментальное пространство, опосредованное

онтогенетически и гносеологически и обусловленное социокультурной данностью лингво-культурного сообщества» [9: 106].

О.Л. Каменская считает необходимым подразделить языковую личность (ЯЛ) на ЯЛ мужчины и ЯЛ женщины, полагая, что такое подразделение может стать тем «системообразующим фактором, который способен интегрировать мозаичные аспекты гендерного феномена в единое целое» [5: 63]. В исследовании О.Антинескул о влиянии пола автора на текстообразование на материале текстов художественной литературы отмечалась асимметрия в сторону эмоционально окрашенной лексики, лексики эмфатического и междометного характера, усилительных грамматических конструкций, восклицаний и повторов в произведениях авторов-женщин [1: 12]. Таким образом, гендерная проблематика проникает во все сферы научного знания. Исследования представителей феминистской критики языка определили направление развития гендерных исследований в лингвистике по пути изучения гендерной специфики языка с целью выявления гендерных асимметрий в его системе. В исследовании гендерных ролей внутри социума лингвисты видят возможность проникновения в глубинные смыслы культуры, в специфику национального сознания и национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования / О.Л. Антинескул: дисс. ... канд.филол.н.: 10.02.19. – Пермь, 2000. – 222 с.
2. Аристотель. Риторика //Античные риторик. – М., 1998. – 224 с.
3. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – М., 2003. – 320 с.
4. Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е.Горошко, А.Кирилина // Гендерные исследования. – № 2. – М., 1999. – С. 235 – 236.
5. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего / О.Л. Каменская // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М., 2001. – С. 62 – 63.
6. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. – 155 с.
7. Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. – № 3. – 2000. – С. 28 – 37.
8. Трофимова Е.И. О терминологических понятиях в гендерных исследованиях / Е.И. Трофимова // Социальное неравенство и образование: проблема исследования. – Саратов, 2001. – С. 247.
9. Халеева И.И. Гендер в теории и практике обучения межкультурной коммуникации / И.И.Халеева // Гендер: язык, культура, коммуникация. Материалы международной конференции. – М., 1999. – С. 106.

10. Scott J.W. Gender and the Politics of History / J.Scott. – NY, 1988. – 385 p.
11. Unger R., Crawford M. Sex and Gender. The troubled relationship between sex and gender // II Psychological Science. – № 4. – 1993. – P. 67.

Стаття надійшла до редакції 06.05.2017

УДК [13+78+94](567)"8"

ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ АЛ-КИНДИ: КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ф.О. Нофал

*студент V курса философского факультета заочного отделения,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел: +38095–821–76–88; email: faresnofal@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается космологический аспект философии музыки первого видного представителя школы арабоязычного перипатетизма - 'Абу'Алисуфа Йа'куба б. Иسخа'а ал-Кинди (ум. 256/873). Отдельно исследуются основания «оперативной космологии» ал-Кинди, автором делается вывод об онтологическом значении музыки для философской картины мира файласуфа. Также доказывается утверждение об оригинальности ряда «первооснов» музыкальной теории 'Абу'Алисуфа, несводимых к отдельным положениям античной мысли.

Ключевые слова: средневековая философия, арабо-мусульманская философия, арабоязычный перипатетизм, средневековая теория музыки, философия музыки, ал-Кинди, Пифагор.

У запропонованій до уваги читача статті розглядається космологічний аспект філософії музики першого видатного представника школи арабоязычного перипатетизму - 'Абу'Алисуфа Йа'куба б. Иسخа'а ал-Кинди (вм. 256/873). Окремо досліджуються підстави «оперативної космології» ал-Кинди, автором робиться висновок про онтологічне значення музики для філософської картини світу файласуфа. Також доводиться твердження про оригінальність ряду "першооснов" музичної теорії 'Абу'Алисуфа, що не зводяться до окремих положень античної думки.

Ключові слова: середньовічна філософія, арабо-мусульманська філософія, арабоязычний перипатетизм, середньовічна теорія музики, філософія музики, ал-Кинди

The article deals with the cosmological aspect of philosophy of music of the first prominent faylasuḥ – Abu Ḍuʿāf Yaʿqub al-Kindī (d. 256/873). The basis of "operational cosmology" of al-Kindī is separately investigated; the author gives a conclusion about ontological value of music in al-Kindī's philosophical picture of the world. Also the statement about originality of a number of "fundamental principles" of al-Kindī's musical theory is given at the end of this work.

Keywords: Medieval Philosophy, Muslim Philosophy, Arabic Peripatetism, Medieval Theory of Music, Philosophy of Music, al-Kindī, Pythagoras.

И метафизика, и философия музыки 'Абуḏ-Йуḏуфа Йа'куба б. Исхак ал-Кинди (ум. 256/873), к сожалению, достаточно скудно представлены в русскоязычной научной литературе [см.: 10; 11: 41-132; 12; 18: 109. См. также фрагментарные упоминания о философии музыки ал-Кинди в: 14: 250-251; 19: 318-329]. Причины подобного «забвения» теоретической системы ал-Кинди на наш взгляд, кроются в определенном дисбалансе, сложившемся в западном изучении наследия представителей арабоязычного перипатетизма (фалсафы): в то время как «средний» и «зрелый» этапы развития фалсафы освещены современными востоковедами достаточно обстоятельно, «ранний» арабский неоплатонизм остается своеобразным «темным пятном» философского исламоведения, служащим и по сей день поводом для острейших дискуссий. Неудивительно, что проблематика, затронутая 'Абуḏ-Йуḏуфом в сравнительно недавно опубликованных трактатах [4; 5; 6; 7], была рассмотрена нашими коллегами достаточно фрагментарно, а различные стороны его философско-религиозной системы подверглись серьезному искажению вследствие укрепления редукционистских тенденций в академической арабистике кон. XX – нач. XXI вв.

Итак, основная наша задача – представить, насколько это возможно, полно философско-теоретические построения ал-Кинди, касающиеся общей проблематики музыкального искусства, а также прояснить их связь с антропологией и космологией «раннего» арабоязычного перипатетизма. При этом мы надеемся, что настоящая работа станет началом целого ряда исследований по философии музыки 'Абуḏ-Йуḏуфа, ее автохтонным основаниям. Как считают многие специалисты, антропология ал-Кинди может быть охарактеризована, в общих своих чертах, как платоническая [20: 111-114]¹. Называя раннеперипатетическое учение о человеке

¹ Подобного мнения придерживается и отечественный исследователь, исламовед И.Р. Насыров [16: 5; запись выступления: <https://youtu.be/XAXqs2fJUqY?t=2h18m3s> (дата обращения – 13.12.16)]. Здесь мы хотели бы отдельно выразить свою благодарность Ильшату Рашитовичу, чей доклад послужил поводом для написания настоящей статьи.

«синтетическим», и объясняя его возникновение переводом «Теологии Аристотеля» на арабский язык, современные медиэвисты подчеркивают его общую про-платоническую направленность. В подтверждение этого арабисты ссылаются на классификацию сил души (*кṣāb an-naфс*), приведенную 'Абул'Исуфом в трактате «Слово о душе: сокращение из книг Аристотеля, Платона и других философствующих» (*ал-Кṣāб фи'ан-нафс ал-мухṣасṣа мин китаб 'Аристṣа 'Афлаṣа саṭир ал-фалаṣифа*) [5: 1: 272-280]. Действительно, ал-Кинди делит, в соответствии с платоническими теориями, силы истинного человеческого естества на вожделеющую (*шахваṭиййа*), яростную (*гḥḍиййа*) и мыслительную (*'акḥḍиййа*) [5: 1: 274]; однако в других своих трудах он возвращается к аристотелевской точке зрения на душу. В частности «Трактат о чистоте сна и видений» (*Рисаṭ фи'длаṭиййат ан-навм ва ар-ру'йа*) содержит описание таких душевных сил, как ощущающая (*хḥṣиййа*)¹, отображающая (*мусṣавира*), оберегающая (*хḥṣизḍ*), питающая (*гḥḍиййа*) и развивающая (*мунамиййа*). Четыре последние силы – как и диада «платонических» сил – характеризуются философом как «средние» (*мутаваасситḍ*), логически – а не онтологически – соединяющие ощущающую силу с силой разумной [5:1:293-305]. Стоит ли и говорить, что похожую антропологическую схему мы встречаем в знаменитом трактате Стагирита «О душе»; однако этим не исчерпывается аристотелизм психологии ал-Кинди

Очевидно также, что душа есть причина и в значении цели. Ибо так же как ум действует ради чего-то, так и природа, а то, ради чего она действует,

² См. подробное рассмотрение этой категории в: [5:1:165].

есть ее цель. А такая цель у живых существ по самой их природе есть душа. Ведь все естественные тела суть орудия души – как у животных, так и у растений, и существуют они ради души. Цель же понимается двояко: как то, ради чего, и как то, для кого. Но и то первое, откуда пространственное движение, также есть душа. Впрочем, эта способность присуща не всем живым существам. Превращение и рост также происходят благодаря душе. Ведь ощущение есть, по-видимому, некоего рода превращение, а то, что не имеет души, не ощущает. Так же обстоит дело с ростом и упадком. Ведь не разрушается и не растет естественным образом то, что не питается, а не питается то, что не причастно жизни¹.

Из приведенного становится очевидным, что «этос» антропологии ал-Киндиб – и, в частности, его психологии – оставался глубоко перипатетическим. Синтез с платонизмом и неоплатонизмом затронул лишь отдельные эсхатологические аспекты учения 'Абу'Исха'абуфа, как то: постулат о посмертной участи человека, уверенность в ущербности телесного существования и др. Что касается «практической» стороны его антропологических теорий, особенно ценных в связи с философией музыки Ибн Исх'абу, то некоторые исследователи редуцируют их к пифагореизму [19]. Доказательству их сравнительной самостоятельности и будет посвящен нижеследующий текст; однако для начала заметим, что космологии ал-Киндибы было чуждо учение о «пятом элементе», рецепция которого в позднеантичном неоплатонизме связывалось со школой Пифагора [21: 334; см.: 13], – несмотря на то, что именно оно могло бы метафизически, а не только математически или антропологически обосновать правомерность «натяжения» пятой струны в четырехструнном инструменте 'уд [7:21]².

Трактат «О поведанных частях музыкального [искусства]» (*Фиджазб х'ариййа фи'ал-му'ал*) ал-Киндиботкрывается описанием восьми видов ритма (*и'ад*, ед. ч. *и'а*). Вполне уместно будет привести здесь перевод соответствующего отрывка, посвященного изложению классификации ритма: Первый тяжелый [ритм] (*ас-а'вал* ал-'аввал) – это три следующих друг за другом удара, [соединенных] со «спокойным» (*са'ина*) ударом... Второй тяжелый [ритм] (*ас-а'вал ас-а'валий*) – это три следующих друг за

¹ De Anima, II, 4: 15-26 (перевод П.С. Попова).

² Наше предположение подтверждается справкой философа о том, что «некоторые... добавляют к 'уду пятую струну, подумав, будто существуют первая природа и пятый элемент» [4: 77-94; курсив наш, – Ф.Н.]. О «пятой природе» ал-Киндиб говорит там же, относя ее к космической «сфере» (*фалак*), игнорируя возведенную Теофрастом к пифагорейцам теорию о «составности целого» из «пятого элемента», имеющего форму додекаэдра.

другом удара, [соединенных] сначала со спокойным, а после – с «подвижным» (*мутах^фрика*)¹ ударами. [Ритм] *ал-Ма^фрий* – это два следующих друг за другом удара... Легкий (*ал-ха^фиф*) [ритм] тяжелого – это три следующих друг за другом удара... [Ритм] *ар-рамал* – это одинокий удар, сопряженный с двумя ударами, следующими друг за другом... Легкий [ритм] *ар-рамал* – это всего лишь три следующих друг за другом удара... Легкий [ритм] легкого – это два следующих друг за другом удара ... [Ритм] *хазадж* – это два следующих друг за другом удара; и между каждыми двумя его ударами есть время двух ударов [6: 262].

Хотя заключительные главы «О поведанных...» и считаются медиевистами адаптацией переведенного Х^унайном б. Исх^аб^м (ум. 873) сочинения некоего Павла «Об элементе музыки», цитаты из которого встречаются и в сочинениях «Братьев чистоты» (*'их^ад ас-^афа^д*) [1: 132-133], мы смело можем признать вышеприведенную классификацию музыкального ритма самостоятельной разработкой ал-Кинди^б. Так, наименования, данные философом семи видам ритма из восьми, соответствуют обозначениям метрических размеров классического арабского стиха [9: 16-21]². Как предполагают некоторые исследователи древнеарабской поэзии, из караванной песни (*ха^да^д*, по преданию, восходящей к Муд^афу б. Низа^ру, «патриарху» аднанидов, арабы *джахилии* вывели такие метрические размеры, как *раджаз*, *сари*, *мунсарих*, *вафир* и *басит*; так же из «тяжеловесной» песни, сопровождавшейся простейшим инструментальным аккомпанементом (*ас-сана^д*), были выведены *рамаль*, *мадид* и *хафиф*, а из «легкой» песни, сопровождавшейся игрой на бубне и мизмаре (*хазадж*) – *хазадж*, *мутакариб* и *мутадарик* [3]. Приводя подобные параллели, ал-Кинди^б отмечает единство как наук, так и универсума, ими рассматриваемого – неслучайно «музыкальная наука», наряду с геометрией, арифметикой и астрологией, включается 'Абу^б Йусу^фом в число т.н. теоретических «срединных наук» (*ал-'улу^д ан-наз^афиййа ал-вуст^а*) связывающих «натурфилософию» с «метафизикой» [4:70]³. Пресловутый «гносеологический» срез упомянутого единства

¹ Приводя подстрочный перевод отрывка, важный для выявления его связи с классическим арабским языкознанием, мы, тем не менее, имеем в виду под «спокойными» и «подвижными» «ударами», соответственно, т.н. «неогласованные» и «огласованные» накры [см., напр.: 15: 237-254], – **Ф.Н.**

² Там же читатель может ознакомиться с условными «эквивалентами» обозначенных размеров в русской силлабо-тонической просодии, предложенными А. Долининой.

³ Такой же классификации наук держался и ал-Фараби^б (ум. 339/951), включивший музыку, астрологию, геометрию, арифметику и механику в раздел «квадриум» (*'илм ат-та'^али^д*) [см.: 17].

уточняется у философа срезом онтологическим. Согласно ал-Кинди между поэтикой и ритмикой существует нерушимая *онтологическая связь*, на которую перипатетик указывает соответствующим глаголом *йаджиб: хазадж, рамал* и «легкие» ритмы «облекают» (*таксийй*) стихи ликования, тогда как «тяжелые» ритмы служат печальной поэзии, а *ал-Маффи* – эпической [6:262]. Как мы увидим, Йа'куб разовьет анализ именно онтологического «извода» предложенного им универсализма, в котором музыке будет отведена важнейшая медиативная роль.

Излагая виды «изоморфизма» (*ташаул*) [6:262] звучаний струн *уда* тем или иным феноменам микро- и макрокосмов, ал-Кинди по мнению многих историков музыки, следует пифагорейской музыкальной теории. В самом деле, похожие соответствия числовых пропорций космологическим константам мы встречаем у Теона Смирнского (ум. 135), Ямвлиха (ум. 325) и других [1: 130-131]. К примеру, философ учит: Число струнам – четыре; и это *ал-бамм*, *ал-мусалас*, *ал-мусна* и *аз-зир*. *Аз-Зир* соответствует первой четверти небесной сферы (от середины неба до места заката), первой четверти зодиакального круга (от рака до девы), левой четверти лунного круга, огню, южным ветрам, лету, от седьмого до четырнадцатого дням месяца, времени от полудня до первой половины заката, желчи и юности. Из сил души она соответствует мыслительной силе, исходящей от головы, и притягательной силе, исходящей от тела; из действий ее, проявляющихся в животном, выделяем отвагу [6:264]².

Подобным образом 'Абу'Исхак описывает и три другие струны, расположенные по квартам. Соответствия, выведенные им в трактате «О поведанных...» [6:264-265], систематизированы нами в следующей таблице:

<i>ал-бамм</i>	<i>ал-мусалас</i>	<i>ал-мусна</i>
Четверть сферы – от первой до седьмой части	Четверть сферы – от места рассвета до первой	Четверть сферы – от места заката до места рассвета
Зодиакальная четверть – от козерога до рыб	Зодиакальная четверть – от весов до стрельца	Зодиакальная четверть – от овна до близнецов
Лунная четверть [...] ³	Лунная четверть – от места «встречи» солнца до ее правой четверти	Лунная четверть – от места «соседства» с солнцем до левой четверти

¹ Обозначения А (ля), D (ре), G (соль) и С (до) струн соответственно, – *Ф.Н.*

² Интересно, что философ, постулировавший единство и неделимость души и ее сил в других трактатах, все-таки проводит здесь различие между «головными» и «телесными» психическими силами. Впрочем, это противоречие можно снять, предположив, что ал-Кинди автор трактата «О поведанных...» всего лишь пытается систематизировать ничем не ограниченное им число душевных сил.

³ Возможно, пропуск в оригинальной рукописи трактата.

Вода	Земля	Воздух
<i>Дабур</i> (западный ветер)	Северный ветер	<i>Сѡба</i> (восточный ветер)
Зима	Осень	Весна
Четверть месяца – от двадцать первого дня до последнего	Четверть месяца – от четырнадцатого дня до двадцать первого	Четверть месяца – от первого дня месяца до седьмого
Четверть дня – от полуночи до первой половины восхода	Четверть дня – от первой половины заката до полуночи	Четверть дня – от второй половины восхода до полудня
Флегма	Черная желчь	Кровь
Старость	Зрелость	Младенчество
«Головная» сила памяти	«Головная» запоминающая сила	«Головная» воображающая сила
«Телесная» движущая сила и мечта.	«Телесная» удерживающая сила и трусость	«Телесная» пищеварительная сила и рассеянность

Подобно тому, как единой и неделимой душе неоплатониками приписываются определенные силы, каждой струне *‘уда*, как и всякому ритму, по ал-Киндиџ присущи те или иные силы, возбуждающие душу и влияющие, тем или иным образом, на состояние тела. «Движения» *аз-зиџ*, соответствующие ритму *ал-Маџрийй*, вызывают к бытию радость, жестокосердие и отвагу и оживляют желчь за счет недвижимости флегмы; колебания *ал-мусџнаџ* сопряженные с «тяжелыми» ритмами, культивируют нежность, щедрость и мягкость, активизируют движение крови. Звучание *ал-мусџлас Ѡ* причина плача, печали и «буйства» флегмы, а *ал-бамм*, колеблемый в ритмах *хазадж* и *рамал* – начало любви и «бурления» черной желчи. «Разбавление» одних звуков другими имеет то же воздействие на космос, что и смешение (*маздж*) «четырех природ» (*ат-џџаџи’ ал-арба’*); однако влияние их на тело часто не совпадает с их же влиянием на душу и ее действия (*аф’аџ*), – уверен *файласуф*. «Пение» *аз-зиџ* подвигает душу к делам храбрости и щедрости, *ал-мусџнаџ* к радости, любви и благодушию, *ал-мусџлас Ѡ* – к трусости, скупости и сокрушениям, а *ал-бамм* – к мечтательности и перепадам настроения [6: 265–266; 7: 18–19].

Отмечая важность «слухового» (*сам’ийй*) воздействия, оказываемого пропорционально ранжированными звуками на человеческое естество, философ не забывает и о связи других перцептивных объектов с психическими аффектами и действием. Например, смешение красного и желтого цветов дает человеку ощущение возвышенности, смесь желтого и черного – чувство униженности; соединение черного, красного, желтого и белого цветов вызывает к щедрости дарителя, а единство розового, желтого, черного и фиолетового неразрывно связано с радостью и сладостью.

«Яблочно-красный» цвет объявляется мыслителем катализатором наслаждения и страсти. Рябь же всех цветов, в одночасье предстающих перед взором субъекта, «движет все [душевные] силы, все формы (*субар*), всю мысль (*фикр*) и все воображение (*вахм*)» [б: 266]. В свою очередь, запахи делятся 'Абу'Йудуфом на две большие группы – «мужские» (*музаккара*) и «женские» (*му'аннас*); «мужские» запахи – запахи жасмина, фиалки, майорана и мирта – возбуждают радость, великодушие и щедрость, а «женские» ароматы – мускуса, розы и нарцисса – внушают чувства радости, сладости и страсти [б: 267]¹. И ал-Кинди и ал-Фараби исследуют в основах своей «музыкальной антропологии» тому, что наши коллеги называют «пифагорейской музыкальной теорией». Как свидетельствует Ямвлих, Пифагор также полагал, что музыка очень благотворно действует на здоровье, если заниматься ею подобающим образом... Одни мелодии предназначались как самое действенное средство против уныния и терзаний, а другие также против раздражения, гнева и против всякого умственного помрачения разгневанной души; был также и еще один род музыкального творчества, предназначенный для ограждения желаний².

Тем не менее, воздействие музыки и на человека, и на животное было хорошо известно и древним арабам задолго до активизации движения по переводу античных источников на арабский язык. В подтверждение нашего тезиса вернемся к уже упомянутому вскользь эпизоду – к легендарному рождению первой арабской песни (*хидд*):

Однажды Мудр б. Низар... упал с верблюда и сломал руку. Его подхватили и понесли, а он только причитал: «О, моя рука! О, моя рука!» (*ва'идид ва'идид*). Был же он совершенен голосом среди тех, кого сотворил Аллах. Вдруг послушался его верблюд и споро зашагал дальше. С тех пор арабы криком «*ха'идид ха'идид*» подгоняют стада [2:2: 241].

Эффекту от соединения ритма и мелодии, по свидетельству источников, араб *джахилии* нашел применение не только в быту, но и в древнеарабских войнах. Ритмичный распев целых фраз «возбуждал в самом естестве» (*фитр*) воина *джахилии* храбрость и гнев; при этом во время сражения бойцы переходили, в зависимости от боевой обстановки, от одного ритма

¹ Проблема антропологии музыки ал-Кинди неслучайно исследуется нами именно на примере трактата «Фидаджаб ха'арийа...». Так, эксплицированные нами идеи являются продолжением рефлексии о музыке, начатой философом в седьмой главе работы «Послание об искусстве гармонии» (*Риса'а фи'а'дар с'а'ит ат-та'лиф*). Последняя же не отличается особой оригинальностью и представляет собой пересказ воззрений Аристиды (ум. 468 до Н.Э.) и Птолемея (ум. 168) на психологическое влияние музыкальных фраз [см.: 1: 127 – 128].

² *De vita pythagorica*, XXV, 110 – 111 (перевод И.Ю. Мельниковой).

мелодии к другому [8:2:19–20]. В «зрелой» джахилийской поэзии музыкальный ритм уже коррелировал со «смыслами» поэмы-касыды: так, метрический размер *тавил* зачастую использовался в лирических стихотворениях, а *камил* – в более «легких», дескриптивных по своему характеру произведениях [8:2:21–22]. Музыкально-теоретические построения первых арабских перипатетиков, вне всякого сомнения, являются продолжением обозначенных размышлений о «сущности» мелодии в арабской культуре, – пусть и облеченным в форму античных музыкальных теорий, способствовавших оформлению первой полноценной философско-музыкальной системы средневекового Ближнего Востока.

Как мы увидели выше, ал-Кинди¹ полагает музыкальное искусство примером гармоничного соотношения «звуков, всеобщего строения и человеческих душ» [5:1:377–378]. И первые, и второе, и третьи предстают перед читателями сочинений «философа арабов» в качестве границ огромного бытийного поля, в которых – и только в которых – возможно объективное их взаимодействие. Природный универс, представленный в сознании субъекта познания как совокупность *феноменов-отношений*, оказывается, таким образом, целиком и полностью процессуальным: отдельно взятые звук, цвет, запах или сила души не подлежат рассмотрению человеческим интеллектом не по причине своей символичности¹ или абстрактности, но из-за своей *онтологической невозможности* в отрыве от мира бесчисленных взаимодействий. Одновременно с этим связи одних феноменов с другими, по 'Абу' Йу'буфу, исключительно линейны, одномодальны: даже «смешение» двух или более сил не аннигилирует или трансформирует их действия, но всего лишь комбинирует их. В свете этого постулата космология ал-Кинди¹ может быть названа нами *оперативной*, «энергийной». Очевидно, что «оперативная космология» ал-Кинди¹ толкует и саму музыку как процесс «движения» звука. Соответствующий же пропорциональным схемам звук называется мыслителем «гармоничным» (*му'талиф*) – а значит подобным и другим формам-процессам натурфилософского и антропологического порядка, также ранжированным согласно определенным их «идеальным» предикатам. Вместе с тем, рационально «схватываемые» закономерности музыкальных процессов являют собой некоторую оппозицию неустойчивой, подвижной человеческой душе, подверженной действию анатомических, физиологических, экологических и эстетических факторов. Будучи одним из последних, музыкальный фактор служит наглядной иллюстрацией онтологического и гносеологического всеединства, постулируемого

¹ Знак (*рамз*) определяется философом как некий неотрефлексированный образ, могущий соответствовать или не соответствовать реальности (*х.а.а.а.*) [5:1:303–305].

исследователями «срединных наук» квадривиума. На примере «движения» звуков от одной позиции к другой, теория музыки Йа'куба б. Исхак стремится прояснить место человека в прагматике двоичных и четверичных отношений, как то: отношения души и тела, «мужских» и «женских» запахов, периодичность сменяемости сезонов, изменчивая четырехсоставность субстанций, дробность числовых соотношений и т.д. Человеческая воля, находящаяся в самом средоточии упорядоченных Творцом связей чтойностей и процессов между собой (в том числе, звуковых), призвана, преследуя аскетические цели, подчинить себе независимые от нее процессы, являющиеся и ее причиной, и отчасти конституируемой ею реальностью. А это означает, что музыка, по ал-Кинди и предшествует антропосу, и продуцируема им, - и, пожалуй, эта идея средневекового мудреца может справедливо считаться и вершиной, и началом раннеклассической арабской рефлексии о метафизике и физике музыки как космологического феномена.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Г'раб, 'А. Му'аллафа ал-Кинди ал-мусиййа ва му'т'ийа 'аввалийа х'л 'алаби-хаби-л-мас'ир ал-'игриййа / 'А. Г'раб // ал-Кинди ва фаласафату-ху. – Ваджда: б.и., 2015. – С. 117–146.
2. Ал-К'ираби Ибн Раши'Ал-'Умда / Ибн Раши'Ал-К'ираби – Бейрут: Дар ал-Джи, 1981. – 651 с.
3. К'им, Б. Аш-Шабир ал-джабилиий ва ал-вуджуд: дира'а фалсафиййа з'биратиййа // Ал-Мустак'ал ал-'арабийй. – № 423. – 2014. – С. 57–67.
4. Ал-Кинди 'Абу'Йу'ф. Му'аллафа мусиййа. – Багдад: Мат'ат Шафи' 1962. – 174 с.
5. Ал-Кинди 'Абу'Йу'ф. Раса'ил фалсафиййа / 'Абу'Йу'ф ал-Кинди – Каир: Дар ал-фикр ал-'арабийй, 1950–1953. – 537 с.
6. Ал-Кинди 'Абу'Йу'ф. Раса'а фи аджа'иб шариййа фи ал-мусиййа ал-Х'увв, С. Тари'Ал-мусиййаш-шарк'иййа / 'Абу'Йу'ф ал-Кинди. – Бейрут: Мактабат ал-Х'и'а, 1961. – С. 261–269.
7. Ал-Кинди 'Абу'Йу'ф. Раса'а фи ал-лух'у' ва нуг'м / 'Абу'Йу'ф ал-Кинди. – Багдад: Мат'ат Шафи' 1965. – 32 с.
8. Ар-Рафи' и М.С.О'Тари'Аб ал-'араб / М.С.О'Ар-Рафи' ибн Мансура: «ал-'И'а», 1940. – 758 с.
9. Долинина А.А. Предисловие / А.А. Долинина // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. – М.: «Наука», 1983. – С. 3 – 22.

10. Ефремова Н.В. ал-Кинди / Н.В. Ефремова // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2, с. 244 – 245.
11. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. – М.: ИФ АН СССР, 1961. – 634 с.
12. Кныш А.Д. Борьба идей в средневековом исламе / А.Д. Кныш // Ишрак. Ежегодник исламской философии'2. – М.: «Наука», 2011. – С. 460 –501.
13. Месяц С.В. Дискуссии об эфире в античности / С.В. Месяц // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайденоко, В.В. Петров. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 63–112.
14. Музыкальная эстетика стран Востока / Общ. ред. и вступ. ст. В.П. Шестакова. – М., «Музыка», 1967. – 413 с.
15. Мураки М.Г. Ритм в «Трактате о музыке» Братьев чистоты/ М.Г. Мураки // Искусство Востока. Проблемы эстетического своеобразия/ Ред. И.Р. Еолян. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – С. 237–254.
16. Насыров И.Р. Аль-Кинди и его трактат «Краткое изложение учения из книг Аристотеля, Платона и других философов»/ И.Р. Насыров// «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности». Материалы к докладам. – М.: Аквилон, 2016. – С. 5.
17. Ал-Фараби 'Абу'Наср Большой трактат [о] музыке (фрагмент)/ 'Абу'Наср ал-Фараби вступительная статья, перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала// Філософські дослідження, 21. – Луганськ: Видавництво СНУ ім. В. Даля, 2014. – С. 258–265.
18. Фролова Е.А. Арабская философия: прошлое и настоящее./ Е.А. Фролова. – М.: «Языки славянской культуры», 2010. – 464 с.
19. Шамилли Г.Б. Модели музыкальной речи/ Г.Б. Шамилли// Искусство музыки: история и теория. № 1–2. 2011. – С. 318–340.
20. Adamson, P. Al-Kindi./ P. Adamson. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 290 p.
21. Diels, H. Doxographi graeci / H. Diels. – Berlin: Weidmann, 1879. – 853 S.

*Рекомендовано до друку д.філос.н., проф. каф-ри всесвітньої філософії та естетики
Східноукраїнського національного університету імені Даля В.М. Шелюто
Стаття надійшла до редакції 14.02.2017*

УДК 821.161.2-31(043.3)

ВЗАЄМОДІЯ ЛІНГВОКУЛЬТУР ЯК ОСНОВА МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

О.В. Олійниченко

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Тел.: 098 – 287 – 05 – 72; email: e.v.olinych@gmail.com

В статті розглядається проблема взаємодії представників різних країн та культур. Проаналізовано етапи становлення міжкультурної комунікації як науки і прикладної дисципліни. Висвітлено проблеми міжнародного спілкування в лінгвістичному та культурному аспектах.

Ключові слова: лінгвокультура, комунікація, концепт, вербальний код, стиль.

В статье рассматривается проблема взаимодействия представителей разных стран и культур. Анализируются этапы становления межкультурной коммуникации как науки и прикладной дисциплины. Освещаются проблемы международной коммуникации в лингвистическом и культурном аспектах. Ключевые слова: лингвокультура, коммуникация, концепт, вербальный код, стиль.

The article focuses on the problem of interaction between representatives of different countries and cultures. The author analyzes the periods of development of intercultural communication as a science and applied discipline. The article covers the problems of international communication in the linguistic and cultural aspects.

Key words: cultural linguistics, communication, concept, verbal code, style.

Глобалізація змінює не тільки політичне й економічне життя в світі, а й характер міжнародного спілкування, яке набуває нових ознак і вирішує нові завдання. Поширення кроскультурних контактів і вивчення іноземних мов зумовлюють інтерес до міжкультурної комунікації як наукової та практичної сфери, що зараз переживає бурхливий розвиток у різних країнах.

Отже, постає потреба у визначенні сутності міжкультурної комунікації, формулюванні її основних принципів, аспектів вивчення. Головною ознакою міжкультурної комунікації є її перетин з іншими дисциплінами, що зумовлює необхідність звернення до багатьох суміжних галузей, основні серед яких лінгвістика, культурологія, соціологія та психологія. Інтердисциплінарність міжкультурної комунікації забезпечує ефективність її практичного застосування у, приміром, вивченні іноземних мов.

В наш час велика кількість людей беруть участь в міжнародних форумах і конференціях, працюють в міжнародних компаніях та організаціях, навчаються за кордоном або просто подорожують. Як показує досвід, щоб підтримувати різні форми спілкування, необхідне не лише знання мови, алей знання норм і правил культури. Кожний учасник міжнародних зв'язків розуміє, що для повноцінного спілкування є потреба добре володіти іноземною мовою, знати норми поведінки, культури своїх партнерів по спілкуванню і, нарешті, розуміти сам процес комунікації. Виникає необхідність осмислення і вивчення лінгвокультур та основ міжкультурної взаємодії, що зумовлює актуальність нашої статті.

Поняття міжкультурної комунікації викликає багато дискусій в науковій літературі та серед спеціалістів-практиків. Поширені такі синонімічні терміни як «кроскультурна», «міжетнічна» комунікація. Міжкультурне спілкування є процесом комунікативної взаємодії між індивідами, які представляють різні культури і мають свій власний мовний код, конвенції поведінки, ціннісні установки, звичаї і традиції [1: 296].

Дослідник В.М. Манакін зазначає, що «об'єктом міжкультурної комунікації є спілкування представників різних національних і лінгвокультурних спільнот, а предметом — прийняті в національних спільнотах мовні стереотипи і норми поведінки, спілкування, певні «культурні сценарії» різних дій, усталені моделі сприйняття та оцінювання предметів і явищ, соціально унормовані звички, традиції, ритуали, дозволи, заборони тощо» [2: 9]. Поняття «міжкультурна комунікація» вперше було сформульовано у 1954 році в праці Г.Трейгера та Е.Холла «Культура і комунікація. Модель аналізу». Дослідники довели тісний зв'язок між культурою і комунікацією, провівши аналогію з вивченням іноземних мов на основі граматичних категорій, прийшли до висновку, що шляхом передачі лінгвістичних навичок можливе досить глибоке вивчення інших культур. На думку Е.Холла, мета вивчення міжкультурної комунікації – аналіз практичних потреб представників різних культур для успішного спілкування. Американський лінгвіст вперше почав розглядати акт комунікації як такий, що піддається вивченню, аналізу. Наступні публікації Е.Холла привернули увагу багатьох вчених до проблем міжкультурної комунікації. Інший американський дослідник О.Тейлор в своїй книзі «Міжкультурна комунікація: важливий вимір ефективної освіти» стверджує, що комунікація – це породження культури. Спосіб, за допомогою якого люди спілкуються, обумовлений їхньою культурою. Людина може знати більше однієї культури, бути експертом з декількох культур, але беззаперечним буде одне: комунікація – це продукт і витвір культури [3:12].

Дослідники К. Клакхон та Ф. Строббек запропонували вивчати різні культури за ставленням цих культур до таких концептів, як погляд на природу людини, ставлення до природи, погляд на концепти часу та

простору. Вчені Пітбургського університету США, розвиваючи культурологічний аспект гіпотези Сепіра – Уорфа, розробили поняття «перцепція», «перцептуальні системи», розглядаючи їх як посередників між культурою та мисленням. Дослідники Сингер М. і Стюарт Е. стверджували, що мова є одним із засобів встановлення і підтримки подібного сприйняття в членах певної культурної групи. Акцентувавши свої наукові інтереси на проблемі взаємодії культур, вони вивчали питання культурної асиміляції. Засновником іншого напрямку дослідження міжкультурної комунікації став Портер Р., науковий інтерес якого був пов'язаний з питанням вербального та невербального спілкування. Численні дослідження проблеми взаємодії культур свідчать про те, що досягнення позитивних результатів залежить від здатності учасників спілкування розуміти один одного, а на це впливає багато факторів, серед яких Грушевицька Т.Г., Попков В.Д. та Садохін А.П. виділяють етнічну культуру кожного із співрозмовників, психологію народів, культурні цінності, які панують в тій чи іншій державі. Перш за все, говорячи про міжкультурну комунікацію, багато вчених виходять із поєднання двох понять «культура» та «комунікація» (Т.Г. Грушевицька, В.Д. Попков, А.П. Садохін, С.Г. Тер-Мінасова, У.Б. Гудикунсг, Л. Самовар, Р. Портер). Дослідниця Т.Г. Тер-Мінасова підкреслює, що здатність до розвитку комунікативної компетенції властива всім представникам людства, але конкретна реалізація цієї здатності обумовлюється культурою. Крім того, ця здатність зазнає впливу і самого індивідуального досвіду людини, тому часто цей досвід перешкоджає взаєморозумінню людей спільної культури і мови, не кажучи вже про представників інших культур [5: 17].

Культура різних народів пізнається через системи культурних кодів. Одним із найцікавіших виявів культурних кодів є особливості комунікації між людьми, за якими пізнають темпераментних італійців, повільних естонців, стриманих британців, розкутих американців, емоційних греків. Мову, яка є основним складником комунікації, також можна розглядати як самодостатню культурну систему, що зумовило виникнення окремої науки — лінгвокультурології, яка вивчає взаємодію культури і мови, узагальнює всі можливі способи збереження і передавання інформації про культуру народу за допомогою мови. Лінгвістичний аспект міжкультурної комунікації є першочерговим і передбачає вивчення мовних відмінностей, які можуть впливати на комунікацію між носіями різних мов. Існує чимало міжмовних омонімів, значення яких у різних мовах не збігаються. Наприклад, англійською “list” позначає список, а в українській — це лист паперу; «луна» в українській мові — відгомін, а в російській — місяць; англійською “complexion” — колір обличчя, а українською це позначає будову тіла. Лінгвістичний аспект не обмежується виявленням семантичних особливостей слів різних мов. Він також охоплює зіставлення різних комунікативних ситуацій, способи характеристики світу мовними

засобами, порівняння мовної поведінки представників різних культур. Для кожної лінгвокультури важливою є мовна картина світу. Кожна мовна картина світу неповторна і певним чином впливає на мислення носіїв конкретної мови і культури. У разі володіння двома або більше мовами (білінгвізм та полілінгвізм) розрізняють первинні і вторинні мовні картини світу. Наприклад, у процесі вивчення іноземної мови відбувається нашарування вторинної мовної картини світу на первинну. За словами дослідника В.М. Манакіна, існування мовної картини світу зумовлене гносеологічним чинником — процесом пізнання, яке є невід’ємною частиною сутності людини. У реальному світі існують предмети і явища, у свідомості — поняття, а в мові — слова, інші мовні одиниці, що відображають зміст свідомості. Це образ свідомості, реальності, інтегрованого знання людини про світ і водночас відображення творчості людського духу та свідомості. Міжкультурне спілкування є основою національно зумовленої інтерпретації світу, що впливає на мислення, свідомість і світосприйняття мовців певної національної спільноти. Американський лінгвіст Вільям Вітні зазначав, що кожна мова має властиву тільки їй систему усталених відмінностей, свої способи формування думки, відповідно до яких перетворюються зміст і результати розумової діяльності людини, весь запас її вражень, досвіду і знання світу. Пік розвитку ідеї впливу мови на світосприйняття припав на діяльність американської школи етнолінгвістики, представлені Френсісом Боасом, Едвардом Сепіром і Бенджаміном Ворфом. Ф. Боас, зокрема, зазначав, що мови різняться не тільки за характером складників їх фонетичних елементів та звуковими групами, а й за групами ідей, і що особливості мови відображаються в поглядах і звичаях народів. Ці думки були розвинуті в гіпотезі лінгвістичної відносності Сепіра — Ворфа. Люди, що говорять різними мовами, створюють різні картини світу. Мовні відмінності впливають на зміст мислення. Отже, найперші мовні коди пізнання світу з’явилися на етапі становлення етносу та його мови і продовжують у новому вигляді існувати в сучасних мовах, які певною мірою скеровують напрям свідомості їх носіїв (проте не настільки, щоби вважати мову вирішальним чинником людського способу мислення і свідомості). Мова створює своєрідний матеріально-ідеальний каркас думок, свідомості, глибинне наповнення яких здійснюється в межах концептуальних картин світу соціуму та особистості.

Культура комунікації визначається мовою співрозмовників і тісно пов’язана з використанням певного мовного коду комунікації. Сама вона, в свою чергу, зумовлює спосіб кодування інформації: кількість мовлення, ступінь експлицитності комунікативного наміру, співвідношення кількості інформації, що передається вербально та невербально. Вибір мови спілкування – це не лише вибір загального коду спілкування, що певним чином є необхідним для того, щоб комунікація відбулася. Вибір мови має

також і психологічний ефект. Розглянемо три можливі ситуації: а) спілкування на мові комуніканта А; б) спілкування на мові комуніканта Б; в) спілкування мовою, відмінною від рідних для комунікантів мов. Всі три ситуації відрізняються одна від одної. Перші дві ситуації типологічно схожі, але вибір мови може в деяких випадках міняти «розташування сил» в ситуації спілкування в залежності від обставин. Комунікація ніколи не відбувається у вакуумі, і облік ситуативного контексту є вкрай важливим. У деяких випадках вибір мови буде визначатися практичною зручністю: уявімо собі, що обидва співрозмовники можуть говорити на мові Б (наприклад, англійською), але не на мові А (наприклад, українською). У цьому випадку вибір англійської мови буде просто раціональним вибором, що забезпечує необхідний видимий рівень взаєморозуміння.

Складніше, якщо обидва співрозмовники в однаковій мірі могли б ефективно комунікувати на обох мовах. У цьому випадку вибір мови має вже більш складну природу. Уявімо собі три ситуації: 1) українець розмовляє з англійцем один на один, спілкування відбувається в Україні; 2) українець розмовляє з групою англійців, спілкування відбувається в Україні; 3) українець розмовляє з англійцем або групою англійців, спілкування відбувається в Англії. У цих трьох ситуаціях спілкування передбачає різний розподіл соціальних статусів, пов'язаний з фактичним проявом нерівності комунікантів. У першій ситуації той факт, що україномовний співрозмовник знаходиться в звичному для себе соціокультурному середовищі, робить його позицію привілейованою порівняно з позицією «самотнього» англійця, чий стереотипи і культурний стиль комунікації не знаходять підтвердження і підтримки в спілкуванні зі співвітчизниками, якого він в даному випадку позбавлений. У такій ситуації саме він, а не українець буде проявляти комунікативну обережність і прагнути підлаштуватися під стиль спілкування співрозмовника.

У другій ситуації позиція українця вже не здається настільки особливою, оскільки англієць в своєму спілкуванні змушений орієнтуватися як на українського співрозмовника, так і на своїх співвітчизників, в спілкуванні з якими він, слідуючи закладеному у ньому комунікативному стереотипу, може не соромлячись проявляти свою національну лінгвокультуру. Вибір стилю спілкування в даному випадку буде залежати від того, які рольові форми спілкування група англійців обере для спілкування з українцем, а також від індивідуальних комунікативних і психологічних навичок україномовного співрозмовника.

У третій ситуації українець буде вже в слабкій позиції – він буде змушений проявляти комунікативну обережність, бо тепер він гість. Саме він буде змушений підлаштовуватися під лінгвокультуру англійця. Вибір мови в цих трьох ситуаціях має різний зміст. З точки зору соціальної він має символічне значення, оскільки підкреслює домінування одного з

комунікантів, його становище «хазяїна» і «гостьовий» статус співрозмовника. З точки зору психологічної вибір мови буде визначати ступінь комунікативного комфорту «слабкого» учасника комунікацій. Залежно від конкретної стратегії спілкування «сильний» комунікант може прагнути до демонстрації своєї домінуючої позиції, або до прояву ввічливості і навмисному прийнятті мови «слабкого» співрозмовника в якості мовного коду спілкування з тим, щоб не підкреслювати зайвий раз своє привілейоване становище. Як правило, мова визначає комунікативний стиль спілкування. Наприклад, вибір арабської мови передбачає розгорнутий стиль спілкування: від комуніканта очікуються багатослівність, використання експресивних компонентів мови, яскравих метафор і порівнянь. При використанні японської мови такий стиль спілкування, навпаки, здається носію цієї мови неадекватним, оскільки японська комунікація має тенденцію до стислості виразу думки і максимального використання невербальних засобів спілкування (погляд, поза, жест).

Специфіка міжкультурної комунікації полягає в тому, що вибір тієї чи іншої мовної системи не передбачає, що разом з мовою співрозмовник, для якого ця мова нерідна, дотримуватиметься відповідного комунікативного стилю. Іншими словами, українець, ведучи з іноземцем розмову по-англійськи, не обов'язково буде дотримуватися невербальних норм спілкування, прийнятих в англійській лінгвокультурі. Найчастіше всього навіть якщо і станеться зміна вербальних кодів комунікації, переключення стилістичних і невербальних кодів не відбувається. Це створює певні ризики, оскільки для співрозмовника-англійця вибір для спілкування рідної для нього мови визначає систему очікувань від невербального боку спілкування: вибір фатичної стратегії, характер невербальної комунікації та ін. Українець же, розмовляючи по-англійськи, може продовжувати комунікативну поведінку, властиву своїй лінгвокультурі, що при певних обставинах може не відповідати сподіванням співрозмовника. Той самий ефект може виникати і в разі, коли українець, спілкуючись по-англійськи з англійцем, допускає чисто мовні помилки (лексичні, граматичні та ін.): носію мови вони кидаються в очі, що псує загальне враження від спілкування, створює комічні ситуації, часом перешкоджають досягненню поставленої комунікативної мети. У зв'язку з цим третій тип комунікативної ситуації, при якому співрозмовники вибирають для спілкування мову, що не є рідною ні для одного з них, на ділі виявляється найменш ризикованим. У такій ситуації стиль спілкування апіорі не пов'язаний з обраним мовним кодом, і ні у одного з комунікантів не створюються помилкові очікування. Крім того, в такому спілкуванні будь-яка мовна неточність має істотно меншу вагу, менш помітна співрозмовнику та в меншій мірі впливає на досягнення комунікативної мети.

Міжкультурне спілкування може здійснюватися також:

- 1) через «мовних брокерів» – перекладачів;
- 2) за допомогою машинного перекладу. Це, мабуть, самий невдалий спосіб подолання мовного бар'єру; незважаючи на деякі успіхи в області автоматичної обробки текстів, штучний переклад далекий від досконалості, оскільки не здатний враховувати специфіку лінгвокультури носіїв мови;
- 3) на штучних мовах (найрідкісніший спосіб);
- 4) на декількох мовах (за умови, що ними володіють всі комуніканти). Цей спосіб також недосконалий, оскільки не сприяє виробленню єдиного ситуативного коду комунікації;
- 5) на мові міжнародного спілкування (самий поширений спосіб). «Рівноправ'я» комунікантів в ситуації міжкультурного спілкування забезпечує вибір третьої, нейтральної мови, але тоді всі вони не зовсім вільні у виборі мовних засобів. До того ж їх знання цієї третьої мови може бути неоднаковим, і тоді один з комунікантів знову опиниться в невідгідному становищі.

Національно-культурні особливості комунікативної поведінки архетипні за своєю природою, тому їх можна простежити в паремійному фонді мови. О. Семенюк і В. Паращук на матеріалі прислів'їв і приказок української, російської та англійської мов виявили найтиповіші особливості комунікативної поведінки цих народів. За основу порівняльного аналізу було взято найважливіші категорії комунікативної поведінки:

- 1) говоріння як провідний вид мовленнєвої діяльності; 2) комунікативну етику; 3) комунікативну оцінність, де насамперед оцінюють: говоріння — практичну діяльність, говоріння — слухання, говоріння — мовчання; 4) комунікативну відповідальність; 5) комунікативну емоційність.

Ці комунікативні категорії слугують водночас і категоріями міжкультурних стилів комунікації. Усі порівнювані лінгвокультури цінують небагатослів'я як кількісну ознаку говоріння; росіяни пов'язують багатослів'я з марнослів'ям, англійці — з невисокими інтелектуальними здібностями мовця. В українській лінгвокультурі виразніше вербалізована зв'язність мовлення, у російській — ясність, в англійській — логічність, послідовність. Усі досліджувані лінгвокультури надають перевагу слуханню, а не говорінню і стверджують комунікативну відповідальність. У вербалізації комунікативної емоційності є відмінності: українці загалом не обмежують мовців у вираженні почуттів, а от імперативом англійської комунікативної поведінки є володіння своїми почуттями, збереження незворушності за будь-яких обставин. Емоційність у традиційній англійській культурі вважають негативною рисою людини [4: 126]. Стили міжкультурної комунікації, зауважує дослідник В.М. Манакін, стратегії тактики комунікативної поведінки не мають чітких меж. Вони співіснують, і однозначно стверджувати, що в якійсь культурі переважають риси певної комунікативної поведінки, не можна. Ідеться лише про загальні тенденції,

які утвердилися в певному національнокультурному просторі. Українській нації не притаманне переважання жодного з розглянутих комунікативних стилів та відповідно жодних домінантних рис комунікативної поведінки, що зумовлено особливостями культурно-історичного розвитку нації. Українці вирізняються вродженою толерантністю і певною емоційністю, схильною до сентиментальності, що зближує їх зі східним типом культур, та водночас вони швидко можуть перекодувати спілкування відповідно до європейського комунікативного стилю, а саме: бути переконливими, рішучими і навіть упертими. Це допомагає легко знаходити шляхи порозуміння з представниками інших країн, а також почуватися комфортно у різних комунікативних умовах і ситуаціях [2: 255].

Практично доведено, що міжкультурні відмінності детермінують характер кроскультурної комунікації. Це означає, що вибір комунікативної стратегії і мовних засобів залежно від характеристик локальних культур істотно впливає на успішність комунікації та сприяє подоланню лінгвокультурних бар'єрів. Представники кожної лінгвокультури дотримуються своїх власних унікальних комунікативних стратегій, тому для досягнення ефективного спілкування необхідна двобічна корекція способів комунікації співрозмовників. Ефективність комунікації у рамках міжнародного простору підвищується, якщо учасники спілкування володіють знаннями про особливості іншої культури. Отже, для повного адекватного сприйняття і успішного декодування інформаційного повідомлення реципієнт повинен не лише вправно володіти іноземною мовою, а й певними фоновими знаннями. Напрацювання засобів підвищення ефективності міжкультурної комунікації є на часі та визначають наступний крок сучасних лінгвокультурознавчих досліджень.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 360с.
2. Манакін В.М. Мова і міжкультурна комунікація: навч. посіб. / В.М. Манакін. – К.: Академія, 2012. – 285с.
3. Taylor O.L. Cross-Cultural Communication: An Essential Dimension of Effective Education / O.L. Taylor. – Mid-Atlantic Equity center. – 1990. – 58 p.
4. Семенюк О.А. Основи теорії мовної комунікації: навч. посіб. / О.А. Семенюк, В.Ю. Парашук. – К.: ВЦ «Академія», 2010. – 240 с.
5. Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Терминасова. – М.: Логос, 2000. – 234 с.

Стаття надійшла до редакції 08.06.2017

О.Я. Присяжнюк

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Тел: +38098–659–07–11; email: prysokyar@rambler.ru

В статье определяется термин «стереотип», которое рассматривается в широком смысле как понятие, включающее в себя не только набор характеристик, свойственных определенной нации, но и все понятия, относящиеся к культуре, традициям, обычаям того или иного народа. Автор не только выявляет особенности отражения национальной культуры в стереотипах, но и подробно рассматривает особый тип стереотипов – лакуны.

Ключевые слова: стереотип, лакуна, межкультурная коммуникация, сочетаемость, культурный шок, социология культуры.

У статті визначається термін «стереотип», яке розглядається в широкому сенсі як поняття, що включає в себе не тільки набір характеристик, властивих певній нації, але і всі поняття, що відносяться до культури, традицій, звичаїв того чи іншого народу. Автор не тільки виявляє особливості відображення національної культури в стереотипах, але й докладно розглядає особливий тип стереотипів – лакуни.

Ключові слова: стереотип, лакуна, міжкультурна комунікація, сполучуваність, культурний шок, соціологія культури.

The article deals with such a term as “stereotype” which is revealed in a broad sense not only as a concept with a set of characteristics inherent to a certain nation but also all the concepts related to culture, traditions and customs of a nation. The author both determines some peculiarities of a national culture reflected in stereotypes and defines such a special kind of stereotypes as gaps.

Key words: stereotype, gap, intercultural communication, compatibility, cultural shock, sociology of culture.

Актуальность данной темы вызвана интересом исследователей к вопросам взаимодействия языка, культуры, психологии народа. Феномен и понятие “стереотип” привлекает большое внимание исследователей; такие ученые, как У. Липпман, И.С. Кон, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.В. Павловская занимаются изучением данной проблемы [7;11;12; 19]. Новизна исследования заключается в том, что феномен стереотипа будет

рассматриваться в широком понимании – как понятие, включающее в себя представления одной нации о культуре другой нации в целом. Цель работы – исследовать взаимодействие понятий стереотип и национальный характер, выявить особенности отражения национальной культуры в стереотипах.

На протяжении длительного времени ведется полемика об определении понятия “стереотип”, делаются попытки выявить пути формирования и распространения национальных стереотипов в обществе, обсуждается вопрос о влиянии их на отношения между народами, но нет единого мнения среди исследователей относительно правомерности использования самого слова “стереотип”. Сам термин “стереотип” (греч. stereos – твердый, typos – отпечаток) был введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом, который под ним понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания [19: 95]. Другой исследователь, социолог Р.Бинкли называл стереотип величайшим всеобщим знаменателем. По его мнению, наличие стереотипов позволяет обывателю адекватно оценивать политическую ситуацию, слишком сложную для его анализа и слишком удаленную от сферы его деятельности [15: 393]. Американские ученые Д. Кац и К. Брейли говорили о стереотипе как об устойчивом представлении, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать [18: 288].

В конце 40х, было проведено широкомасштабное исследование с целью выявления того как представители одной страны воспринимают народы других стран; какие факторы определяют их восприятие. Разница между положительными и отрицательными ответами определила так называемый «знаменатель дружелюбности» [18:96]. Остановимся на таком виде стереотипов, как лакуны. Главной особенностью лакун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур, обменивающихся текстами. Лакуны делятся на четыре группы: 1) субъектные лакуны, отражающие национально-культурные особенности коммуникантов к различным лингвокультурным общностям; 2) деятельно-коммуникативные лакуны, отражающие национально-культурную специфику различных видов деятельности в их коммуникативном аспекте; 3) лакуны культурного пространства (ландшафта), если рассматривать процесс общения в широком смысле, или лакуны культурного интерьера, если рассматривать тот или иной конкретный коммуникативный акт; 4) текстовые лакуны, возникающие в силу специфики текста как инструмента общения; специфику текста могут составлять содержание, форма произведения материала, поэтика автора [9].

Первую группу лакун классифицируют как субъектные или национально-психологические лакуны. Они возникают в результате

несовпадения национально-психологических типов участников коммуникации и бывают нескольких видов. Характерологические лакуны бывают трех видов [13]: 1) лакуны, отражающие традиционное и в определенной мере стереотипное восприятие национального характера другого народа; 2) лакуны, отражающие несовпадения в том, как проявляются у разных народов аналогичные качества; 3) саморефлексивные лакуны, отражающие то, как носители той или иной культуры понимают свой национальный характер. Существование “характерологических” лакун обусловлено специфическими особенностями национального характера носителей различных локальных культур [4]. В результате межкультурного общения в одних культурах складываются определенные стереотипы в отношении других культур, в частности такие, которые фиксируют наиболее характерную для той или иной нации черту, слабее выраженную у других народов [3]. Принято считать, что главное в английском национальном характере – уравновешенность, во французском – страстность, в американском – прагматичность, в немецком – пунктуальность [7:125]. Пунктуальность можно рассматривать как относительную характерологическую лакуну для испанцев и латиноамериканцев в сравнении с носителями немецкой и голландской культур: пунктуальность высоко ценится у немцев и голландцев, но мало что значит для испанцев и еще меньше для латиноамериканцев [7: 126]. Все характерологические лакуны относительны, в национальных вариантах характера эти общечеловеческие признаки занимают разные места в системе ценностей соответствующей культуры, различаясь по степени распространенности. Подтверждает это положение анализ такого присущего всем народам признака национального характера, как трудолюбие: можно увидеть разницу между трудолюбием американцев и трудолюбием немцев. Трудолюбие немца – это основательность, точность, добросовестность, дисциплинированность, предусмотрительность, но без размаха и риска [10]. Трудолюбие американца – это размах, энергичная напористость, неиссякаемый деловой азарт, инициативность [16:97]. Таким образом, для американцев содержание такого признака, как трудолюбие, во многом не совпадает с тем, как понимают его немцы: явно выраженные организаторские данные, способность мгновенно ориентироваться в ситуации, характерные для американцев, являются лакунизированными для немцев, уравнивающих между собой понятия трудолюбия и дисциплины.

“Саморефлексивные” характерологические лакуны, отражают понимание и представление о себе носителей тех или иных культур. Иностранцу, например, трудно уловить смысл финского “сису”, определяющего основу финского национального характера. Словарь определяет это понятие как “запас жизненных сил, выносливость, выдержка, терпение, сила воли, мужество, смелость, смекалка” [8:140]. В

жизни “сису” проявляется, по словам самих финнов, как решимость перед лицом трудностей; финн обращается к “сису” как к резервуару энергии, когда все другие ресурсы уже исчерпаны.

Среди национально-психологических лакун следует выделить и такие, которые связаны с национальными особенностями “склада ума” носителей различных культур, “силлогистические” лакуны. Исследователи отмечают более или менее значительные расхождения в этой области национальной психологии [2: 83]: немецкому мышлению присущи философская широта и глубина абстрагирования, мышлению англичан – стремление не прибегать к абстракциям [6]; французам свойственна живость воображения, идеи для них предпочтительнее фактов; напротив, англичан отличает сдержанность воображения, они ориентируются на факты, числа, а не теории.

Национально-специфические особенности мышления представителей различных культур могут стать причиной возникновения “ментальных лакун”, которые относятся ко второй группе – к деятельно-коммуникативным лакунам. Существование ментальных лакун выявляется при решении реципиентом мыслительных задач, характерных для чужой лингвокультурной общности [5]. Такого рода лакуны возникают в тех случаях, когда носителям некоторой культуры предлагается отгадать загадку в переводе с другого языка. В этом случае реципиенты неспособны дать правильный ответ на загадку, отражающую специфику чужой культуры. В данном случае наличие лакун нарушает процесс межкультурного общения. Для того чтобы это своеобразное межкультурное общение состоялось, необходимо не только перевести тексты с одного языка на другой, но и построить их в привычной для носителя ПЯ (переводящего языка) форме, в соответствии с особенностями склада его ума, ввести традиционные для ПЯ культурно-этнографические образы и символы. В понятие “поведение” (носителей некоторой культуры) включается большое количество аспектов: кинесика (мимика, жесты), характерная для данной культуры; бытовое (повседневное) поведение, обусловленное традициями, обычаями, укладом жизни, принятыми в данной культуре, а также этикет общения, фрагментом которого является кинесика (кинесические лакуны), и повседневное поведение (рутинные лакуны) [9]. Кинесические лакуны сигнализируют о специфике жестового и мимического кодов различных культур. Хорошим примером является конфронтативный характер русских и болгарских жестов, обозначающих согласие и несогласие (“да” и “нет”). Кинесические лакуны могут быть абсолютными и относительными: в русской культуре, например, отсутствует такой жест, как стук костяшками пальцев по столу в знак одобрения, уважения, распространенный в немецкой культуре [10: 268]; таким образом, для носителей русского языка этот жест является абсолютной лакуной; жест-рукопожатие в знак приветствия известен и в

русской, и в английской культурах, но в русской культуру он используется гораздо чаще, чем в английской, являясь относительной лакуной для англичан [4: 157]. Лакунизированный характер может иметь соотношение вербальных и невербальных средств в мужском и женском вариантах этикета общения, по сути являющихся стереотипами поведения, характерными для того или иного общества [13]. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но более динамичная и менее ориентированная на собеседника коммуникация.

Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин – беседа-информация, а у женщин – частная беседа. Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора. С одной стороны, общество выработало такие стереотипы поведения, согласно которым женщина играет подчиненную роль при мужчине, она должна быть хорошей хозяйкой, способной выполнять любую работу, должна быть доброй, терпеливой, послушной, нежной, верной, красивой. Отсутствие мужа в этой модели рассматривается как отход от нормы, а уход от мужа – как бунт. Язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присуще многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, самовлюблен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужская хватка, мужской характер [12: 126].

В подгруппу кинесических лакун входят мимические лакуны, возникающие при несовпадении мимических кодов, существующих в тех или иных культурах. Одним из мимических знаков является улыбка. В различных культурах улыбки могут, в зависимости от существующих этикетных норм, иметь различную иконографию и значения. Одна из странных особенностей представителей русской культуры в глазах Запада – это мрачность, неприветливость, отсутствие улыбки. Русские же люди, попав в англоязычный мир, недоумевают по поводу улыбок. В представлении русских людей улыбка является неотъемлемой частью западной культуры, неразрывно связанной с нормами поведения. В западном мире улыбка – это не только биологическая реакция на положительные эмоции, это знак культуры (культуры в этнографическом смысле слова), это традиция, обычай [14: 75].

В культуре Америки улыбка является также и социальным признаком преуспевания. Keep smiling – девиз американского образа жизни: “что бы ни случилось – улыбайся”. Напускной оптимизм в любой ситуации – вот черта американского национального характера, которая официально одобрена и внедряется всеми средствами, в том числе и языковыми [4].

Особую группу поведенческих лакун составляют “бытовые” (“рутинные”) лакуны, указывающие на традиционный уклад жизни, привычки, особенности быта. У англичан принято пить чай в пять часов вечера, но у других европейских народов такого обычая нет. Многие европейцы удивляются тому, что русские умываются, используя текущую струю воды, тогда как сами они для умывания набирают воду в раковину. Рассмотрим такой стереотип поведения как small talk. Словари определяют его как “пустой, бессодержательный, светский разговор” [1]; “болтовня, легкая светская беседа”; “легкая беседа на незначительные или несерьезные темы” [20: 1275]; “беседа на бытовые и незначительные светские темы” [17]. Умение выбрать правильную тему для разговора очень важно при общении с представителями другой языковой и культурной общности. “Безопасные” темы разговоров, которые считаются подходящими для общения с незнакомыми людьми в разных странах различны. Рекомендуемыми темами для small talk в англоязычных странах являются следующие темы: путешествия, погода, работа (но не зарплата и другие подобные вопросы, касающиеся денег), происхождение, хобби, увлечения, а также новости, но не касающиеся политики. Что касается тем, которых в беседе следует избегать, американцы утверждают, что опасно говорить о двух вещах: о политике и о религии. В Англии к подобным вопросам относятся также следующие темы: королевская семья, расовые отношения, зарплата/доходы, здоровье, домашние питомцы и Северная Ирландия [6]. В России же многие из этих тем являются наиболее популярными среди образованных людей, когда они собираются вместе по какому-либо поводу.

Итак, существование различных видов этикетных норм и, как следствие этого, неприятие или неодобрение стереотипов поведения, характерных для представителей другой культуры, может создать трудности в общении. В результате, между коммуникантами может возникнуть непонимание (например, при неверной, противоположной интерпретации жестов чужой культуры, не имеющих эквивалентов в родной для реципиента культуре) или у одного из собеседников может сложиться неблагоприятное впечатление о другом (в японской культуре считается недопустимым сидеть, скрестив ноги или вытянув их; а для англичан эта поза – поведенческая норма); общающиеся могут оказаться в состоянии “культурного шока” [4: 156 – 158].

Итак, проведенное нами исследование позволило сделать следующие **выводы**: 1) основной чертой стереотипов является их детерминированность культурой – представления человека о мире формируются под влиянием культурного окружения, в котором он живет; 2) стереотипы разделяет большинство людей, но они могут меняться в зависимости от исторической, международной, а также внутривнутриполитической ситуации в стране; 3) стереотип – это относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд

характеристик (нередко ложных), которые, по мнению большинства людей, свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства, или представителям других наций; 4) в процессе восприятия стереотипов культуры другого народа формируется определенное к ним отношение, чаще всего они воспринимаются как нечто чужое; так возникает конфликт культур – результат несовпадений принятого в своей и чужой для реципиента культуре; 5) столкновение стереотипов, характерных для разных культур, может создать трудности в общении, стать причиной “культурного шока” и, таким образом, привести к непониманию культуры другого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. / Ю.В. Бромлей. – М., 1973. – 284 с.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М., 2001. – 272 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Индрик, 2005. – 1308 с.
5. Вунд В. Проблемы психологии народов / Вильгельм Вунд. – М.: Академический проект, 2010. – 136 с.
6. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. / Н.А. Ерофеев. – М., 1982. – 322 с.
7. Кон И.С. К проблеме национального характера / И.С. Кон. – М., 2001 – 167 с.
8. Кучкина О. Зеленый цвет – цвет надежды национального характера / И.С. Кон. – М., 2001 – 167 с. / О. Кучкина // Сб. Москва – Хельсинки [Сост. Л. В. Карелин]. – М., 1984. – С. 200 – 202.
9. Леонтьев А.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов. – М., 2007. – 352 с.
10. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь / Д.Г. Мальцева. – М.: Астрель, 2001. – 416 с.
11. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В. Павловская // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №1. – 1998. – С.94 – 104.
12. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. – М., 1988. – 192 с.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: [Учеб. пособие] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. — 624 с.
14. Филиппова М.М. Парадоксы и стереотипы межкультурного общения представителей русской и британской культур / М.М.Филиппова // Вестник МГУ. Сер. 9.Филология. – № 3. – 2002. – С.64–82.

15. Binkley R.C. The Common Concept of Public Opinion in the Social Sciences / Robert C. Binkley // Social Forces. – Vol.6. – 1928. – 405 p.
16. Buchanan W., Cantril H. How Nations See Each Other / W. Buchanan W., H. Cantril. – Urbana, 1953. – 205 p.
17. Hornby A.S. Oxford Advanced Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2005. – 1905 p.
18. Katz D., Braly K. Racial Stereotypes in One Hundred College Students / D. Katz, K. Braly // Journal of Abnormal and Social Psychology. – Vol.28. – 1933. – 305 p.
19. Lippman W. Public Opinion / W. Lippman. – New York, 1950. – 156 p.
20. The Longman Dictionary of English Language and Culture. – Addison Wesley Longman, 2008. – 1620 p.

Стаття надійшла до редакції 09.06.2017

УДК 159.99

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

В.Н. Рубский

*Ведущий специалист Центра внеобразовательной деятельности,
кандидат богословских наук, бакалавр философии, ОНМУ
Тел. +38093–840–17–09; email: pavv@te.net.ua*

Статья посвящена наиболее субъективному, и в то же время, наиболее значимому для личности аспекту самореализации. В статье анализируются различные взгляды на проблему активности «Я» в задаче самореализации, сами истоки и постановка этой задачи. Внимание статьи охватывает три главных взгляда на проблему: биологический, социальный и экзистенциальный подходы. Особое внимание обращается на религиозный дискурс разрешения данного вопроса, как антично-средневековый, так и современный. В работе нашли отражение проблемы определения понятия «сознание» в психологии и философии, предложено решение проблемы экзистенциальной самореализации.

Ключевые слова: самореализация, сознание, «Я», паттерн, идентификация, религия, потенциал, физикализм.

Статья посвящена найбільш суб'єктивному, і в той же час, найбільш значимого для особистості аспекту самореалізації. У статті аналізуються різні погляди на проблему активності «Я» в завданні самореалізації, самі витoki і постановка цієї задачі. Увага статті охоплює три головних погляду на проблему: біологічний, соціальний і екзистенціальний підходи. Особлива увага звертається на релігійний дискурс вирішення даного питання, як антично-середньовічний, так і сучасний. У роботі знайшли відображення проблеми визначення поняття «свідомість» в психології та філософії, запропоновано вирішення проблеми екзистенціальної самореалізації.

Ключові слова: самореалізація, свідомість, «Я», патерн, ідентифікація, релігія, потенціал, фізикалізм.

The article is devoted to the most subjective and, at the same time, the most relevant to an individual aspect of self-realization. The article analyses different views on the problem of self-identive activity in the problem of self-realization, the very origin and definition of this problem. The article covers three major approaches: biological, social, and existential. Particular attention is drawn to religious discourse of this issue, both ancient-medieval and modern. The work has reflected the problems of the definition of "consciousness" in psychology and philosophy, as well as has proposed a solution to the problem of existential self-realization.

Key words: self-realization, consciousness, self-identity, pattern, identification, religion, potential, physicalism.

Актуальность темы. Со времён введения термина «самореализация» (self-realisation) в «Словаре по философии и психологии» 1902 года этот термин обрёл неоднозначное звучание в психологии. Чаще всего под этим понимают реализация своих потенциалов. С начала нулевых хлынул поток псевдонаучных и компилятивных книг, статей и брошюр «популярной психологии». Это ещё более размыло это понятие в умах современных читателей. При таком очевидном запросе на темы связанные с самореализацией личности необходим качественный подход к раскрытию экзистенциального аспекта этой темы.

Анализ последних исследований и публикаций выявляет интерес к теме самореализации личности, не прекращающий своего роста и в XXI веке. Об этом свидетельствует как количество публикаций, так и направленность многих диссертационных исследований и научных статей (Ананьев Б.Г., Леонтьев Д.А., Питерская О.В. Анцыферова Л.А., Коростылева Л.А., Кудинов С.И., Крупнов А.И., Галажинский Э.В., Подвысоцкая Е.А. и другие) [1; 3; 4; 10]. Более широко данная тема раскрывается в работах, посвящённых проблеме сознания в целом. Внимание к проблеме сознания характеризуется не только количеством публикуемых статей и монографий, но и растущим размером аудитории. Примером может служить междисциплинарная конференция «Движение к науке о сознании», которая проходит в Тусане с 1996 г. каждый второй год под эгидой центра исследования сознания при университете Аризоны [2; 4].

Проблема сознания и её аспекты не раз обсуждалась с на различных конференциях и украинскими философами-богословами в Киево-Могилянской академии (секция в рамках «Всеукраинского фестиваля науки 2013») и Киевской Духовной академии (конференция «Границы познания» 2012), на философском факультете МГУ, в частности с Д.В.Бугаем, Д.В.Ивановым, А.А.Костиковой, Ю.Р.Селивановым с участием коллег из института философии РАН, прежде всего, Н.С. Юлиной и Д.И.Дубровского.

С каждым годом растёт количество публикаций по данной проблематике. В статье учтены самые последние книги публикации по теме. Монографии: Д. Деннета, В.В. Васильева, Д.Б. Волкова, Н.С.Юлиной и Д. Хофштадера. Книги: Д. Свааба, Д. Казеннова, Р. Докинза, С. Хокинга, А. Маркова, С. Приста, М.Альпера, К. Фритта, С. Харриса, Д. Перебума, Л. Уолперга, Д. Вегнера и др. Научные статьи: Ф. Крика, И.В.Стариковой, В.В. Целищева, Н.С.Юлиной, С.Л. Худиева, Дж. Хогана, Д.И. Дубровского и др.

Выделение нерешённых ранее частей общей проблемы. Несмотря на то, что проблема самореализации достаточно интенсивно разрабатывается в зарубежной философии, социологии, этике и психологии, приходится констатировать, что экзистенциальный её аспект остаётся за рамками анализа. Совместные усилия психологов и философов-экзистенциалистов не привели ни к единой концепции самореализации, ни к раскрытию агента «Я» внутри этого понятия. Отсутствует актуальная концепция самореализации как экзистенциального процесса. Для большинства философских школ от Сократа до Сковороды самореализации сводится к аутентичности самому себе. Но что значит «Я» в этом «себе»? разные системы мышления дают различные ответы. **Целью данной статьи** является выделение фундаментальной категории «Я» как действующего агента в субъективном акте самореализации личности.

Изложение основного материала. Самореализация не является объективным феноменом, который можно было бы наблюдать непосредственно как таковой. Нам остаётся лишь анализ продуктов реализации потенциалов принятых в культуре или апелляция к субъективной оценке агента реализации, отраженные в его психике. Неоднозначность объективной оценки явна в отношении к лицам, которых А.Маслоу выделил как эталонные образцы самореализации [8]. Один пример больного, презираемого и рано умершего Б.Спинозы уже достаточно амбивалентен в качестве образца самореализации. По этой причине эксплицировано или имплицитно проблематика самореализации сводится к тому, что индивиду предписывается реализовать проекты общества, клана, семьи и т.п. и идентифицировать их как свои. Каждому конкретному «я», так или иначе, навязывается сценарий его самореализации, что уже в постановке цели предполагает утерю «само» в проекте реализации личности. Наиболее прогрессивный подход к проблеме реализации «я» в жизненном пространстве личности предложен в «полисистемной модели» С.И. Кудинова и А.И. Крупнова [4: 32]. Но чаще этот аспект решается подменой проблематики. Например, сведением понятия к теории идентичности Э. Эриксона, психологической стратегии «субъекта жизненного пути» в теории личности К.А. Абульхановой, понятия «активности» в теории Л.И. Божович или концепцией персонализации А.В. Петровского. Но все эти конструкции реализации

личности, при всех их достоинствах, не решают проблемы реализации самого агента активности как такового («Я»). Биологический подход в психологии, представленный, например, С.Д. Дерябо, В.А. Левиным, В.И. Пановым, Р.А. Зобовым и др. выделяет как решающие такие два фактора: экологический (некачественная питьевая вода, радиация, шум, воздух и т.п.) и биологический (генные параметры, наследственные болезни, детские травмы и т.п.). Психологами данного направления это выделяется как кардинальные послышки успешности самореализации субъекта. Также на психическое становление процесса самореализации личности, наравне с другими негативными факторами, отрицательно влияет снижение жизненного тонуса и уровня психологической активности. Нельзя не согласиться с вышеперечисленными авторами, в том, что некоторая стагнация в процессе самоидентификации может быть вызвана вполне биологическими причинами. Однако, и стечение благоприятных внешних социальных и экологических условий, наличие здорового организма не обеспечивает самореализации субъекта. И наоборот: шаткое здоровье и трудные условия жизни многих выдающихся людей, как кажется, только содействовали прогрессу личностного роста в реализации интеллектуальных и духовных потенциалов. Античное и средневековое понимание личности традиционно вписывало проблему субъективной активности «Я» в систему координат внешних предписаний в рамках религиозного патернализма. В качестве примера можно рассмотреть сквозную по отношению к эпохам последних двух тысячелетий евангельскую притчу о талантах. Как архитипическая, она получила своё отражение во всех сферах гуманитарной мысли: в искусстве, богословии, философии и психологии. Её краткое содержание в следующем: *«Человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение своё: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошёл, употребил их в дело и приобрёл другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрёл другие два; получивший же один талант пошёл и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчёта...»*. В результате, последний раб был наказан, так как понял свою задачу неверно (Мф. 25, 14-29). Здесь характерен иерархический волюнтаризм и отсутствие собственной мотивации для реализации своих потенциалов со стороны «талантливых» агентов. Валентность их действий регулируется извне (свыше), сами же они видят свою активность как продолжение чужой воли. Господин раздаёт значения поведенческих линий, так как для самого человека они не очевидны. Эта модель скорее нивелирует индивидуальность субъекта, нежели раскрывает его. «Я» остаётся только инструментом выполнения поставленных задач.

Та же проблема и при реализации социальных задач и проектов: стать достойным членом общества и т.п. Все эти предписания Супер-Эго создают условия, в которых само «я» как уникальное явление остаётся никем не востребованным, и его роль сводится к удачному/неудачному осуществлению извне навязанного проекта жизни и самосознания.

Изучение структуры опыта сознания в рамках физикалистских направлений психологии на условиях закономерно вышло на уровень отрицания «Я», или как минимум, проблематизировало его статус. Психологи и философы нейробиологического направления отстаивают истину, это – традиционная канва научных поисков. Но картина мира, которую продвигают их книги, не нуждается в этой категории. Потому, что в нейробиологическом измерении человека истина не имеет преимущества перед переживанием лжи как истины [12: 271–273]. Клайв Льюис, рассуждая об этом, заметил: «Строгий материализм опровергает сам себя по причине, о которой давно сказал профессор Холдейн: "Если мои мыслительные процессы полностью обусловлены поведением атомов моего же мозга, у меня нет оснований доверять своим мнениям"» [7: 25].

Эволюционизм в теории сознания представлен как научный модификат для научного и философского обоснования структуры «Я». Его функционалистская трактовка, например в теории Д. Деннета, кардинально меняет терминологический (вербальный) и ментальный (интроспективный) словарь человеческого сознания. А выводы теории сознания на базе материализма настолько кардинальны, что их невозможно принять на уровне практики: оттого, что человек осознал, что акты его «Я» и его авторство это – иллюзия, делать практические выводы невозможно. Например, Джон Хорган (John. Horgan) в статье “Losing Faith in Free Will”, придя к заключению «настоящая свобода приходит от приятия, что свободы не существует» [13] растерялся в дальнейших рекомендациях к жизни.

Нерелигиозный дискурс не предоставляет индивиду объективных приоритетов того, *что именно* ему должно реализовывать из арсенала своих способностей? И свобода в этом отношении сводится к выбору референтности как сферы подчинения своего «Я» одному из потенциалов или социальных ролей (муж, профессионал, боец и т.п.). Все животные варианты самореализации (размножение, безопасность, комфорт и т.п.) не нуждаются в специфически человеческом «Я». В этом случае, оно сводится к координирующему центру обработки информации (теория Д. Чалмерса), который есть и у рыб и насекомых. Например, если размножение мошек есть акт их самореализации, то то же размножение людей выносит за скобки вопрос об осуществлении и актуализации человеческого «Я» как такового.

В натуралистских моделях «Я» всегда окажется направленным на обслуживание интересов телесности и социальности. Таким образом, подчинённость экзистенциального «Я» природе делает его уникальность

нереализованной. С проблемой самореализации личности тесно связана задача самоидентификации. Необходимость социальной адаптации-индивидуализации-интеграции (по схеме А.В. Петровского) приводит субъекта к социальным моделям и архетипам (воин, мать, мудрец и т.п.), т.е. возвращают нас к внешним типам реализации, которые не нуждаются в уникальном «Я», и имплицитно отрицают его. Реализовать сознание своего «Я» значит реализовать его ценность безотносительно успеха реализации инстинктов. Как известно, люди идентифицируют друг друга внешними параметрами (каузальная атрибуция). Сам механизм восприятия человека человеком не достигает глубины восприятия «Я» другого индивидуума, т.к. психическим инструментом восприятия являются: гало-эффект, эффект эмпатии, стереотипизации, а также социальной идентификации и референции. И, так как представление о другом человеке формируется на основе уровня собственного самосознания, то любая классическая модель социальной самореализации оказывается не нуждающейся в восприятии другого «Я». Другой сводится к его качествам и параметрам: выгодным или невыгодным. И если референтный или аттрактивный объект выходит за рамки интерпретации субъектом причин и мотивов его поведения (например, действует против субъекта: предаёт, презирает и т.п.), то он теряет свой статус (друг/герой/идеал). И так как атрибутивные процессы составляют основное содержание межличностного восприятия субъектов, то индивидуальное «Я» отождествляется с физическими и психологическими чертами. В этом контексте дружба с животными и людьми вполне взаимозаменяемы.

Выводы из данного исследования. В рамках секулярных моделей самореализации в гуманистической психологии сознания не разработаны этические следствия приятия физикализма в антропологии. Не дана картина экзистенциальной саморефлексии «Я» при приятии нейробиологически редуцированной картины мира. Остаются нераскрытыми следствия эпифеноменализма сознания такие как: отсутствие авторства, свободы воли и категории субъекта мышления. Необходим контекст, где бы «Я» было воспринято как полноценный феномен, а не как приложение к программе реализации каких-либо проектов. Остаётся только религиозный дискурс, где обращённость к Богу есть та специфика, которая делает наличие «Я» существенным (С.Кьеркегор, Н.Бердяев, А.Блум). Можно априорно отрицать опыт этого предстояния, но только он делает уникальность «Я» имеющим практическое применение в жизни. Только пред Богом «Я» реализуется как таковое, а не как часть задач животного мира.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении воскрешают перед нами задачу, поставленную ещё в начале XX века Х. Плеснером, А. Геленом, К. Юнгом и М. Шелером, о научном соединении всех школ изучения человека, создании цельной антропологической

картины, не нуждающейся в исключении ненаучных феноменов интроспекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2016. – 288 с.
2. Волков Д.Б. Теория сознания Д. Деннета: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 09.00.03 / Дмитрий Борисович Волков. – М.: Гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008. – 22 с.
3. Коростылёва Л.А. Психология самореализации личности / Л.А. Коростылева. – СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
4. Кудинов С.И., Крупнов А.И. Системная модель самореализации личности / С.И. Кудинов, А.И. Крупнов // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. – №1. – 2008. – С. 28-36.
5. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия / Т.А. Кузьмина. – М.: Канон+, 2014. – 352 с.
6. Кулик Н.Л. Самореализация личности как философская проблема: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Н.Л. Кулик. – Киев, 1992. – 215 с.
7. Льюис К.С. Чудо / К.С. Льюис / Пер. Н.Трауберг. – М., 2008. – 288 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб., 2007. – 352 с.
9. Маслоу А., Мэй Р., Оллпорт Г., Роджерс К. Экзистенциальная психология / А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Оллпорт, К. Роджерс. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005. – 160 с.
10. Подвысоцкая Е.А. Генезис понятия «самореализация личности» в европейской философской мысли / Е.А. Подвысоцкая // Актуальні проблеми філософії та соціології, 2015, № 04/19. – сс. 119-121.
11. Фромм Э. Человек для себя / Эрих Фромм. – М., 2016. – 320 с.
12. Alper M. The “God”. Part of the brain. A scientific interpretation of human spirituality and God / M. Alper. – Chicago: Sourcebooks, 2006. – 290 p.
13. Horgan J. Losing Faith in Free Will / J. Horgan [Electronic Resource]. – Mode access: <http://www.naturalism.org/horgan.htm#losingfaith>

Стаття надійшла до редакції 05.05.2017

**СТРУКТУРА ИНТРОСПЕКТИВНОГО ОПЫТА СОЗНАНИЯ В
ТЕОРИИ Д. ДЕННЕТА**

В.Н. Рубский

*Ведущий специалист Центра внеобразовательной деятельности,
кандидат богословских наук, бакалавр философии, ОНМУ*

Тел. +38093-840-17-09; email: ravv@te.net.ua

В статье рассмотрена актуальная проблема структуры опыта в рамках натуралистических моделей сознания. В работе дан анализ теории современного известного учёного-когнитивиста Д. Деннета, обозначены полемические аспекты его концепции и внутренняя валентность физикалистского направления исследований. Даны общие следствия основных положений материалистических теорий сознания. Автор обращает внимание на материалистический подход в современной психологии, философии сознания и когнитивистике и его трудности на пути создания научной модели природы человеческого «Я».

Ключевые слова: сознание, физикализм, свобода воли, бихевиоризм, когнитивистика, нейробиология, эпифеномен, функционализм, интенциональность.

У статті розглянута актуальна проблема структури досвіду в рамках натуралістичних моделей свідомості. У роботі дано аналіз теорії сучасного відомого вченого-когнітивіста Д. Деннета, позначені полемічні аспекти його концепції і внутрішня валентність фізикалістського напрямку досліджень. Дано загальні слідства основних положень матеріалістичних теорій свідомості. Автор звертає увагу на матеріалістичний підхід в сучасній психології, філософії свідомості і когнітивістики і його труднощі на шляху створення наукової моделі природи людського «Я».

Ключові слова: свідомість, фізикалізм, свобода волі, біхевіоризм, когнітивістика, нейробиологія, епіфеномен, функціоналізм, інтенціональність.

The article deals with the actual problem of the structure of experience within the framework of naturalistic models of consciousness. The paper analyzes the theory of well-known contemporary cognitive scientist D. Dennett, outlines the polemical aspects of his concept and the internal valence of physicalist direction of the research. The general consequences of the main provisions of materialistic theories of consciousness are given. The author draws attention to the materialistic approach in contemporary psychology, philosophy of

consciousness and cognitive science and its difficulties on the way of creating a scientific model of nature of human self-identity.

Key words: consciousness, physicalism, free will, behaviorism, cognitivism, neurobiology, epiphenomenon, functionalism, intentionality.

1. Становление физикализма в теориях сознания.

Во второй половине XX века начался философский и научно-экспериментальный поиск специфических структур мозга и его функционирования в соотношении с религиозным или мистическим опытом. Такие известные учёные как директор Исследовательского центра высшей нервной деятельности доктор Вилейяну Рамачандран и Майкл Персингер (в своей работе “The sensed presence within experimental settings: implications for the male and female concept of self”) неоднократно высказывались в пользу прямой зависимости религиозного опыта от височной доли мозга [9: 147]. В том же ключе описывали опыт «Я» физикалисты «первой» и «второй волны» такие как Б. Скиннер, Р. Карнап, У. Селларс, У. Куайн, Г. Фейгл, Дж.Дж. Смарт, Д. Армстронг и др. [18: 161]. В эти годы набирают популярность такие научные направления, как neurotheology и эволюционное религиоведение – изучение участков мозга, ответственных за религиозные переживания. Основная посылка обоих направлений: «Я» — продукт эволюционного развития человеческого мышления. Дин Хеймер открыл ген спиритуальности. Он описал это в книге «The God Gen: how faith is hardwired into our genes» (2004) [10: 249]. Также обнаружился участок «атеизма» в задней нижней части левой и правой теменных долей. А в 2010 году Итальянские нейробиологи установили, что у людей, которые в результате операции лишились этого участка мозга, заметно возрастает склонность к религиозным переживаниям [10: 251].

Актуальность темы. Рост внимания к проблеме сознания характеризуется не только количеством публикуемых статей и монографий, но и растущим размером аудитории. Примером может служить междисциплинарная конференция «Движение к науке о сознании», которая проходит в Тусане с 1996г. каждый второй год под эгидой центра исследования сознания при университете Аризоны [3]. Проблема психологии сознания и её аспекты не раз обсуждалась с на различных конференциях и украинскими философами-богословами в Киево-Могилянской академии (секция в рамках «Всеукраинского фестиваля науки 2013») и Киевской Духовной академии (конференция «Границы познания» 2012), на философском факультете МГУ, в частности с Д.В. Бугаевым, Д.В. Ивановым, А.А.Костиковой, Ю.Р.Селивановым с участием коллег из института философии РАН, прежде всего, Н.С. Юлиной и Д.И.Дубровского.

Анализ последних исследований и публикаций. Степень научной разработанности проблемы сознания насчитывает несколько десятилетий

обсуждения в научных и философских кругах, ряд монографий, диссертаций и научных статей и публикаций на эту тему. Количество работ по проблеме сознания растёт с каждым годом. В работе взят ориентир на самые последние книги публикации по теме. Монографии: Д. Деннета, В.В. Васильева, Д.Б. Волкова, Н.С.Юлиной и Д. Хофштадера. Книги: Д. Свааба, Д. Казеннова, Р. Докинза, С. Хокинга, А. Маркова, С. Приста, М.Альпера, К. Фритта, С. Харриса, Д. Перебума, Л. Уолперта, Д. Вегнера и др. Научные статьи: Ф. Крика, И.В.Стариковой, В.В. Целищева, Н.С.Юлиной, Г. Рогоняна, С.Л. Худиева, Дж. Хогана, Д.И. Дубровского и др.

Тем не менее, учёное сообщество психологов и философов не пришло к твёрдому основанию даже основных посылок интроспективного опыта сознания и его структуры. Именно о них разгорелись главные дискуссии: свобода воли, эпифеноменализм сознания, статус «квалия» в когнитивных процессах мозга и т.п. **Целью данной статьи** является, выявление логически цельной теории психологии опыта интроспективного «я» и проблем его научного осмысления. **Задачи исследования:** 1) провести анализ концепции сознания Д. Деннета, в качестве наиболее значимой в данной области исследований. Выделить её внутреннюю целостность и конфликтность; 2) выявить полемические аспекты теоретической системы опыта «я» в (mind-body problem).

1.1. Общий контекст когнитивных исследований.

Материалистическая психология последних десятилетий воспроизводит стратегические установки бихевиоризма Д. Уотсона и наиболее значимые работы когнитивного направления психологии У. Найссера и Д. Бродбентуи, основные идеи которых были продолжены в трудах таких необихевиористов как: Э. Толмен, Д. Миллер и К. Прибрамаи и др. Параллельно в области философской школы сознания в 50-70-х годах прошлого века те же идеи развивали: Г. Фейгл, Дж. Сمارт, Д. Армстронг, П. Фейерабенд и др. Особенно ярко был представлен метод «элиминативного материализма» у раннего Р. Рорти [2:114]. Последние стремились покончить с «чужеродностью» ментального в научной картине мира, редуцировать ментальное к физическому. До настоящего времени эту стратегию продолжает Даниел Деннет. Свою задачу он видит в том, чтобы феномены сознания объяснить в терминах интенциональности, с привлечением естественнонаучных представлений из эволюционной теории. В отличие от большинства «научных материалистов», которые выступали с позиций радикального физикализма, Деннет пытается осуществить программу редукции с позиций функционализма, используя известные теоретические результаты Тьюринга (“Turing machine functionalism”). С этой целью он предлагает свой «гетерофеноменологический метод», который, по его словам, позволяет преодолеть иллюзорность аутофеноменологии, объяснить сознание без ментального, чисто экстерналистским способом (объективно).

Основная идея Деннета – *компатибилистская* концепция свободы воли и *холистическая/функционалистская* модель сознания. Он предлагает двухступенчатую модель принятия решений в противовес либертарианским взглядам. «Сознание является лингвистическим, что характерно для бихевиористской холистической теории сознания, сторонником которой является Деннет. С его точки зрения, мозг является синтаксической машиной, которая подражает способностям семантической машины» [15].

В своей изначальной диссертации «Content and Consciousness» (1969) он разделяет проблему объяснения разума на необходимость в теории содержания и теории сознания. Позднее он собрал сборник эссе на тему содержания в “The Intentional Stance” и представил свои «наброски решения» [21: 15] о сознании в “Consciousness Explained”. На ту же тему вышли сборники “Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology” (1978). “Elbow Room: the Varieties of Free Will Worth Wanting” (1984).

Уже в “Consciousness Explained” замечен интерес Деннета к возможности объяснить при помощи эволюции некоторые особенности сознания, что впоследствии стало заметной частью его работ. Он также представляет аргументы против существования *квалиа*, при этом отмечая, что эта концепция настолько запутана, что не может быть понята в какой-либо непротиворечивой форме, и поэтому не может служить как опровержение физикализма. По его убеждению, надо «дисквалифицировать квалиа», ибо таких объектов нет в природе [21: 45]. Не существует никакого прямого, непосредственно данного мне знания о моих субъективных состояниях (боли, звуковых или зрительных ощущениях и т.п.). Нет никакого различия между переживаемым в опыте субъективным феноменом и лингвистически оформленной мыслью об этом феномене.

1.2. Человек и животные, общие начала сознания.

Деннет отвергает традиционные положения феноменологии, настаивающей на данности сознания самому себе. Для Деннета сознание – это заданный извне способ описания, говорить о субстанциональности или основе которого не имеет смысла. Аутофеноменология, пишет Деннет, «ведёт к искушению: искушению рассматривать наши убеждения от первого лица не в качестве данностей, а в качестве непреложной истины» [22: 113]. Именно поэтому теория Деннета, получившая название «*гетерофеноменология*», позволяет нам рассуждать о ментальных состояниях не только людей, но даже предметов: так, кофейный аппарат может «стремиться» закончить свою работу, выполнив заданную программу. В связи с этим Деннет исследует логико-семантические аспекты предложений с «интенциональными идиомами». Согласно Деннету, ментальные понятия “*folk-psychology*” (народной психологии) могут не соответствовать никакому актуальному физическому или функциональному

состоянию организма, однако, они имеют важный нормативный характер и связаны с нашим осознанием себя как личностей и моральных субъектов.

По мнению Деннета, часто встречаемое в обыденной жизни приписывание ментальных предикатов животным и неодушевленным предметам не является категориальной ошибкой, напротив, оно позволяет по-новому взглянуть на функционирование ментального словаря, который именно в своих крайних и «метафорических» формах применения обнаруживает свою независимость от решения научных вопросов о фундаменте и субстрате сознания. Учёный считает верным противоположное представление: убеждения и желания у человека имеют иную физическую «подкладку», чем у клеток и вычислительных машин. В этом смысле позволительно произносить о различных типах сознания, присущих различным существам. Иметь ментальные состояния – ещё не значит обладать сознанием. Даже если кровяные тельца «верят» и «желают», это отнюдь не означает, что они делают это сознательно. Чтобы иметь сознание, необходимо обладать способностью «репрезентировать» собственные ментальные состояния. Способность к конструированию таких репрезентаций «второго порядка» узко связана со способностью к языку. Существа, не имеющие в своём распоряжении языка, не имеют и сознания.

Однако условность употребления понятия «сознание» в концепции Деннета очевидна. Её природа, будет показано ниже, не обладает свободой мышления. «Моя основополагающая стратегия всегда оставалась неизменной: сначала разработать объяснение контента как чего-то независимого и более фундаментального, чем сознание, – писал Деннет в «Объяснённом сознании», – а затем построить на этой базе объяснение сознания. Сначала контент, затем сознание» [21: 457].

1.3. Функционалистская трактовка сознания.

Деннет предложил функционалистскую трактовку сознания как третий путь между жестким монизмом и детерминизмом физикализма, с одной стороны, и ментализмом и дуализмом – с другой. Функционализм очень близок бихевиоризму, но «отличие состоит в том, что, характеризуя ментальные состояния с точки зрения выполняемых ролей, функционализм приписывает им каузальную действенность в инициации поведения, а специфика функции ставится в зависимость от типа каузальной роли в сознательном процессе» [18: 158]. Используя компьютерную аналогию, Деннет утверждает, что функциональные отношения психологических состояний в принципе могут быть актуализированы в разных физических структурах – в человеческом теле, «твёрдой» программе компьютера и др. Как и при описании работы компьютерной программы, эти отношения можно описывать на нейтральном языке, не являющемся ни физикалистским, ни менталистским.

В отличие от теории Чалмерса, позиции Серла, позиции Пенроуза, Льюиса и некоторых других философов, занимающихся проблемой сознания [17: 98], Деннет последовательно сохраняет верность монистической онтологии, и методам объективных исследований. Поэтому он предложил элиминировать понятие «квалиа» из языка описания сознания как «колесо, которое не крутится», а только толкает к дуализму.

1.4. Ментальный словарь.

Рассмотрение вопроса о сущности ментального и о его роли в нашем описании действительности должно, с точки зрения Деннета, начинаться с анализа так называемого «ментального словаря», то есть той части нашего естественного языка, которая включает такие «сущности», как «верования», «убеждения», «желания» и т.п., их несводимости к физикалистскому языку описания внешнего поведения, а также к языку нейрофизиологических процессов. «При этом Деннет, пользуясь разделяемой большинством представителей англо-американской философии теорией «языковых игр» Витгенштейна, подчеркивает включённость ментальных терминов в определённые практики, которые не могут быть выведены из игры путем того или иного «научного» описания действительности» [14: 301]. Деннет во многих своих работах всячески подчеркивает определенную автономию ментального словаря. «Термины ментального словаря не допускают прямого перевода в слова о конкретных физических состояниях мозга. Ментальные состояния напоминают, скорее, абстрактные центры гравитации или векторы сил. Но хотя сам Деннет придавал большое значение этой детали, оно не очевидно для тех, кто знакомится с его системой, особенно если при анализе опираются на его ранние или, наоборот, некоторые недавние работы» [1: 107].

1.5. Интенциональность.

Главное понятие любого ментального описания – интенциональность, которая появляется как способ задать поведение того или иного объекта, приписав ему способность «выбирать» определённую цель, двигаться по направлению к достижению этой цели, решать попутные проблемы и т.п. Описываемый таким образом объект Деннет называет «интенциональной системой». «Интенциональной является система, поведение которой может (по крайней мере иногда) объясняться и предсказываться на основе приписывания ей представлений (beliefs) и желаний (desires) – а также других интенциональных состояний, которые далее я буду называть просто интенциями, имея в виду надежды, страхи, намерения, восприятия, ожидания, и т.д.» [6: 139]. В отличие от ряда исследователей, например, Д. Сёрла, Деннет полагает, что интенциональность является более фундаментальным понятием по сравнению с понятием сознания [21: 457].

Сборник «Мозговые штурмы: философские эссе о сознании и психологии» (1978) Д. Деннет открывает статьёй «Интенциональные

системы», в которой формулируется наиболее общий подход к вопросу о содержании интенциональной установки. Позже Деннет не раз будет обращаться к этой теме, подчеркивая, что теория интенциональной установки является фундаментом всей его философии. Он стремится поставить точку в объяснении сознания, дать обоснование того, что, кроме интенциональности и когнитивных, функциональных состояний в феномене больше ничего нет. В книге “The Intentional Stance” (1987) Деннет развивает оригинальную концепцию интенциональности. В отличие от философов, считающих интенциональность внутренним свойством организма, а верования и желания – её отражением, он утверждает, что принятие интенциональной установки (intentional stance) заключается в рассмотрении некоторого сложного агента (человека, животного или компьютера) как действующего в соответствии с интенциональным образцом. «Интенциональная установка, – пишет Д. Деннет в «Видах психики», – это такая стратегия интерпретации поведения объекта (человека, животного, артефакта, чего угодно), когда его воспринимают так, как если бы он был рациональным агентом, который при «выборе» «действий» руководствуется своими «верованиями» и «желаниями». Эти термины в кавычках (примененные здесь с натяжкой) позаимствованы из того, что обычно называют «народной психологией»» [5: 33].

1.6. Эволюционизм в теории сознания Д. Деннета.

С 1990-х годов Деннет возвращается к рассмотрению своих ранних идей с точки зрения эволюции, в которой он придерживается строгого *адапционизма*. Дарвиновская идея эволюции предстает у Деннета в обновлённом варианте. Однако, как и всякое понятие эволюции, она опирается на телеологию блага, на представление о прогрессе познавательных способностей. Это, несомненно, является слабым местом теории, поскольку в отношении жизни критерии для определения того, что является лучшим, часто имеют очень ограниченное применение.

Необходимо отметить радикальность деннетовской теории эволюции сознания. Эта радикальность особенно проявилась с публикацией его широко известной книги “Consciousness Explained” (1991). Деннетовская цель в этой книге – демистификация сознания и создание последовательной материалистической теории или, по крайней мере, создание базовой структуры, в рамках которой наука могла бы осуществить этот проект. Опорной базой для структуризации опыта «Я» представлена авторски модифицированная теория Ч. Дарвина. В книге “Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life” (1995), “Kinds of Mind” (1996) он стремится доказать свою идею сознания дарвиновской теорией адапционизма, рассматривая структуры интенциональности как особые случаи природного устройства. Языковой инстинкт, присущий людям, позволяет им передавать или декодировать различные культурные

технологии и достигать качественно нового уровня насыщения информационной среды их нейронных потоков. В плане эволюции Деннет называет людей «грегорийскими созданиями» (по имени психолога Р. Грегори) [23: 371]. Основная проблематичность эволюционной теории Деннета заключается в том, что приписывание интенциональности объекту означает возможность манипулировать другим в конкурентной борьбе за лучшее просчитывание будущего. И в то же время, именно конкуренция с другим, одержимость его мыслями и желаниями, а главное, знаковая среда, в которой эта борьба разворачивается, предшествуют любому представлению индивида о будущем, которое, как считает Деннет, является решающим фактором в эволюции сознания. «К тому же, чтобы «просчитать» другого, – отмечает Гаррис Рогонян, – надо всегда уже «посчитать» и себя, точнее, «быть посчитанным», что и будет свидетельством нашей включенности в знаковую среду. Но вот откуда берётся эта знаковая среда и ее бесконечно продолжающийся счет, Деннет не объясняет, говоря только о том, что надо дожидаться соответствующего усложнения среды в ходе адаптации к ней [12: 61]. Эпифеноменализм противоречит принципам эволюции. Для решения задач выживания вида нет необходимости в рациональной иллюзии свободного «Я». Практичнее действовать без эпифеномена «авторства» или «воли».

1.7. Модель Множественных Набросков. Денет критикует декартовское представление о Самости, породившее «дефективный набор картезианских метафор» [2: 233] и неоправданное доверие к собственной интуиции. Некой реальности в виде «Главного Режиссера» или «Главного Редактора» на самом деле не существует, это эпифеномен, иллюзия [21: 433-434]. Деннет полагает, что картезианское представление о схватывании сознания в целом, является метафорическим побочным продуктом работы мозга по совершенствованию чувствительности мозга к значениям лингвистических единиц. Здесь Деннет выбирает говорить о возникновении интенциональности не как свойстве существ, обладающих сознанием, а как о свойстве структур, которым можно приписать сознание.

Отбрасывая картезианский постулат об особой духовной субстанции, автор призывает нас отбросить и тезис о реальном существовании ментальных явлений. Этот тезис, всё же, представляется поспешным, т.к. между феноменологией Декарта и полаганием духовной субстанции нет необходимой логической связи. После того, как своеобразный функционализм обоснован как телеофункционализм, а объект, «сознание», преобразован в предмет исследования – гетерофеноменологический мир субъекта, Деннет представляет свою компьютерную модель сознающего организма – Модель Множественных Набросков. С точки зрения автора эта архитектура стоит за феноменом сознания и может объяснить все без исключения удивительные способности человеческого мозга.

Согласно «Модели Множественных Набросков» (Multiple Drafts Model) не существует единственного центра – «самости», собирающей сигналы и превращающей их в осознанные образы: ментальная активность в мозге осуществляется в виде параллельных и перекрещивающихся процессов выбора, ревизии и интерпретации получаемой чувственной информации. При этом создается видимость единого «Я», его постоянства и самотворчества [16: 194].

1.8. Свобода воли в теории сознания. Вопрос о свободе воли напрямую связан с ментальной каузальностью. По мнению некоторых исследователей, эта проблема является ахиллесовой пятой аналитической философии [3: 8]. ТК темам свободы воли и причин возникновения религиозной приверженности учёный возвращается почти в каждой своей публикации последних 20 лет. Книга “Freedom Evolves” (2003) [24] является попыткой объяснить как свобода воли может сочетаться с натуралистически объяснённым сознанием, а в книге “Breaking the Spell” (2006) Деннет исследует возможные варианты эволюции религиозного опыта, а также приходит к отрицанию свободы воли в религиозном понимании, т.е. реальной свободы мышления. Дэниел Денет пишет об этом так: «Свободная воля – это не способность делать что-то, но способность знать, что делается от вашего имени. Хотя в строго физическом смысле наши акции предопределены, мы можем иметь свободную волю в том смысле, что мы можем действовать без внешнего принуждения – но у нас нет ненужной и невозможной свободы от материальной причинности» [20: 32].

В том же ключе выдержана книга Дика Франса Свааба (Dick Frans Swaab) основателя нидерландского банка мозга, директора института Исследований мозга “We Are Our Brains: A Neurobiography of the Brain, from the Womb to Alzheimer’s” (в русс. пер. – «Мы – это наш мозг») [30]. Тема полной иллюзорности свободы воли человека раскрыта им в главе 17 «Свободная воли – приятная иллюзия». По убеждению учёного-когнитивиста смысла бытия нет: «Жизнь случайно возникла и эволюционировала и не имеет никакой цели» [30: 150]. И даже религия есть часть эволюционного прогресса: «В нашем мозге имеется особая система зеркальных нейронов. От поколения к поколению передаются и укореняются в наших мозгах религиозные представления» [30: 235].

Книга Кристофера Фритта (Christopher Donald Frith) “Making up the mind. How the brain creates our mental world” (2010) (Мозг и душа. Как физиология формирует наш внутренний мир) [27] имеет сходный набор тезисов и выводов: «Мы воспринимаем себя как деятелей, обладающих независимым сознанием. В этом и состоит последняя иллюзия, создаваемая нашим мозгом» [27: 184]. В 2012 году вышла книга Сэма Харриса (Sam Harris) “Free Will” (Свобода воли) [28]. Эта книга была включена Томом Батлер-Боудоном в число «50 великих книг по философии». «Это –

прекрасное противоядие, как говорит Пауль Блум, против этой бестолковой и социально злокачественной иллюзии [свободы воли]», – писал о книге Харриса Даниэл Деннет, опубликовав на неё свою рецензию в этом году [25]. Харрис ссылается на эксперименты, демонстрирующие, что наша неврологическая структура фактически заставляет нас верить в иллюзию свободы поступков. Но автор убеждает нас, что наши мысли и поступки являются прямым результатом неврологических состояний нашего мозга. «У нас нет свободы, которую думаем, что имеем» [Harris: 5]. «Чтобы понять это, нужно осознать, что не мы авторы мыслей и действий» [там же: 13]. Вышедшая в 2014 году книга года Дмитрия Казеннова «Жизнь без Бога» [8] также обращается и к нейробиологии мозга. Это направление рассуждений приводит автора к эпифеноменализму «Я» и иллюзорности его свободы. «Всё то, что мы называем нашими чувствами или сознанием, является на самом деле лишь содержимым нашего мозга» [8: 335]. «Физикализму нет альтернативы» [8: 336].

2. Основные возражения.

Крайняя редукционистская установка Деннета подвергалась серьёзной критике со стороны ряда представителей аналитической философии. Например, М. Локвуд [29], Т. Нагель [11], Дж. Сёрл [13], и другие учёные справедливо подчёркивали, что объяснение ментальных феноменов сознания и самого его феномена цельности, не должно сводится к обязательной редукции явлений сознания к чему-то такому, что им не является. «Деннет не исследует вопрос о связи онтологии и феноменологии, не даёт чёткого анализа оснований своей онтологии, т.е. того, к чему редуцируется ментальное (лингвистический отчёт, когнитивное содержание и функциональное отношение), не замечает, что эти основания сами предполагают учёт ментального», – замечает Д.И.Дубровский [7: 189]. Онтология сознания Деннета содержит в себе классический когнитивный круг: любое рассуждение об устройстве нервной системы предполагает, что мы согласились с правдивостью выводов нашего сознания об этом, доверились его способности рассуждать. Следовательно, отрицание способности делать ментальные выводы основаны на их утверждении.

Впрочем, бихевиоризм Деннета разительно отличается, например, от бихевиоризма Скиннера и Куайна, отрицавших вовсе любые внутренние содержания [4: 197]. Деннет не отрицает контент, не отрицает ментальные сущности, но сводит их к предрасположенностям, к объективным моделям реакции, шаблонам поведения. Этот научный модификт сам автор называет «функционализмом виртуальной машины» [26: 921] или «семиотическим материализмом» [21: 411].

Выводы данного исследования. Концепция Деннета вполне целостна и может служить моделью структуры сознания, если основной идеей этой теории представить интенциональность. Данная теория может

характеризоваться как физикалистская (натуралистическая). Её специфика в соединении функционализма и бихевиоризма. Тем не менее, часть концепции Деннета представляется неверифицируемой, например, когнитивная «Модель Множественных Набросков» и эволюционная составляющая теории. Также в рамках материалистической психологии сознания не разработаны этические следствия приятия физикализма в антропологии. Не дана картина экзистенциальной саморефлексии «Я» при приятии нейробиологически редуцированной картины мира. Остаются нераскрытыми следствия эпифеноменализма сознания такие как: отсутствие авторства, свободы воли и категории субъекта мышления.

В перспективах дальнейших исследований в данном направлении важно отметить ту тенденцию, что при изучении структуры опыта сознания на условиях физикализма теоретические построения непременно приходят к восприятию сознания «Я» как эпифеномена. В эпистемологическом плане, отстаивание данного положения как истины входит в противоречие с той картиной мира, которую продвигают психологи и когнитивисты данного направления. Она не нуждается в категории истины и имплицитно отрицает её, так как в нейробиологическом измерении человека «истина» есть обозначение одного из горизонтально градированных переживаний [19: 270–79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.В. Трудная проблема сознания / В.В. Васильев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 269 с.
2. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д.Б. Волков. – М.: Либроком, 2012. – 320 с.
3. Волков Д.Б. Теория сознания Д. Деннета: автореф. дис. ... канд. фил. наук.: 09.00.03 / Дмитрий Борисович Волков; М.: Гос. ун-т им. М.Ломоносова, 2008. – 22 с.
4. Деннет Д. Как исследовать человеческое сознание эмпирически / Д. Деннет // История философии. – Вып. 12. – М., 2005. – С. 196 – 200.
5. Деннет Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. Деннет / Пер. А. Веретенникова. Под ред. Л.Б. Макеевой. – М., 2004. – 184 с.
6. Деннет Д. Условия присутствия личности // Логос. – № 2. – 2003. – С.135 – 153.
7. Дубровский Д.И. В театре Дниела Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) / Д.И. Дубровский // Философия сознания: история и современность. Материалы научной конференции, посвященной памяти проф. МГУ А. Грязнова (1948 – 2001). – М., 2003. – С. 185 – 201.
8. Казеннов Д. Жизнь без бога / Д. Казеннов. – М.: Эксмо, 2014. – 473 с.
9. Кирьянов Д. прот. Нейронаука и богословие // Труды Тобольской духовной семинарии. – Вып. 2. – Тобольск, 2011. – С. 145–155.

10. Марков А.В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? / А.В. Марков // Историческая психология и социология истории. – № 1. – 2009. – С. 45 – 56.
11. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела / Т. Нагель // Вопросы философии. – № 8. – 2001.
12. Рогонян Г., Дэниел С. Деннет. Виды психики / Гаррис Рогонян, С. Дэниел // «Критическая Масса». – № 4. – 2004. – С. 58 – 66.
13. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М., 2002. – 256 с.
14. Современная западная философия. Энциклопедический словарь. – М.: Культурная революция. О.Хеффе, В.С.Малахов. – 2009. – 392 с.
15. Старикова И.В., Целищев В.В. Холистическая теория сознания Д. Деннета / И.Старикова, В.Целищев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://filosof.historic.rubooks/item/f00/s00/z0000225 /index.shtml](http://filosof.historic.rubooks/item/f00/s00/z0000225/index.shtml)
16. Філософська думка в Україні: Біобібліогр. словник / Авт. кол.: В.С. Горський, М. Л. Ткачук, В. М. Нічик та ін. – К.: Пульсари, 2002. – 244 с.
17. Хофштадер Д., Деннет Д. Глаз разума / Д. Хофштадер, Д. Деннет. – Самара: Бахрах-М. – 432 с.
18. Юлина Н.С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания / Н.С. Юлина // Вопросы философии. – № 9. – 2011. – С. 153 – 166.
19. Alper M. The “God” Part of the brain. A scientific interpretation of human spirituality and God / M. Alper. – Chicago, Naperville, 2006. – 290 p.
20. Daniel C. Dennet. Breaking the Spell / C. Daniel. – 2006. – P. 285.
21. Dennett D. Consciousness Explained / D.Dennett.– Boston, 1991.
22. Dennett D. Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness / D. Dennett. – Cambridge MA, 2005. – 199 p.
23. Dennett D. Darwin’s Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of life / D.Dennett. – L., 1995. – P. 370–383.
24. Dennett D. Freedom Evolves / D.Dennett. – New York, 2003. – 347 p.
25. Dennett D. Reflections on “Free Will” / D.Dennett. – ModeAccess: http://www.naturalism.org/Dennett_reflections_on_Harris’s_Free_Will.pdf
26. Dennett D. The Message is: There is no Medium. Reply to Jackson, Rosenthal, Shoemaker & Tye / D.Dennett // Philosophy & Phenomenological Research (Dec). – V. 53. – № 4. – P. 889 – 931.
27. Frith C.D. Making up the mind. How the brain creates our mental world / Christopher Donald Frith. – Kindle Edition, 2010. – 248 p.
28. Harris S. Free Will / S.Harris. – New York, 2012. – 97 p.
29. Lockwood M. Mind, Brain and Quantum / M. Lockwood. – Oxford, 1989.
30. Swaab D.F. We Are Our Brains: A Neurobiography of the Brain, from the Womb to Alzheimer’s / D.F. Swaab. – NY: Spiegel & Grau, 2014. – 448 p.

Стаття надійшла до редакції 06.05.2017

K.G. Fyodorova*a 3^d year student, Faculty of Philosophy,**I.I. Mechnikov Odessa National University**Tel. +38063-228-66-61; email: seniya90@rambler.ru*

“Pulp fiction” is an American black comedy neo-noir crime film written and directed by Quentin Tarantino. It is a buzzing, blooming confusion, presenting a variety of subcultures, races, lifestyles, religious and non-religious worldviews and moral perspectives. Given such a world, how are we to figure out what is right and what is wrong? This article is an attempt to study this question and to analyze the movie from the philosophical and religious points of view.

Key words: philosophy of cinema, violence, nihilism, God.

«Криминальное чтиво» – американская чёрная комедия, нео-нуарный криминальный фильм режиссера Квентина Тарантино. Это – гудение, цветущий беспорядок, представляющий множество субкультур, гонок, образов жизни, религиозных и нерелигиозных мировоззрений и моральных перспектив. Находясь под воздействием такого мира, как мы должны выяснить то, что является правильным, а что неправильным? Эта статья является попыткой изучить этот вопрос, а также проанализировать фильм с философской и религиозной точек зрения.

Ключевые слова: философия кино, жестокость, нигилизм, Бог.

«Кримінальне чтиво» – американська чорна комедія, нео-нуарний кримінальний фільм режисера Квентіна Тарантіно. Це - гудіння, квітучий безлад, який представляє безліч субкультур, гонок, способів життя, релігійних і нерелігійних світоглядів, а також моральних перспектив. Перебуваючи під впливом цього світу, як нам з'ясувати, що є правильним, а що неправильним? Ця стаття є спробою розглянути це питання, а також проаналізувати фільм з філософського і релігійного поглядів.

Ключові слова: філософія кіно, жорстокість, нігілізм, Бог.

Cinema is a very plastic genre, open for a social, public and cultural perspective, various technical novelties and language experiments. From the moment of its emergence, cinema drew to itself attention of researchers and served not only as a material for the analysis, but also as a base on which new concepts of aesthetics are built. The well-known phrase of Hegel that arts are peculiar “*bodies of philosophy*” in which the primary intuitions

prove themselves, today has a new “cinema life”. I think that nowadays an interest in an essence of the cinema as to cultural practice and difficult audiovisual language, an observation over the modern film process in combination with possession of opportunities of philosophical approach to a language of film images allow us to answer topical issues of an aesthetics.

To my mind, it is necessary to say some words about the essence of the philosophy of a film. What was the problem with identifying this field? The question that dominated early philosophical inquiry into a film was whether the cinema could be regarded as an art form. There were two reasons why cinema didn't seem worthy of the honorific designation of an art. The first was that as a popular cultural form, film seemed to have a vulgarity that made it an unsuitable companion to theatre, painting, opera, and the other fine arts. A second problem was that film seemed to borrow too much from other art forms [2: 97]. In order to justify the claim that film deserves to be considered an independent art form, philosophers investigated the ontological structure of film. The hope was to develop a conception of film that made it clear that it differed in significant ways from the other arts. For this reason, the question of film's nature was a crucial one for theorists of film during what we might call the classic period. For example, Hugo Münsterberg was the first philosopher who wrote a monograph about the new art form, sought to distinguish film by means of the technical devices that it employed in presenting its narratives [1: 181]. Flashbacks, close-ups, and edits are some examples of the technical means that filmmakers employ to present their narratives that theatre lacks. For Münsterberg, the use of these devices distinguished film from the theatre as an art form. But then such philosophers as Bergson, Krakauer, Benjamin, Metz, Bazin, Delyoz have paid attention not only to the structure of the film and its difference between other art forms, they have made a great contribution to the development of philosophy of cinema. For all of them cinema became a peculiar territory of conceptualization of new aesthetic and epistemological phenomenon. The philosophy of cinema has become a significant area for philosophical and aesthetic research. Philosophers have concentrated both on aesthetic issues about film as an artistic medium — the philosophy of film — and questions about the philosophical content of films — films as philosophy. To my mind, today film can be and might be studied as a source of knowledge and, even, as potential contributor to philosophy itself. So that's why I want to make some philosophical analysis of “Pulp Fiction” to show that movie can also have its philosophical value and significance.

Nihilism is a term which describes the loss of value and meaning in people's lives. “*God is dead*” is a well-known phrase of Nietzsche but in my opinion which was incorrectly interpreted. We seek to see a personal position of Nietzsche in words about the death of God, and we forget Heidegger's parting word: “*it is necessary to read Nietzsche's works, incessantly questioning to the*

history of the West". In this "historical" view the thesis "God is dead" is not the point of view of the thinker in a religion question, it is an attempt to point to show a hard ideological situation in the West [6: 115].

Given the centrality of religion in our lives for thousands of years, once the moral code is lost and not replaced, we are faced with the abyss of nihilism: darkness closes in on us, and nothing is of any real value anymore; there is no real meaning in our lives, and to conduct oneself and one's life in one way is just as good as another, for there is no over-arching criterion by which to make such judgments. And speaking about "Pulp fiction" in the context of nihilism, Mark Conard declared that this film is about American nihilism [4:3]. More specifically, it is about the transformation of two characters: *Jules* (Samuel L. Jackson) and *Butch* (Bruce Willis). Conard recognizes that the constant and seemingly trivial dialogues, for example between Jules and Vincent on the question of BurgerKing products in Amsterdam, actually disclose to the audience the implicit American nihilism in contemporary society. Though they are silly, they are "no mere comic relief". Conard points out that "*this is the way these characters make sense of their lies: transient, pop cultural symbols and icons. This is why pop icons abound in the film: these are the reference points by which we understand ourselves and each other, empty and ephemeral as they are*" [4:16]. This is most evident when Jules quotes Ezekiel 25:17: "*The path of the righteous man is beset on all sides by the iniquities of the selfish and the tyranny of evil men. Blessed is he, who in the name of charity and good will, shepherds the weak through the valley of darkness, for he is truly his brother's keeper and the finder of lost children. And I will strike down upon thee with great vengeance and furious anger those who attempt to poison and destroy my brothers. And you will know my name is The Lord when I lay my vengeance upon thee*".

Jules quotes this just before he kills someone. The point is that the passage refers to a system of values and meaning by which one could lead one's life and make moral decisions. However, that system is missing from Jules' life and so the passage becomes meaningless to him. The Old Testament doesn't matter more for him anymore. And with no other criteria available to them by which to order their lives, Jules and Butch fall into a hierarchy of power, with Marsellus Wallace (Ving Rhames) at the top and themselves as henchmen below. Things come to have value in their lives if Marsellus Wallace declares it to be so. What he wants done, they will do. "Pulp Fiction" is a movie which delights some of its audience and disturbs others. Either way it is for the same reason: it toys with their expectations and mixes humour and violence. And I think that it is also very important philosophical aspect in the movie because violence, terror, wars connected, first of all, with the release of aggressive or erotico-aggressive instincts of the person which have taken an important place in the 20th century under the influence of Nietzsche's philosophy and researches of Freud and Freudians. The powerful stream of violence is proved in modern life by the

psycho-cultural and aesthetic factor: it is considered that the image of violence in art (especially in mass art forms — cinema, television, mass reading) promotes eradication in the audience of aggressive instincts on the aesthetic level — in the act of an art catharsis.

There are three different forms of cinematic violence when analysing visual violence: ritualistic, symbolic and hyper-real [3: 302]. Ritualistic is the type of violence which is utterly banal, predictable and quite often stereotypical and can be seen in the movie franchises such as “Terminator” (Cameron 1984) and “Die Hard” (McTiernan 1988). Where ritualistic is an end in itself, symbolic violence shakes everything up and attempts to give meaning to moral dilemmas in movies such as “Unforgiven” (Eastwood 1992), “Platoon” (Stone 1987) or “Schindler’s List” (Spielberg 1993). PulpFiction contains hyper-real violence which consists of two other types of violence, and it “exploits the seam side of controversial issues. This is a violence that appeals to primal emotions” and can be considered a “guilt-free humour” [3: 304]. Delivery of violence in this film is presented through strange situations which make the audience less horrified by it, and the violence loses its seriousness along the way. One of the key techniques of Tarantino’s hyper-real violence is the play between hope and fear: the threat of violence is offset by the hope that everything will be resolved peacefully which often leads to moments of comic relief amid the overall menace. In the breakfast scene, Tarantino exemplifies this pattern through rapid cuts, change in dialogue topics, random conversation prior to the killing, discovery of the briefcase, lightning and banal decorations, which suggests normality. Let’s look at the scene that we analyzed before from the other side – violence. Indeed Tarantino keeps toying with our emotions through the scene by using a hope/fear pattern to give us an emotional ride on a roller coaster. For example, when Jules and Vincent enter the room (fear) but then speak nicely to Brett and his friends “Hey kids” (hope), Jules takes a bite out of Brett’s burger (fear) but then admits that his girl friend forces him to be a vegetarian (hope). At the end where Jules demands to know where the briefcase is (fear) but then Vincent finds it and declares, “We’re happy” (hope). Here they could leave, but then all the tension would be in vain. The audience would not learn that, as Jules says: “Marsellus Wallace doesn’t like to be fucked by anybody but Mrs. Wallace”. The contradiction between “fucked” and the politeness implied in “Mrs.” makes the line comical and very ironic as Marsellus ends up being raped by another man [5: 11]. So what can we see? One moment, you follow Jules and Vincent who you would expect to talk about generic gangster topics; instead they are talking about completely random topics. The next moment, they commit murder. The same happens where Mia (Uma Turman) is lying on the floor, dying, and they begin to debate who should use the needle and how to use it. It builds up tension and when you expect something to happen, it completely goes in the other direction. By doing this, the audience experiences suspense, relief and the ability to laugh at the hysterical elements

Tarantino has carefully placed into the scenes. Both scenes also deal with a life and death situation and the audience still responds with laughter. Tarantino successfully dulls the violence on screen by shifting the focus to the bizarre and humorous elements injected into the scenes.

This way because the violence is hyper-real, the audience doesn't have to relate to the violence but simply enjoy it.

To sum up, I'd like to say that Pulp fiction is essentially an exploration of morality. Unlike the typical religious, or religiously ambiguous subject, Tarantino's subjects are notably lacking any sense of morality. They epitomize a prominent American Nihilism, although the film doesn't itself represent or advocate nihilism. Rather, it presents it as a striking reality in a largely post-religious society, and discusses the implications of embracing such nihilism while illustrating personal transformations within a moral context. Except moral and religious aspect, there is another important aspect that plays significant role in this film – violence. But as I have already noted violence in this film, it is an instrument of influence on our mind. The violence in “Pulp Fiction” is characterized as hyper-real violence and Quentin Tarantino plays with the audience's feeling of suspense and relief in order to make the violence comical and entertaining. So, what is the answer on the question that I raised in the beginning of the article – *Given such a world, how are we to figure out what is right and what is wrong?* I think that it is an open question on which Tarantino doesn't answer. He drew a world of confusion, lost and violence of which we have to find a way out.

REFERENCES

1. Allen R., Smith M. Film Theory and Philosophy / Murray Smith, Richard Allen. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 515 p.
2. Arnheim R. Film as Art / Rudolf Arnheim. – Berkeley, 1957. – 212 p.
3. Henry G. Pulp Fiction and the Culture of Violence / Giroux Henry. – Harvard Educational Review, 1995. – № 65. – Pp. 299 – 319.
4. Mark T. C. Symbolism, Meaning & Nihilism in Quentin Tarantino's Pulp Fiction / Conard Mark T. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 27 p.
5. Silas L. Pulp Fiction: Violence and its guilt free humour / Lauritsen Silas. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 15 p.
6. Новик И.А. Идея о смерти Бога в философии Ницше / И.А.Новик // Философия. – № 7. – 2003. – 110 – 123с.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками – к.філос.н., доц.
О.С. Петриківською; к.ф.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 10.05.2017*

THE MORALITY OF WAR

O.O. Popravko*a 2nd year student, Faculty of Philosophy,
Cultural Studies Department,**I.I. Mechnikov Odessa National University**Tel. +38063–340–86–74; email: forever66young@gmail.com*

The research is devoted to the Just War theory the purpose of which is to ensure that war is morally justifiable through a series of criteria, all of which must be met for a war to be considered just. The major attention is paid to the writings of various philosophers and many significant figures through history and their philosophical visions of war's ethical limits. The author emphasizes that the Just War Theory provides a useful framework for individuals and political groups to use for their discussions of possible wars.

Key words: just war, Cicero, Saint Augustine, Thomas Aquinas, non-violent conflict, Gandhi, pacifism, Ethics.

Исследование посвящено теории «справедливой войны», целью которой является обеспечение того, чтобы война была морально оправдана с помощью ряда критериев, все из которых должны быть выполнены для того, чтобы война считалась справедливой. Основное внимание уделяется трудам различных философов и многих значимых фигур в истории и их философским представлениям о этических ограничениях войны. Автор подчеркивает, что теория «справедливой войны» представляет собой полезную основу для обсуждения людьми и политическими группами возможных войн.

Ключевые слова: справедливая война, Цицерон, Августин, Фома Аквинский, ненасильственный конфликт, Ганди, пацифизм, Этика.

Дослідження присвячене теорії «справедливої війни», метою якої є забезпечення того, щоб війна була морально виправдана за допомогою ряду критеріїв, всі з яких мають бути виконані для того, щоб війна вважалася справедливою. Основна увага приділяється працям різних філософів і багатьох видатних фігур в історії та їх філософським уявленням про етичні обмеження війни. Автор підкреслює, що теорія «справедливої війни» являє собою корисну основу для обговорення людьми і політичними групами можливих воєн.

Ключові слова: справедлива війна, Цицерон, Августин, Фома Аквінський, ненасильницький конфлікт, Ганді, пацифізм, Етика.

War is still a central element of the human experience. Human beings have been fighting with each other since prehistoric times, and people have been discussing the rights and wrongs of it for almost as long. And we all know that killing is a long-standing taboo. Philosophers from the ancient times have been asking the question: “Is it always a sin to go to war?” Well, let’s try to consider this question. The article will be about just war theory. It is a doctrine, also referred to as a tradition of military ethics studied by theologians, ethicists, policy makers, and military leaders. The purpose of the doctrine is to ensure that war is morally justifiable through a series of criteria, all of which must be met for a war to be considered just. The criteria are split into two groups: “right to go to war” (*jus ad bellum*) and “right conduct in war” (*jus in bello*). The first concerns the morality of going to war, and the second connected with the moral conduct within war. Traditional just war theory construes *jus ad bellum* and *jus in bello* sets of principles, satisfying which is necessary and sufficient for a war’s being permissible. *Jus ad bellum* typically comprises the following six principles:

- 1) just cause: the war is an attempt to avert the right kind of injury;
- 2) legitimate authority: the war is fought by an entity that has the authority to fight such wars;
- 3) right intention: that entity intends to achieve the just cause, rather than using it as an excuse to achieve some wrongful end.
- 4) reasonable prospects of success: the war is sufficiently likely to achieve its aims;
- 5) proportionality: the morally weighted goods achieved by the war outweigh the morally weighted bads that it will cause;
- 6) last resort (necessity): there is no other less harmful way to achieve the just cause.

Typically the *jus in bello* list comprises:

- Discrimination: belligerents must always distinguish between military objectives and civilians, and intentionally attack only military objectives.
- Proportionality: foreseen but unintended harms must be proportionate to the military advantage achieved.
- Necessity: the least harmful means feasible must be used.

Some people argue that the Just War doctrine is inherently immoral, while others suggest that there is no place for ethics in war. Others still argue that the doctrine doesn’t apply in the conditions of modern conflicts. The doctrine of the Just War can deceive a person into thinking that because a war is just, it’s actually a good thing. But you shouldn’t think so about it. Just War theory postulates that war, while terrible, is not always the worst option. Important responsibilities, undesirable outcomes, or preventable atrocities may justify war.

Futhermore, the theory is not intended to justify wars but to prevent them, by showing that going to war except in certain limited circumstances is wrong, and thus motivate states to find other ways of resolving conflicts. Behind contemporary war theory there lies the idea that war is always bad. A just war is permissible because it’s a lesser evil, but it’s still an evil.

The just war theory has a long history. The principles of a Just War originated with classical Greek and Roman philosophers like Plato and Cicero and were added to by Christian theologians like Augustine and Thomas Aquinas. But some sources prove that history of the just war theory begins in India. The Indian epic, the Mahabharata, offers one of the first written discussions of a “just war”. In it, one of five ruling brothers asks if the suffering caused by war can ever be justified, and then a long discussion ensues between the siblings, establishing criteria like proportionality (chariots cannot attack cavalry, only other chariots; no attacking people in distress), just means (no poisoned or barbed arrows), just cause (no attacking out of rage), and fair treatment of captives and the wounded. The war in the Mahabharata is preceded by context that develops the “just cause” for the war including last minute efforts to reconcile differences to avoid war. At the beginning of the war, there is the discussion of “just conduct” appropriate to the context of war. In ancient Rome, a “just cause” for war might include the necessity of repelling an invasion, or retaliation for pillaging or a breach of treaty. War was always potentially nefas (“wrong, forbidden”), and risked religious pollution and divine disfavor. A just war (*bellum iustum*) thus required a ritualized declaration by the fetial priests. More broadly, conventions of war and treaty-making were part of the *ius gentium*, the “law of nations”, the customary moral obligations regarded as innate and universal to human beings. The quintessential explanation of Just War theory in the ancient world is found in Cicero’s *De Officiis*, Book 1, sections 1.11.33–1.13.41.

Cicero argued that there was no acceptable reason for war outside of just vengeance or self defence, in which he included the defence of honour. He also argued that a war could not be just unless it was publicly declared and unless compensation for the enemy’s offence had first been demanded. Cicero based his argument on the assumption that nature and human reason biased a society against war, and that there was a fundamental code of behaviour for nations.

Augustine was a 4th century Christian who lived in Algeria and Italy. Saint Augustine himself did not approve war. He believed that the only just reason to go to war was the desire for peace. Augustine accepted that there would always be wars. He thought that war was always a sin, and if there had to be a war, it should be waged with sadness. Besides, Augustine made it clear that individuals and states (or the rulers of states) have different obligations when it came to war or violence. He also stated that the Christians did not have the right to defend themselves from violence; however they could use violence if it was necessary to defend the innocent against evil. Augustine was much less concerned with how people should be treated during a war, because to him, physical death was not a particularly important thing. Nine hundred years later, Thomas Aquinas (1225-1274) laid out the conditions under which a war could be justified (Combining the theological principles of faith with the philosophical principles of reason, he ranked among the most influential thinkers of medieval Scholasticism):

- Firstly, just war must be waged by a properly instituted authority such as the state. (Proper Authority is first: represents the common good: which is peace for the sake of man's true end—God.)
- Secondly, war must occur for a good and just purpose rather than for self-gain or as an exercise of power.(for example, "in the nation's interest" is not just) or as an exercise of power (just cause: for the sake of restoring some good that has been denied. i.e. lost territory, lost goods, punishment for an evil perpetrated by a government, army, or even the civilian populace).
- Thirdly, peace must be a central motive even in the midst of violence. (right intention: an authority must fight for the just reasons it has expressly claimed for declaring war in the first place. Soldiers must also fight for this intention).

In “Summa Theologica”, Thomas proceeded to distinguish between philosophy and theology, and between reason and revelation, though he emphasized that these did not contradict each other. Both are fountains of knowledge; both come from God. A war is only a Just War if it is waged from the right motives. And a war is only a just war if there is a reasonable chance of success. In my opinion, it's a success when your aim is to convert your opponent; to win over their mind and heart and persuade them that your point of view is right. An important element is often to make sure that the opponent is given a face-saving way of changing their mind. Non-violent protest seeks a 'win-win' solution whenever possible. In non-violent conflict the participant does not want to make their opponent suffer; instead they show that they are willing to suffer themselves in order to bring about change. Non-violence has great appeal because it removes the illogicality of trying to make the world a less violent and more just place by using violence as a tool.

Among the techniques of non-violent protest are: peaceful demonstrations; sit-ins; picketing; holding vigils; fasting and hunger strikes; strikes; blockades; civil disobedience. One of the most famous leaders of a non-violent movement was Mohandas K. Gandhi (1869 – 1948) who opposed British imperial rule in India during the 20th century. Gandhi took the religious principle of ahimsa (doing no harm) common to Buddhism, Hinduism and Jainism and turned it into a non-violent tool for mass action. He used it to fight not only colonial rule but social evils such as racial discrimination and untouchability as well. Gandhi called it “satyagraha” which means ‘truth force’. In this doctrine the aim of any non-violent conflict was to convert the opponent; to win over his mind and his heart and persuade him to your point of view. Gandhi was firm that Satyagraha was not a weapon of the weak, “Satyagraha is a weapon of the strong; it admits of no violence under any circumstance whatever; and it always insists upon truth”.

Gandhi did not think that non-violence was a tool for those who were too scared to take up arms (an accusation that was sometimes made): *«My non-violence does not admit of running away from danger and leaving dear ones unprotected. Between violence and cowardly flight, I can only prefer violence to*

cowardice. I can no more preach non-violence to a coward than I can tempt a blind man to enjoy healthy scenes».

Gandhi, Young India, 28 May 1924

Non-violence in Gandhi's thinking was a tool that anyone could (and should) use, and it was based on strongly religious thinking. You can get a clear understanding of what's involved in non-violence by looking at the instructions that Gandhi gave to followers of his Satyagraha movement in India.

- A Satyagrahi i.e. a civil resister will harbour no anger.
- He will suffer the anger of the opponent.
- In so doing he will put up with assaults from the opponent, never retaliate; but he will not submit, out of fear of punishment or the like, to any order given in anger.
- When any person in authority seeks to arrest a civil resister, he will voluntarily submit to the arrest, and he will not resist the attachment or removal of his own property, if any, when it is sought to be confiscated by authorities.
- If a civil resister has any property in his possession as a trustee, he will refuse to surrender it, even though in defending it he might lose his life. He will, however, never retaliate.
- Non-retaliation excludes swearing and cursing.
- Therefore, a civil resister will never insult his opponent, and therefore also not take part in many of the newly coined cries which are contrary to the spirit of ahimsa.
- A civil resister will not salute the Union Jack, nor will he insult it or officials, English or Indian.
- In the course of the struggle if anyone insults an official or commits an assault upon him, a civil resister will protect such official or officials from the insult or attack even at the risk of his life.

Speaking about non-violent we can't fail to mention about pacifism. There are several different sorts of pacifism, but they all include the idea that war and violence are unjustifiable, and that conflicts should be settled in a peaceful way. The word (but not the idea) is only a century old, being first used in 1902 at the 10th International Peace Conference.

People are pacifists for one or some of these reasons: religious faith, non-religious belief in the sanctity of life, practical belief that war is wasteful and ineffective. Many believe that pacifism is more than opposition to war. They argue that it must include action to promote justice and human rights.

It's important to see the difference between the morality of pacifism as it applies to an individual, and the application of that morality to the behaviour of a nation-state. Not appreciating this difference can lead to real difficulties in discussing pacifism and non-violence. Pacifists are often thought of as totally

opposed to killing, but they don't have to be. A pacifist can logically support euthanasia and abortion, although they would need to have thought their position through very carefully. We can emphasize different types of pacifism:

1) **Absolute pacifism.** An absolute pacifist believes that it is never right to take part in war, even in self-defence. They think that the value of human life is so high that nothing can justify killing a person deliberately. To stick to this principle consistently is hard. It views it as unethical to use violence to rescue an innocent person who is being attacked and may be killed, and this is not a comfortable moral position. Absolute pacifists usually hold this view as a basic moral or spiritual principle, without regard to the results of war or violence, however they could logically argue that violence always leads to worse results than non-violence.

2) **Conditional pacifism.** Conditional pacifists are against war and violence in principle, but they accept that there may be circumstances when war will be less bad than the alternative. Conditional pacifists usually base their moral code on Utilitarian principles – it's the bad consequences that make it wrong to resort to war or violence.

3) **Selective pacifism.** Other pacifists believe that it is a matter of degree, and only oppose wars involving weapons of mass destruction - nuclear or chemical and biological weapons – either because of the uniquely devastating consequences of such weapons, or because a war that uses such weapons is not 'winnable'.

4) **Active pacifism.** Pacifists are heavily involved in political activity to promote peace, and to argue against particular wars.

During a war many pacifists will refuse to fight, but some will take part in activities that seek to reduce the harm of war; e.g. by driving ambulances, but other pacifists will refuse to take part in any activity that might support the war.

Not all pacifists are brave enough to act according to these beliefs and to refuse to fight, but many have, bravely choosing punishment, and even execution, rather than go to war. Nowadays most democratic countries accept that people have the right of conscientious objection to military service, but they usually expect the objector to undertake some form of public service as an alternative.

Contemporary just war theory is dominated by two camps: traditionalist and revisionist. The traditionalists might as readily be called legalists. Their views on the morality of war are substantially led by international law, especially the law of armed conflict. They aim to provide those laws with morally defensible foundations. States (and only states) are permitted to go to war only for national defence, defence of other states, or to intervene to avert "crimes that shock the moral conscience of mankind". Civilians may not be targeted in war, but all combatants, whatever they are fighting for, are morally permitted to target one another, even when doing so foreseeably harms some civilians (so long as it does not do so excessively). Revisionists question the moral standing of states and the

permissibility of national defence, argue for expanded permissions for humanitarian intervention, problematise civilian immunity, and contend that combatants fighting for wrongful aims cannot do anything right, besides lay down their weapons. Most revisionists are moral revisionists only: they deny that the contemporary law of armed conflict is intrinsically morally justified, but believe, mostly for pragmatic reasons, that it need not be substantially changed. Some, however, are both morally and legally revisionist.

All in all, in the XXth century, just war theory has undergone a revival mainly in response to the invention of nuclear weaponry and American involvement in the Vietnam War. Academics have turned their attention to just war once again with international, national, academic, and military conferences developing and consolidating the theoretical aspects of the conventions. Just war theory has become a popular topic in International Relations, Political Science, Philosophy, Ethics, and Military History courses.

Much recent work has used either traditionalist or revisionist just war theory to consider new developments in the practice of warfare, especially the use of drones, and the possible development of autonomous weapons systems. Others have focused on the ethics of non-state conflicts, and asymmetric wars. Very few contemporary wars fit the nation-state model of the mid-twentieth century, and conflicts involving non-state actors raise interesting questions for legitimate authority and the principle of Discrimination in particular.

As to the philosophical foundations of just war theory: the traditionalist and revisionist positions are now well staked out. But the really interesting questions that remain to be answered should be approached without thinking in terms of that split. Most notably, political philosophers may have something more to contribute to the just war theory debate. It would be interesting, too, to think with a more open mind about the institutions of international law (nobody has yet vindicated the claim that the law of armed conflict has authority, for example), and also about the role of the military within nation-states, outside of wartime. War. Sin or not, everyone should decide it for themselves. You have your conscience, just listen to it. One cannot deny that we need such discussions like about just war theory and others. It is very clear from these observations that the purpose of war ethics is to help to decide what is right or wrong, both for individuals and countries, and to contribute to debates on public policy, and ultimately to government and individual action. You know, I wish someday they'll give a war and nobody will come.

REFERENCES

1. Aquinas St. Thomas. *Politics and Ethics* / St. Thomas Aquinas. – Oxford, University Press 1998. – 433 p.
2. Augustine St. *City of God* / St. Augustine. – Penguin, 1984. – 640 p.

3. Dockrill M. The Ethics of War / Michael Dockrill, Barrie Paskins. – London: Duckworth, 1979. – XII, 332 c.
4. Doppelt G. Walzer's Theory of Morality in International Relations // Philosophy & Public Affairs, 8(1). – 1978 – Pp. 3-26.
5. Norman R. Ethics, Killing and War / Richard Norman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 256 pp.
6. Orend B. The Morality of War / Brian Orend. – Broadview 2006. – 289 p.
7. Parry J. Civil Wars and Revolutions // Lazar and Frowe. – 2016. – Access Mode: doi:10.1093/oxfordhb/9780199943418.013.22
8. Holmes. R.L. A Time For War? /Robert L. Holmes // ChristianityToday.com. [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.christianitytoday.com/ct/2001/septemberweb-only/9-17-55.0.html>
9. Ryan C. Democratic Duty and the Moral Dilemmas of Soldiers / C. Ryan // Ethics, 122(1). – 2011. – Pp. 10 – 42.
10. Super User. Catholic Education Resource Center // Catholic Education Resource Center.
11. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations / Michael. Walzer. – New York: Basic Books, 2015. – 416 p.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками – к.філос.н., доц.
О.С. Петриківською; к.ф.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 30.05.2017*

K.W. Rayhert*PhD in Philosophy, Faculty of Philosophy,**I.I. Mechnikov Odessa National University**Tel. +38066-162-17-21; email: supervirate@ukr.net*

In the film 'RoboCop' (1987) Paul Verhoeven offers conceptual metaphor 'RoboCop as an American Jesus Christ of the future' ('RoboJesus') as is a part of the satire on the apocalyptic sentiments of the Americans in the 1980s of Ronald Reagan era: RoboCop literally is a savior shaped as a cybernetic policeman who must save good people from bad people (criminals). With the metaphor Paul Verhoeven points to the hybrid nature of Jesus Christ: in the New Testament mythology Jesus Christ is a hybrid of god and a human being; probably, in the future Jesus Christ will be able to be a hybrid of a human being and a machine, a cyborg.

Key words: cyborg, hybrid, police, religion, science fiction.

У кінофільмі «Робот-поліцейський» Пауль Верхувен пропонує концептуальну метафору «Робот-поліцейський як американський Ісус Христос майбутнього» («Робот-Ісус») як частину соціальної сатири на апокаліптичні настрої американців в епоху президента Рональда Рейгана в 1980-ті роки: Робот-поліцейський буквально є Спасителем, втіленим в образі кібернетичного поліцейського, який мусить рятувати добрих людей від поганих (злочинців). Цією метафорою Пауль Верхувен вказує на гібридну природу Ісуса Христа: у міфології Нового Завіту Ісус Христос – це гібрид бога та людини; можливо, у майбутньому Ісус Христос буде гібридом людини та машини, кіборгом.

Ключові слова: гібрид, кіборг, наукова фантастика, поліція, релігія.

В кинофильме «Робот-полицейский» (1987) Пауль Верхувен предлагает концептуальную метафору «Робот-полицейский как американский Иисус Христос будущего» (Робот-Иисус) как часть социальной сатиры на апокалиптические настроения американцев в эпоху правления президента Рональда Рейгана в 1980-е годы: Робот-полицейский буквально является Спасителем, воплощённым в образе кибернетического полицейского, который должен спасти хороших людей от плохих (преступников). С помощью этой метафоры Пауль Верхувен указывает на гибридную природу Иисуса Христа: в новозаветной мифологии Иисус Христос – это гибрид бога и человека; возможно, в будущем Иисус Христос предстанет как гибрид человека и машины, как киборг.

Ключевые слова: гибрид, киборг, научная фантастика, полиция, религия.

In the interview given in 2010 Dutch auteur Paul Verhoeven said: “The point of ‘RoboCop’, of course, is that it is a Christ story. It is about a guy that gets crucified after 50 minutes, then is resurrected in the next 50 minutes and then is like the super-cop of the world, but is also a Jesus figure as he walks over water at the end” [5]. The stated by Paul Verhoeven thought sets certain interpretative framework of perusal of the plot of ‘RoboCop’, and that perusal is not so obvious to ordinary audience. As usual, Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’ is experienced and interpreted as a social satire or a social commentary or a social criticism – this moment has already become a trite trope in the critical reviews of Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’ since the publication of the review written by authoritative American film critic Roger Ebert [2]. Actually, it is correct: ‘RoboCop’ might be rightfully considered as a social satire or a social commentary or a social criticism made by director Paul Verhoeven and screenwriters Edward Neumeier and Michael Miner on the subject of the capitalistic culture of the United States of America. At the same time, Paul Verhoeven’s vision gives rise to metaphor ‘RoboCop as American Jesus Christ of the future’ – or in short: ‘RoboJesus’. *This study will analyze metaphor ‘RoboCop as American Jesus Christ of the future’ (‘RoboJesus’).*

Above all in metaphor ‘RoboCop as American Jesus Christ of the future’ the reference to the future should be single out. ‘The future’ here points to the moment that Paul Verhoeven does not rethink the story of Jesus Christ told in the Gospels but he offers his own vision of the Second Advent of Jesus Christ through the means of science fiction (first of all of cyberpunk and post-apocalyptic dystopias). In a general way, the Christian conception of the Second Advent of Jesus Christ is closely related to the idea of the Judgment Day after Devil (Antichrist) appears on the Earth and takes a governing over the sinners. In fact, the advent of Christ is a response to the actions of Antichrist: Devil must be dethroned and all people must be sentenced on the Last Assize where Jesus Christ will distinguish the sinners from the righteous persons and reward everyone according to his deserts. Paul Verhoeven portrays the conventional near future as apocalyptic as if Devil has already arrived to the human world and started ruling the world. According to Paul Verhoeven, the American society of the future is absolutely corrupted because it exists within the limits of environmental disaster, economic crisis and – as a result – deterioration in morals.

To show the world of the future Paul Verhoeven inserts into the narration of his film TV news with TV advertising. For example, from TV news it is known that one of the capitals of Republic of South Africa, Pretoria, proclaims its independence and causes the war what Pretoria is losing, that’s why Pretoria is ready to use nuclear bomb made in France as a forced measure; or that in Mexico

there is a civil war; or that the space satellite having being used within the Strategic Defense Initiative system (also known as ‘Star Wars’) strikes with laser onto Santa Barbara in California and kills 113 people including two ex-Presidents of the USA. This is the world news. But there is the local news. According to them in Detroit, Michigan, the gang of Clarence J. Boddicker commits crimes. This Boddicker (portrayed by Kurtwood Smith) is a sad-known cop-killer: he killed 30 policemen. All this occurs against the background of the verge of total collapse due to financial ruin and a high crime rate. The mayor of Detroit signs a deal with the mega-corporation ‘Omni Consumer Products’ (OCP), giving it complete control of the underfunded Detroit Police Department. In exchange, OCP will be permitted to rebuild the run-down sections of Detroit into a high-end place called Delta City. Demoralized by the Clarence J. Boddicker’s gang and the privatization of police the Detroit policemen prepare a strike.

A lot of film critics saw in Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’ (1987) the satire of the Reagan America with its growth of poverty and crimes and transfer of power to rich corporations. For instance, American film critic John Kenneth Muir wrote in his review of Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’: “*RoboCop* was crafted in the mid-1980s and it’s important that we understand that history, that context, as we consider the film’s satire. During that span, many big American cities were suffering. Crime was on the rise due to the crack cocaine epidemic. The crime rate peaked in the early 1990s. And government wasn’t helping much to alleviate the suffering. Here are some statistics to back that up assertion: First, the budget for the Department of Housing and Urban Development was cut from 32.2 billion dollars in 1981 to 7.5 billion in 1987-1988, meaning that government aid was less available for the indigent. Secondly, the number of Americans living beneath the Federal poverty line rose from 24.5 million to over 32 million in the late eighties. Additionally, more than two million American citizens were homeless by the latter part of the decade. While the poor grew poorer, the rich grew richer, and often unethically so. Lest we forget, this was the era of Ivan Boesky, and Michael Milken, businessmen who stole millions of dollars through an unethical business practice: insider trading. In movies, these figures were synthesized as Gordon Gekko (Michael Douglas) in Oliver Stone’s *Wall Street* (1987), a corporate raider who believed that “greed is good”. Meanwhile, the same politicians who cut budgets for social help programs in the 1980s cravenly exploited the average citizen’s fear of increased violent crime to win high office, notably with the highly divisive (and highly-effective) Willie Horton TV advertisement in Campaign’88, which made note of a criminal African-American convict robbing, raping and killing a white woman during a prison furlough. First these candidates made life harder for the poor, and then they ran as “tough on crime” candidates, and imposed stiff sentences for first time drug offenders” [4].

All of these are there in Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’. Detroit has a high growing of unemployment, homelessness and especially number of crimes. Local

television constantly reports about crimes. For example, it is reported that Clarence Boddicker killed 30 policemen. It plays right to the OCP hand. Mega-corporation OCP offers to build a brand new city in the underprivileged areas of city, so called 'Delta City', utopian city with no unemployment, homelessness and criminality. Since there is no hope of police (although OCP owns the Detroit's police, the policemen are going on strike) the organization men and engineers of OCP develop the project of robotic policemen. There is the remarkable scene in the movie that mocks nuts and bolts of mega-corporations: during the presentation of abilities of the first robotic policemen, so called 'ED-209', the robot shoots one of the employees of OCP to death; dead body of the killed employee, all in his blood, falls on the model of Delta City, in that way symbolizing the impracticability of the project of utopian city. The failure of ED-209, the project of Vice-president Dick Jones, is made good use by executive director Robert Morton in a moment offering the President of OCP the project of 'RoboCop' – and Morton succeeds. It is important that later Dick Jones strongly criticizes Robert Morton, citing the fact that, allegedly, OCP has already signed multibillion-dollar contracts with the US Department of Defense to supply ED-209, and later – after the success of the project of 'RoboCop' – sends Clarence Boddicker to kill Robert Morton, promising Clarence Boddicker a monopoly on the distribution of drugs in Delta City. Thus, the movie shows how mega-corporations that concentrate power in their hands are connected with street crime and – in general – mega-corporation is nothing more than a form of organized crime.

The common desperate social situation in the United States of America released or intensified the apocalyptic grass-roots sentiments (sorry, but another big quotation): "America in the early span of the 1980s was enmeshed in a deep economic recession, locked in a Cold War with the Soviet Union, and our elected government saw Armageddon around every corner. On the campaign trail in 1980, candidate Ronald Reagan had noted (to televangelists Jim and Tammy Faye Baker) that ours "might be the generation" that sees the Biblical Judgment Day. His belief was reinforced in a People Magazine interview in December 1983 when the Gipper noted that the eighties were "the first time in history" that so many Biblical prophecies were coming true. Even President Reagan's appointed Secretary of the Interior, James Watt, didn't believe the world was going to last. On February 5, 1981, he said that America's natural resources didn't necessarily have to be safeguarded by government because he did not know "how many more future generations" could be counted on before "the Lord Returns". Again, these were elected government officials making claims about the pending end of the world. So throw in TV movies such as *The Day After* (1984), Reagan's joke about bombing Russia in "five minutes" and it is no wonder that America's pop culture (especially genre films) became virtually-obsessed with the End of Life as We Know it. It wasn't the Millennium yet, but the year 1999 wasn't that far away either, and many people wondered if humanity was going to make it to the next

century. As a culture, we obsessed on death, on the end of civilization, on self-destruction” [3]. The given quotations show the sentiments of the Americans in 1980s Ronald Reagan’s era based on the issues of unemployment, homeless, economic crisis, and constant threat of atomic war. It is no wonder that the American cinematography reacted on the sentiments of the ordinary Americans with the apocalyptic plots, for example, in such films like John Carpenter’s ‘The Thing’ (1982), James Cameron’s ‘The Terminator’ (1984), Ivan Reitman’s ‘Ghostbusters’ (1984) or Paul Verhoeven’s ‘RoboCop’ (1987). In that historical situation the figure of Jesus Christ showed up naturally, and that figure was not the evangelical forgiving savior Jesus but Jesus from ‘The Book of Revelation’ (‘The Apocalypse of John’) that describes the End of Days. This image of ‘Apocalyptic Jesus’ in a symbolic aspect personifies in a number of films. For instance, in ‘The Terminator’ the future savior of mankind from the ‘Robot Apocalypse’ – John Connor has initials *JC* that are similar to the initials of Jesus Christ (*JC*). RoboCop is also Jesus, only RoboJesus. Literally he is a savior because he is a policeman who serves to save good people from bad people (criminals).

In Paul Verhoeven’s film RoboCop is some kind of a moral authority who uses very violent means to protect average citizens. RoboCop used to be a human being, Irish (Roman) catholic, idealist and good family man Alexander James ‘Alex’ Murphy (portrayed by Peter Weller). His idealistic views guided him to the police department of the Western district of Detroit where was the higher criminogenic situation. Together with his new partner, police Officer Anne Lewis (portrayed by Nancy Allen), he conflicted with the Clarence J. Boddicker’s gang. Boddicker and his mates shot down Alex Murphy – this scene looks like a symbolic crucifixion referencing to the Christ nature of Alex Murphy. OCP took his almost living body and transformed Alex Murphy into the cyborg called ‘RoboCop’. This cyborg might be a substitute for the striking policemen and symbolizes utopic Delta city. According to the program embedded into the brain of ex-Alex Murphy RoboCop functionates as a police Officer.

Paul Verhoeven’s film shows how RoboCop spectacularly and violently releases the hostages from the terrorist in the Detroit city hall, stops the shop robbery and saves the woman from the rapists.

In some way Paul Verhoeven offers an alternative variant of moving events after the crucifixion of Jesus Christ. The Gospels report that after his death on the cross Jesus resurrected, preached Kingdom of Heaven to his disciples (apostles) and ascended on the fortieth day. Paul Verhoeven emphasizes the violent death of Jesus (in this case – of RoboJesus). Within the Paul Verhoeven’s interpretation resurrected Jesus keeps his traumatic memoirs of his own death that turns him into a vindictive entity making violence but not love for a neighbor. In other words, Paul Verhoeven shows what could be if the psychic trauma caused by the violent death on the cross prevailed over the Christian Jesus – maybe he decided to make just another genocide of mankind in the manner of the Old Testament

Christian Lord God. Not erased traumatized memoirs force RoboCop to investigate the death of Alex Murphy. He finds his murderers and sets the connection between Clarence J. Boddicker and Vice-president of OCP Dick Jones (portrayed by Ronnie Cox). It is possible that Dick Jones uses the Clarence J. Boddicker's gang to discredit the Detroit police in order to replace them with robotic policemen. RoboCop tries to arrest Dick Jones but the program embedded into his brain stops him. Dick Jones sends Clarence J. Boddicker and his gang mates to eliminate RoboCop (as a witness in some kind). RoboCop kills all of them.

Then he goes after Dick Jones. Now it is not the issue of revenge; it is a requital and punishment, a triumph of justice.

Why does Paul Verhoeven paint exactly this image of Jesus Christ? I suppose the following answer: in 1986 Paul Verhoeven joined to 'Jesus Seminar', a group of the critical Biblical scholars and laymen [1]. This group is known for wanting to reconstruct the authentic historical figure of Jesus Christ. Paul Verhoeven planned to make a movie about real Jesus Christ but he could not find the financing of the budget of the movie. Eventually in 2008 Paul Verhoeven wrote book 'Jezus van Nazaret' that represented Jesus Christ as a radical political activist ('Palestinian Ernesto "Che" Guevara') who was engaged in the Jewish rebellion against the Romans in the 1st century AD [6]. The image of Jesus the rebel is partly represented in RoboCop: RoboCop attempts to overkill one of his main directives that forbid him arresting or harming the heads of OCP in order to arrest Vice-president Dick Jones.

Starting from 'Jesus Seminar' wanting to reconstruct the authentic historical figure of Jesus Christ Paul Verhoeven rejects the supernatural essence of mythological Christian Jesus and advances beyond, appealing to real and possible facilities of bioengineering. The Paul Verhoeven picturing of Jesus Christ as a cyborg, that is, a machine-human being hybrid, doesn't look like as something miraculous and supernatural but quite possible and probable. Paul Verhoeven's Jesus Christ as a cyborg unexpectedly points to a hybridity of Jesus Christ in the Christian mythology: Jesus Christ is a hybrid of god and human being, half-god and half-man, Godman. Paul Verhoeven reveals this hybrid nature of mythological Jesus Christ replacing the God's nature onto artificial, technical one. Moreover, representing Jesus Christ as a cyborg Paul Verhoeven tells us that in reality god does not create human being but human being creates god thereby he points out that in fact religion is just an invention of mankind. Thus, Paul Verhoeven's film is a criticism of religion.

Conclusions. Metaphor 'RoboCop as American Jesus Christ of the future' ('RoboJesus') offered by Paul Verhoeven is a part of the satire on the apocalyptic sentiments of the Americans in 1980s Ronald Reagan era: RoboCop literally is a savior shaped as a cybernetic policeman who must save good people from bad people (criminals). RoboCop is a moral authority who uses very violent means to protect average citizens. With the metaphor Paul Verhoeven points to the hybrid

nature of Jesus Christ: in the New Testament mythology Jesus Christ is a hybrid of god and human being; probably, in the future Jesus Christ will be able to be a hybrid of human being and machine, a cyborg. The Paul Verhoeven's picturing of Jesus Christ as RoboCop is an indication of human being as a founder of religion and god but not vice versa. Paul Verhoeven offers the alternative version of moving events after the crucifixion of Jesus Christ showing that resurrected and traumatized by his own death on the cross Jesus Christ wouldn't preach the Kingdom of Heaven coming or love to a neighbor but try to genocide all mankind in the style of the Old Testament God.

Paul Verhoeven's 'RoboCop' (1987) is a case in point of how pop-culture intrudes into the domain of religious. Paul Verhoeven's movie shows how the popular image of cyborg can be applied to the religious or historical image of Jesus Christ. Furthermore, Paul Verhoeven's movie points out that basically there are no limits for conceptualization of the image of Jesus Christ through the images of pop-culture: if it's allowable to imagine Jesus Christ as a cyborg than it's allowable to imagine him as a rebel (terrorist or revolutionary) or as a living dead (zombie or even vampire) or as a necromancer (warlock or magicians) etc.

REFERENCES

1. Craig Detweiler Reviews Paul Verhoeven's "Jesus of Nazareth" [Electronic Resource] – Mode Access: <http://www.patheos.com/blogs/takeandread/2010/07/craig-detweiler-reviews-paul-verhoevens-jesus-of-nazareth/>
2. Ebert R. Robocop / Roger Ebert. – [Electronic Resource] – Mode Access: <http://www.rogerebert.com/reviews/robocop-1987> (accessed 31.05.2017)
3. Muir J.K. Cult-Movie Review: Highlander (1986) / John Kenneth Muir. – [Electronic Resource] – Mode Access: <http://reflectionsonfilmmandtelevision.blogspot.com/2010/04/cult-movie-review-highlander-1986.html>
4. Muir J.K. Cult-Movie Review: RoboCop (1987) / John Kenneth Muir. – [Electronic Resource] – Mode Access: <http://reflectionsonfilmmandtelevision.blogspot.com/2015/01/cult-movie-review-robocop-1987.html>
5. Rosenberg A. EXCLUSIVE: Paul Verhoeven Calls RoboCop 'The American Jesus,' Is Unexcited By Remake Plans / Adam Rosenberg. – [Electronic Resource] – Mode Access: <http://moviesblog.mtv.com/2010/04/14/paul-verhoeven-robocop-christ-story-remake-update/> (accessed 31.05.2017)
6. Verhoeven P., Van Scheers R. Jezus Van Nazaret een realistisch portret / Paul Verhoeven, Rob Van Scheers. – Amsterdam, 2008. – 287 p.

Стаття надійшла до редакції 31.05.2017

I.A.Titimets

a 3^d year student, Faculty of Philosophy,
I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel. +38063-228-66-61; email: seniya90@rambler.ru

The paper is devoted to the analysis of the avant-garde art that appeared in the early XXth century and its main categories such as 'individualization' and 'iconophobia'.

Keywords: the avant-garde art, kitsch, crisis of representation, individualization, iconophobia.

Статья посвящена анализу авангардного искусства, появившегося в начале XX века и его основных категорий, таких как «индивидуализация» и «иконофобия».

Ключевые слова: авангардное искусство, китч, кризис представления, индивидуализация, иконофобия.

Робота присвячена аналізу авангардного мистецтва, яке з'явилося на початку XX століття та його основних категорій, таких як «індивідуалізація» та «іконоборство».

Ключові слова: авангардистське мистецтво, китч, криза репрезентації, індивідуалізація, іконоборство.

What does 'the avant-garde' mean? Literally it means "fore-guard". The avant-garde pushes the boundaries of what is accepted in art. Because in the 20th century the understanding of art changes significantly. Moreover, the definition of art is controversial in contemporary philosophy. Whether art can be defined has also been a matter of controversy [11]. The former stability of the world, which was reflected in culture, was ruined. The main reason for this lies, first of all, in restructuring the structure of society. In this period, the second part of the twentieth century, class division of society is no longer relevant, and the mass that comes from both higher and lower classes comes to the fore. One of the first to postulate this problem was José Ortega-y-Gasset, an eminent Spanish philosopher and sociologist, "if before the mass didn't claim anything and knew its role in the healing social dynamics, now the determination of the masses that assume the functions of the minority becomes the core of our time" [10: 21].

So, there are new meanings in art. In the late XIXth and early XXth centuries, many critics continued to grapple with the newness of the generation of artists inspired by Impressionism. If early high art duplicated reality, served as a means

of representing harmony, now art is an instrument of disharmony, in connection with the changing historical context, namely, acquires a revolutionary character. So the new art, the avant-garde art, becomes a kind of protest, which finds expression in the rejection of visual forms. But it should be understood that this rejection of objective representation is a forced step, considering those destructive phenomena, first of all, wars that have overwhelmed the world.

So how we could possibly define such an extraordinary kind of art as avant-garde? Definitions of this kind of art attempt to make sense of two different sorts of facts: art has important historically contingent cultural features, and it also, arguably, has trans-historical, trans-cultural characteristics that point in the direction of a relatively stable aesthetic core [11]. Thus, by the middle of the XXth century, two cultural phenomena are forming – the avant-garde, which becomes a new high art, and, its antipode, kitsch. In particular, this issue is considered by Clement Greenberg, one of the biggest critics and theorists of the American neo-avant-garde of the 30s-60s in his work “Avant-garde and Kitsch”.

In the essays collected in “Art and Culture”, Greenberg argued that what mattered most in a work was its articulation of the medium, more particularly, its finessing of the terms of the material medium, and the progressive elimination of those elements that were beside its point. “Aesthetic unity” was what mattered most to Greenberg, and aesthetic unity at its most subtle and refined collapsed the material terms into as concentrated and self-sufficient a form as possible, making the work seem autonomous and hermetic. For Greenberg, a consummately formal, purely material, nonsymbolic work, for example, a painting finessing its flatness in the act of acknowledging it – was an exemplification of positivism, which he saw as the reigning ideology of the modern world. What counted in a Morris Louis painting, for example, was the way the colours stained the canvas, confirming its flatness while seeming to levitate above it. The painting had presumably no other meaning than the sheer matter-of-factness of its colours and their movement on the canvas [1]. He also posited that, after an inaugural period of innovation in Europe, modernist painting became sublime in abstract expressionism, beautiful in the nongestural abstraction of such artists as Louis, and then declined in imitative, all-too-reductionist minimalism. He felt that the decline of minimalism was followed by the death of art in what he called “novelty art”, by which he meant pop art and dadaist-type art in general, continuing Barr’s treatment of the “literary” as a mere sidebar to the story of abstraction. Thus, in the understanding of the researcher “kitsch” there is a fake culture that acts as a phenomenon “intended for those who remain indifferent and insensitive to the values of genuine culture”, i.e. oriented, first of all, directly to the masses [8]. The avant-garde emerges, Greenberg says, when artists and writers can no longer count on communication with their audience. Their response, in the past, has been stasic in an academic neo-classicism. In contrast, during the mid-XIXth century, a new response emerged-artists formed an avant-garde which deliberately isolated

itself from society and made its goal that of keeping culture from petrifying. This motion involved a focus on absolute issues of the artistic medium and the avoidance of “external” issues like content. A focus on the absolute leads to abstraction; abstraction is a type of purity and validity in art that is comparable to the validity of nature--what the artist is doing is “imitating” the processes of imitation, since art is imitation in its inception. This action cannot be criticized, but it is an action which the usual supporters of culture do not appreciate. So as a solution to a communication gap of sorts, a deliberate and perhaps larger one is created. In tandem with the creation of an avant-garde, isolated culture, there emerges a rearguard, or a culture which is derived from and appeals to the universal tastes and knowledge of the masses: kitsch [14: 200].

Kitsch is a commodity culture, developed specifically for the purpose of alleviating the boredom of the new proletariat. Kitsch exists in a symbiotic relationship with the other, dominant cultural system--it borrows its tools and transforms them to fit into its own system, and turns them out “mechanically”. Kitsch places technique above value and erases the distinctions that exist between values which can be found in art and those which are found elsewhere. In other words, kitsch merges art and life because it gives the viewer the answers, it gives the conclusion to a story which does not have to be guessed at and no effort has to be expended in order to understand the ending [8].

So, the first thing that distinguishes the avant-garde is its isolation in relation to the cultural environment. If “kitsch” is concentrated in a commercial environment, then the avant-garde, in turn, is distinguished by its cliquishness. This is due to the complexity of reading meanings in the works of avant-garde culture, because it is not clear to the average viewer. Hence it becomes absolutely clear why genuine art a priori is “anti-people”. Clement Greenberg says the following about this thesis: “The best artists [of the avant-garde] are artists for artists, and the best poets are poets for poets” [5: 516].

Since the instrument of the avant-garde is an abstraction that implies a rejection of objectivity, it is necessary to differentiate this concept in the context of its opposition to academic fine art, which was outlined by another German art historian and philosopher Wilhelm Vorringer in his work “Abstraction and Feeling”. He connects the tendency to abstraction with the desire of individualization, which is incomparable, in his opinion, with the role of space in the visual arts, “because just the space connects things with each other, imparts to them their relativity in the world and therefore can not be individualized” [13: 539]. Thus, the most important category of the avant-garde is “individualism”.

Proceeding from the aforesaid, the avant-garde should be understood as a genuine reaction to academicism, i.e. as a protest. In this context, we need to consider the flatness problem in painting. After all, if for old masters one of the main tasks was initially to overcome the flat nature of the canvas, then in the painting of modernists the restrictions become not the obstacles, but the essence

of painting [10: 516]. So the category of “formless” comes to the fore in avant-garde culture. Indeed, in the forefront, the dictatorship of form fades into the background, which marks the “crisis of the era of representation”.

Another feature that distinguishes academic painting from the avant-garde is the disappearance of the need for interpretation of a pre-set sense. The habitual division of the subject disappears, which is the artist himself, the author, and, in fact, the viewer, and the object, which is represented by a work of art. In particular, he postulates this problem in the context of the language of Roland Barthes in his work “The Death of the Author”. In his opinion, “as for the modern scripter, he [the author] is born simultaneously with the text, he has no being before and outside the letter, he is by no means the subject, in relation to which his book would be a predicate; there remains only one time – the time of the speech act, and every text is always written here and now” [2: 386].

It turns out that art also receives a new heuristic potential. So what was previously a priori passive, namely the object, can now become active. This work is devoted to the work of Georges Didi-Uberman with the talking title “What we see, what looks at us”. In his understanding, the perception of a work of art does not now imply the unconditional domination of the artist or viewer, but the object itself becomes an active participant in this process. Moreover, the object and the subject thus do not merge, but there is a “double distance” that never runs out, and thus the process of “communication” between the viewer and the work appears forever unfinished [7: 134]. It is evident that although the avant-garde is, in a sense, anti-national art, in view of the complexity of interpreting the symbols embedded in the work, it is this phenomenon that reflects the individual's reaction to the global upheavals that stirred up society. Thus, the avant-garde appears, first of all, as a historical phenomenon. And the impossibility of representation reality with the help of visual forms and is expressed in “iconophobia”, i.e. Fear of an iconic sign. After all, if the iconographic nature of art reflects a stable picture of the world, which in the context of post-war realities is not relevant, since there are pent-up landmarks, then iconophobia, in turn, reflects fear of form as something frozen, stable, definitive [12: 537].

Moreover, K. Greenberg notes that, in fact, the emergence of the avant-garde as such became possible thanks to a new critical interpretation of history, and as a result, representatives of the avant-garde “did not hesitate to demonstrate a lack of interest in politics”. As an argument in favor of this thesis one should recall one of the creators of the theory of the information society, Daniel Bell, who, in fact, speaks of the end of ideology in the context of American society in the 1950s, which is characterized by a decrease in interest in political life as a result of the transition of Western society to the post-industrial stage of development [3: 375]. In particular, the art historian Eva Cockcroft, in her article “Abstract Expressionism as a weapon of the Cold War”, also states that if the Renaissance art has been in step with the official authority, after the industrial revolution, the

role of the artist in the social structure of society was not so clearly defined. Moreover, “it becomes more likely even a part of the general flow of goods of a market economy” [6: 40]. So the founding of the Museum of Modern Art in New York City in 1929 under the auspices of the Rockefeller family was the consummate sign of the social and economic success of avant-garde art. Under the leadership of Alfred H. Barr, the museum mounted a series of now classic breakthrough exhibitions, although Cubism was singled out as the particularly seminal movement. The point was clearly made in Barr’s diagram of the development of avant-garde art through 1935 – “Cubism,” in the largest letters, has pride of place. According to the diagram, Cubism derives from Cézanne, Neo-Impressionism, and Henri Rousseau and leads directly to Suprematism and Constructivism finally leading to abstract art. This became the orthodox formal high line. German Expressionism, Dadaism, and Surrealism are shunted to the side, falsifying their influence and significance. Today Barr’s diagram looks academic and prejudiced, showing the limitations of a one-dimensional reading of avant-garde art privileging the formal. Again, the power of an institution to dictate and legislate art history is clear: Barr was in effect a modern Le Brun, and the Museum of Modern Art became the avant-garde academy, seeming to have more authority than the art itself [1]. This thesis can also be confirmed by the words of the French philosopher-postmodernist Jean-François Lyotard: “The social environment no longer recognizes itself in works of art, it ignores them, rejects them as incomprehensible, and after a while allows the intellectual avant-garde to keep them in museums as traces of attempts, bearing testimony of the power of the spirit and its poverty” [9: 226].

At the same time, in post-war realities, although we do not find the artist's visual reflection of certain political phenomena, one should understand here the a priori impossibility of the same historical paintings that took place, for example, in the 19th century. After all, society is, in a certain sense, in a state of horror, even numbness before those radical changes in society – that’s why the very artlessness of art is an immediate reaction. Realizing this, the absolutization of expression becomes an instrument for expressing such a reaction. It should be remembered the leading representative of abstract expressionism, Mark Rothko. In his own words, Rothko does not want to “maim” a human face, he makes ethical choices in contemporary socio-cultural realities and focuses on the “scale of human emotions”, choosing for them a different – a color, abstract – “way of expression”. So the modern French philosopher Jean-Luc Marion concludes that “Rothko was faced with the inevitable choice – either to kill the face, enclosing it in the flat frame of the picture”, or mutilate “himself as an artist, refusing to transfer the face directly. He chose the latter”. This is the new critical interpretation of history by the avant-garde. Moreover, all colour-field painters were experimenting with the use of flat areas or fields of colour to induce contemplation in the viewer – even to a pitch of mystic intensity. Rothko and

Newman, among others, described their desire to achieve the “sublime” rather than the “beautiful”. A type of highly coloured minimalism, their style aimed to liberate the artist from “all constraints of memory, association, nostalgia, legend, and myth that have been the devices of Western European painting” [13: 539].

Rothko’s own soft-edged rectangular shapes of glowing colour sought to envelop the viewer and trigger a semi-religious emotional experience, to the point of tears. Like Pollock and the action-painters, colour field paintings were executed on a monumental scale for optimum impact – not to invoke heroic grandeur but rather to influence and create an intimate relationship with the individual spectator. Rothko said, “I paint big to be intimate” [11].

Next, it should be noted that the very craving for avant-garde towards individualization is linked to technical progress. Another E. Junger in the work “Worker. Domination and gestalt” which was published in 1932, also states that the impossibility of developing the former elite art in the realities of the culture of the twentieth century, which, in his opinion, is the result of the loss of individuality and the development of technology, in this context, rather, photographs. Because, really, it’s not the picture that becomes interesting, but the photograph; not an individuality, but a type – “rather, we find that life begins to show fragments that are specifically for the lens and are not at all designed for a pencil” [9: 200]. This issue also applies to the well-known cultural theorist, Walter Benjamin, who believes that “the dawn of reproductive technology replaces the unique manifestation of a reproduced object with mass” [4: 22].

To sum up, it should be said that the avant-garde culture reflects the reaction to the shocks in society that took place in the XXth century, in particular, found the most vivid expression in the postwar period, namely, in the 50’s. This reaction is expressed in the rejection of visual forms, which leads to a craving for abstraction. And in connection with the complexity of reading characters, understanding the images in the product of avant-garde, the culture is individualized, although the disappearance of the usual division into subject and object is vividly evident. So art receives a new heuristic potential, which is expressed in the incompleteness of avant-garde works, in the effort to fix the moment, shifting the emphasis directly to the process of creating a work for a more accurate transfer of inner experience as a reaction. Thus, the avant-garde is, first of all, a historical phenomenon.

REFERENCES

1. Art Criticism In The 20th Century: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.britannica.com/topic/art-criticism/Art-criticism-in-the-20th-century#toc236409> (Date of circulation: 04/05/2017).
2. Bart R. Death of the author / Roland Bart // Semiotics. Poetics. – M.: Progress, 1994. – Pp. 386.

3. Bell D. The end of ideology / D. Bell. – Illinois, 1960. – Pp. 375.
4. Benjamin V. The work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays / V. Benjamin. – M.: “Medium”, 1996. – Pp. 22
5. Chunikhin K.A. “Modern and Postmodern” by Clement Greenberg, or the Apology of Modernism in the Postmodern Age / K.A. Chunikhin // Actual problems of theory and history of art. – SPb: 2013. – Issue. 3. – Pp. 516.
6. Cockcroft E. Abstract Expressionism, Weapon of the Cold War / Eva Cockcroft. – Artforum, 1974. – Vol. 15. – № 10. – Pp. 39 – 41.
7. Didi-Uberman J. What we see is what looks at us / Georges Didi-Ubermann; Per. From the French A. Shestakov. – SPb: Science, 2001. – Pp. 134
8. Grinberg C. Avant-garde and kitsch / Clement Grinberg: [Electronic resource]. – Access mode: <http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/>
9. Liotard J.-F. Sublime and avant-garde // Metaphysical studies. – SPb.: Culture, 1997. – Pp. 226.
10. Ortega y Gasset H. Revolt of the masses / H. Ortega y Gasset. – Moscow: “Publishing house AST”, 2002. – Pp. 21.
11. The Definition of Art [Electronic resource]. – Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/art-definition/>
12. Venkova A.V. Representation of the plastic form and the idea of "formless" in contemporary art / A.V. Venkova // Fundamental Problems of Cultural Studies: Volume 5: Theory and Methodology of Contemporary Culturology. – M. – SPb: The new chronograph-Eidos, 2009. – Pp. 537.
13. Vorringer V. Abstraction and spiritualization / V. Vorringer // Aesthetics and the theory of art of the XX c. / ed. A.Migunov. – Moscow, 2008. – Pp. 539.
14. Younger E. The worker. Domination and Gestalt. Total mobilization. About pain / E. Younger. – SPb.: Science, 2000. – Pp. 200.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками – к.філос.н., доц.К.В.Ушаковою;
к.ф.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 17.05.2017*

SYMBOLS, MYTHS AND METAPHORS IN THE ADVERTISEMENT

O.S. Tomashunos

a 2nd year student, Faculty of Philosophy,

Cultural Studies Department,

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38050-611-94-74; email: oltomashunos@ukr.net

Мы живем во времени, когда реклама способствует росту компаний и улучшению комфорта потребителей тех или иных услуг и продуктов. Крупные бренды заставляют покупателей приобрести их продукт в качестве неотъемлемого компонента их жизни. Как стать крупной сетью по производству табачной продукции? Как манипулировать количеством голосов в предвыборных кампаниях? Эта статья рассматривает так называемый семиотический подход который дает разъяснения типов воздействия рекламы на наше подсознание, анализирует символику и мифологическую сторону рекламы с культурологической точки зрения.

Ключевые слова: реклама, семиотический подход, коллективное бессознательное, символы, знаки, мифы.

Ми живемо у часи, коли реклама сприяє зростанню компаній та покращенню комфорту споживачів тих чи інших послуг та продуктів. Великі бренди змушують покупців придбати їх продукт як невід'ємний компонент їх життя. Як стати великою мережею з виробництва тютюнової продукції? Як маніпулювати кількістю голосів в передвиборних кампаніях? Ця стаття розглядає так званий семіотичний підхід, який дає роз'яснення типів впливу реклами на нашу підсвідомість, аналізує символіку і міфологічну сторону реклами з культурологічної точки зору.

Ключові слова: реклама, семіотичний підхід, колективне несвідоме, символи, знаки, міфи.

We live in time when advertisement contributes to the company growth and improves the customers comfort to use the difference services and products. The big brands make the purchasers get their product as the necessary component of their life. How can a big network on manufacture of tobacco products be made? How to manipulate the amount of voices in sinelectoral campaigns? This article clarifies the semiotic approach which figures out the types of advertisements which influence people's subconsciousness as well as analyses symbolism and mythological side of the advertisement from cultural point of view.

Keywords: advertisement, semiotic approach, collective unconscious, symbols, characters, myths.

What is an advertisement in our modern society? It has become an integral part of our world and daily life. An advertisement began to play a more global role in a society – sense-making, besides the delivered information about a product or a service to a potential consumer. There is endless variety of possibilities in the world where an advertisement acts as a navigator, shows the direction of thinking, people's desires, and it creates models for imitation. A successful advertisement creates a desire in viewers, listeners or readers. It also provides information on how to fulfill that desire and makes the potential customer feel good about doing so. Firstly, in my opinion, we should examine what an advertisement is. An American marketer, Armand Dayan, believes that an ad is a paid form of communication which is directed in favor of any products, brands, firms which advertising is connected with. The aim of this communication is information about something that can arouse a consumer's interest. It is also important to note that advertising message always favors the offered product or service; this means that the ad is biased. Cook states that advertising is a prominent discourse type in virtually all contemporary societies, and we live in a society where it is already well established or rapidly gaining ground. The important distinguishing feature of an ad discourse is its function, because this is always to persuade people to buy a particular product. But this is not the only function. According to Durant & Lambrou, at the same time, advertising conveys information so that consumers know what is available, who makes it, and where and how they can get it.

Dyer holds that an ad as a means of representation and meaning construct ideology within itself through the intervention of external codes which are located in society. He believes that the ideology of advertisements is so powerful; it is naturalized by the image, the neutral realm of a signifier. This culturological phenomenon was of a great interest to many researchers studying the mass media. Since 1960s the semiotic approach became popular. Their attention was focused on signs and symbols. This theme was considered in details in the works by R. Barthes, J. Bodriyar, U. Eco, E. Groys, N.D. Kondratiev and the others. Semiotics is frequently used in advertising to signify an advertiser's message through the use of signs or symbols. A sign can be better understood as a signifier, or a symbol that signifies something else. In some cases, the sign can be an exact representation of the thing being signified, while in other cases, it may be a symbol associated with it. A sign consists of anything which generates meaning. Saussure believes that language is constructed by arbitrary signs, the most important construction in semiotics; hence it is considered as a model. For him, sign is a physical object with meaning consisting of what he termed the 'signifier' and the 'signified'. The signifier is a term for the sign itself; the images as we, the

audience, perceive it and the members of the same culture, who share the same language. However, the advertisement of famous brands (such as «Nokia», «Наша рубка», «Mercedes») is only alibi, because there is something more fundamentally important for the whole of modern society beyond all this.

Symbols are those what the ad promotes. It is not a product or service, but expression of some states, phenomena, or feelings. For example, a car is a symbol of a certain prestige or status. The ad promises people not only to get a product, which they have paid for, but also to improve the image, relationships with the surrounding people, to gain some harmony and peace of mind. The opportunity of obtaining these nonmaterials values is associated with the desire to buy specific things. The main task of the symbol in advertisement is to influence our subconsciousness and to cause a certain desire of possessing this quality. How is this virtual world created? There are usually several plans in the commercial. First of all, this is a verbal description of the product. The images, sounds and non-verbal elements are overlapped on it. The ad addresses not to the logic of man, but to his emotions. The text consists of action verbs in the present tense, repeating the keywords are used in order to fix a positive image in the minds of consumers. Image as one of the most frequent symbol used in advertising is the visual image of the product being sold. For instance, a restaurant that sells fancy desserts in addition to their main entrees may take out a billboard advertisement strategically placed two to three miles away from the freeway exit where the restaurant is located. Placing something as simple as a picture of a dessert on the sign may be just enough to pique the curiosity or perhaps the appetite of the passerby. Some images don't even have to be of what's being promoted. Instead, a commonly associated symbol will suffice. For example, a picture of a skull and crossbones next to a pack of cigarettes could be used to advertise the harmful nature of cigarette smoking.

Text can also be used to serve as a symbol in advertising in the same way that an image is used. Frequently one word will convey a message with the same effectiveness as an entire picture. For example, the word "communist" might be flashed on the screen during a political advertisement designed to disparage the policies or political views of an opponent. In this case, the word would signify a left-leaning approach, which can also be symbolized by words such as "socialist". Similarly, a positive message can also be conveyed to endorse a political candidate, using words such as "bravery" or "conservative" to set the candidate apart from his opponents. Symbols do not have to be visual in nature. They can be audible, as well. Music, for example, is a sort of universal language that advertisers use to convey the mood of their message. The actual content of the music itself can also be a symbol for an advertised product or message. For example, a catchy jingle may be used to advertise a particular place of business on the radio. From time to time, the words of the song may include the phone number of the business. The jingle is meant to stick in the memory of the target

audience and be there as an easy symbol to recall when needed. The use of semiotics in advertising is in many ways a process. Just because an advertiser chooses a lizard to represent its business by serving as its logo and mascot does not mean that every time consumers see a lizard they will think of that company. Instead, semiotics employs the use of repeated symbols that eventually come to signify the product. The message's effectiveness can still be instantaneous, but the branding that takes place by introducing such a symbol will generally take months, if not years, to establish. Advertisers do this, not only through repetition, but also through the combining of symbols, bringing words, images and music together into one meaningful and coherent composition.

According to Roland Barth, signs and symbols are always contained in the advertisement and made so that it is easy to read. He believes that, we should be fully conscious about the ideology around us and the best way is by realizing that all things which are natural by common sense are just mythologies. For him, the denotative status of images is "mythical", while in fact photographic images are naturally connoted and, especially in advertising, are the instruments of intentional processes of signification that are established a priori, therefore encoded in the photograph. For example, a sense of confidence is associated with tampons, happiness – with perfumes, courage – with cigarettes, comfort – with coffee. Due to the concept of the Austrian psychologist K.G. Jung, all the people have mysterious area in their souls that unites them. **Collective unconscious** – is the archives of the inherited memory. Symbols and images are fixed as a result of a millennium of evolution. The psychological researches proved that the same archetypic symbols cause the same unconscious associations in all people. Let's consider one of the archetypic symbols by Jung, for example the archetype "a shadow" which is an unconscious part of a personality that can look like a demonic double. The archetype « shadow » I would treat in the ad as "monsters" or bacteria that cause an unpleasant odor. For example, in the advertisement of the deodorant «Rexona». Symbols can be either real objects of culture and mythical, fairy-tale characters or famous people, national heroes. The image of the cowboy (an American cultural symbol) is often used in the ads of jeans and cigarettes. This popular image is recognized in many countries and was commercially productive. In such a way the image of «Marlboro» with its cowboy themes allowed the company "Philip Morris" to become one of the world leaders in the production and sale of cigarettes. An eagle symbol – is one of the most important national symbols of USA. It is represented on many trademarks, symbolizing the American nation and culture. **Metaphors** are important linguistic devices. They are a primary means of conceptualizing the world. Their power is derived from their ability to assimilate new experiences to familiar patterns of perception. However, metaphors are often used unquestionably as common sense expressions with which one has grown up. One tends to forget that they are partial conceptualizations of reality because, as Goethe has pointed out, highlighting and

suppression of experience necessarily involves “ignoring of differences and highlighting of selected similarities” [4].

According to recent theories, a metaphor plays a significant role in cognitive processing, influencing our thinking, reasoning and actions. As Lakoff and Johnson originally put it, “Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature”. Metaphors merge two seemingly incompatible images or concepts in an effort to create symbolism. Metaphors are frequently used in advertising as a way to enhance the perceived value of a product or to make it seem more personal. They can also help to create a particular brand image. An advertising metaphor often combines a verbal phrase with a visual image to dramatize the effect.

“Your Daily Ray of Sunshine”. This metaphor was used by Tropicana to promote its orange juice. The metaphor projects an image of health and vitality that is associated with drinking orange juice on a daily basis. It also alludes to the fact that oranges are natural products raised in sunny climates as opposed to man-made products filled with artificial ingredients.

“It’s What Comfort Tastes Like”. Werther’s used this metaphor to associate eating its candy products with “comfort food”, to make consumers feel good about eating them. Chocolate and caramel lovers are led to believe that eating the candy can provide a break from their everyday stresses and be able to experience a pleasurable sensation. *“Connecting People”*. Nokia used this metaphor to convey the image of connecting people with their mobile phones instead of simply as a means of having a conversation. The message is that not only can you talk to someone who may be hundreds of miles away you can also make an emotional connection with the person which enhances the phone’s value.

“Subservient Chicken”. Burger King used this metaphor to advertise its chicken products. It creates an image of a chicken complying during the preparation process to ensure the consumer’s food meets his exact specifications. The metaphor is in line with Burger King’s overall “Have it your way” branding strategy.

“Isn’t It Time You Gave Yourself Some TLC?” Much the same way as Werther’s made eating candy a symbol of comfort, Activia used this phrase to equate eating its yogurt with providing yourself some tender loving care. In addition to eating a food product to satisfy a basic need, you are getting the extra benefit of doing something good for your health.

“Real Honest Food”. Ginester used this phrase to convey the image that its Cornish pasties are better than those of their presumably “dishonest” competitors. It also sends a message that the products are somehow more wholesome and consuming them may even be the “moral” thing to do.

Conclusion. Therefore, the world of our desires is the world of the advertisement. For that we need myths and symbols. A consumer doesn’t have any opportunity to compare a chemical compound and quality of wash powders, beer or jeans but he willingly buys symbols that he likes. Going to the shop and

choosing a certain product, you join a particular social group that recognizes a certain myth or symbol. Nowadays when we are all exposed to heavy masses of adverts, we must always bear in mind that advertising has several tools and tricks to influence us. Therefore, we have to filter the information presented in ads, and be careful to accept portrayals of people and the world found in adverts, as they often tend to employ stereotypes. Hopefully, my paper has managed to call attention to the importance of further research into the relationship between the media and symbols.

REFERENCES

1. Barthes R. Mythologies / R.Barthes. – London: Paladin, 1973. – Pp. 36 – 38.
2. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London, 1992. – 251 p.
3. Dyer G. Advertising as Communication / G. Dyer. – London, 1986. – 139 p.
4. Goatly A. The Language of Metaphors / A.Goatly. – .London, 1997. – 376 p.
5. Guilford J.P., Smith P.C. A system of color preferences / J.P. Guilford, P.C. Smith // American Journal of Psychology. – № 72(4). – 1959. – Pp.487–502.
6. Jung C.G. The Concept of the Collective Unconscious / Carl Gustav Jung. – 1936. – Access Mode: <http://carljung.ru/Library/EngConcept.htm>
7. Jung C.G. Collected Works / Carl Gustav Jung. – Vol. 9.I. – 1959.
8. Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious / C.G. Jung. – London, 1996. – 568 p.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 191 p.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками – к.філос.н., доц.
О.С. Петриківською; к.ф.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 17.06.2017*

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бендас Дар'я Юріївна – студентка IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Богата Лідія Миколаївна – доктор філософських наук, професор кафедри культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Вільховченко Надія Павлівна – кандидат філологічних наук, Львівський національний університет імені Івана Франко

Голодецький Давід Львовіч – студент IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Жиленко Ганна Олегівна – студентка II курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Зябкіна Катерина Юр'ївна – студентка IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Ковальов Денис Володимирович – випускник історичного факультету ДНУ імені Олеся Гончара, аспірант IV року навчання кафедри історії та політичної теорії ДВНЗ

Кравченко Сергій Сергійович – студент III курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Майборода Павло Андрійович – магістр історії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Нофал Фарис Османович – студент заочного відділення V курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Олійниченко Олена Володимирівна – кандидат філологічних наук, викладач кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Панін Максим Олегович – студент II курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Поправко Олександра Олександрівна – студентка II курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Поспелов Андрій Сергійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Присяжнюк Оксана Ярославівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Райхерт Костянтин Вільгельмович – кандидат філософських наук, Доцент кафедри філософії та методології пізнання, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Родічева Єлизавета Сергіївна – студентка II курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Рубський В'ячеслав Миколайович – провідний фахівець Центру поза освітньої діяльності, кандидат богословських наук, бакалавр філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Самофатов Михайло Ігорович – студент II курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Тітімець Ірина Олександрівна – студентка III курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Топчій Валерій Ігорович – студент III курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова

Томашунос Ольга Сергіївна – студентка II курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Федорова Ксенія Георгіївна – студентка III курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Філюк Лілія Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

ШАНОВНІ КОЛЕГИ!

Запрошуємо до публікації наукових статей у збірнику **“Полілог”**, **випуск 5**. Матеріали для опублікування приймаються від студентів, аспірантів та викладачів, які спеціалізуються у галузі історії, філософії та культурології. Наукові статті повинні містити: постановку проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання проблеми і на які спирається автор, виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з дослідження і перспективи подальших розвідок у цьому напрямку.

Вимоги до оформлення статей

- стаття подається без автоматичних переносів слів українською (російською, англійською) мовою;
 - відцентрована назва публікації друкується великими літерами, над нею подається УДК, а під нею в центрі звичайними літерами – прізвище та ініціали автора, нижче курсивом – місце навчання (роботи), контактний телефон та електронна адреса;
 - далі дається кратка анотація статті англійською, російською та українською мовами (не більше 600 знаків (рахуючи з пробілами));
 - після анотації – ключові слова трьома мовами (5 штук);
 - основний текст друкується через 1 інтервал шрифтом 14 Times New Roman Сут.; поля ліворуч, вгорі, внизу – 2 см, праворуч – 1 см; відступ абзацу – 10 мм.
 - сторінки не нумеруються;
 - посилання у тексті тільки кінцеві – в квадратних дужках, із зазначенням номера (наприклад: [2: 32]);
 - завершує публікацію «Література» (друкується жирним шрифтом), подана в алфавітному порядку з дотриманням вимог МОН України.
 - студенти, аспіранти та молоді вчені без наукового звання додають рецензії своїх наукових керівників.
- В окремому файлі подаються відомості про автора (прізвище, ім'я та по батькові повністю), науковий ступінь, вчене звання, місце роботи, посада, домашня адреса, телефон, електронна адреса.
- обсяг – 8–10 с.
 - термін подачі – **до 15 червня 2018 р.**
 - матеріали надсилати за адресою: prysokyar@rambler.ru